ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 43-й

№ 5 (4343)

2 февраля 1972 г. СРЕДА

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
член Комитета Парламентской группы СССР

## ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

Воскресным вечером, когда диктор Московского радио закончил обзор откликов на Декларацию о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе, раздался негромкий и знакомый тысячам людей голос: «Начинаем передачу «Найти человека»...»

Мать ищет сына, пропавшего во время войны... Сын ищет мать, потерявшуюся во время войны... Брат ищет сестру — ее след исчез во время войны... Сотни тысяч людей, давно утративших, казалось, надежду, все-таки жадно слушают радио: а вдруг, а может быть?..

Письма, полные отчаяния, надежды... Девочка родилась в сорок первом. Ее мать умерла, война раскидала всю семью. Три десятилетия девочка, девушка, женщина пытается найти своих близких. Изо дня в день, из месяца в месяц. Она не хочет, чтобы история повторилась. И ее голос должен быть услышан в первую очередь — ведь она говорит от имени своего отца, павшего на фронте, от имени брата, пропавшего без вести, от имени всех, чья жизнь была искалечена войной, начавшейся в центре Европы. Это ее слова, ее мысли выражены в Декларации: «...добиться превращения европейского континента в район постоянного прочного мира, в район плодотворного сотрудничества между суверенными и равноправными государствами, а фактор стабильности и взаимопонимания во всем мире».

Регулярно парламентарии разных стран Европы обмениваются мнениями, обсуждают свои задачи. Нет у нас цели более высокой, чем мир и покой на земле. Это признают, это говорят все. Что же мешает нам немедленно, сейчас же принять радикальные меры для достижения этой цели?

Лишь меньшинство открыто выступает против созыва общеевропейского совещания. Иные предпочитают в своих речах после полного одобрения самой идеи сделать эффектную паузу и добавить: «Но мы против поспешности. Сначала надо все обдумать, хорошенько подготовиться, а то как бы чего не вышло». Бог знает, что понимают они под этим неопределенным «чего». Тем не менее кто же будет возражать против предварительной подготовки? Участники совещания в Праге «с пониманием относятся к соображениям многих государств, которые высказываются за проведение необходимой подготовки общеевропейского совещания», только подготовка эта должна содействовать «его скорейшему созыву и успеху его работы».

И теперь, после Праги, я хотел бы спросить некоторых своих коллег — парламентариев западноевропейских стран: какие еще у вас остались (если они были) оговорки и сомнения? Не сделаны ли с нашей стороны все усилия, чтобы смести последние преграды на пути к добрососедству и сотрудничеству в интересах мира? Принципы, выраженные в Пражской декларации, — разве это не чаяния всех европейских народов: нерушимость существующих границ, непримененение силы во взаимных отношениях, мирное сосуществование, добрососедские отношения и сотрудничество в интересах мира, взаимовыгодные связи, разоружение, поддержка ООН?..

В Европе на памятниках жертвам минувшей войны стоит лаконичная надпись: «Мертвые предупреждают...» Они предупреждают нас: не допустите повторения прошлого!

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

## ДОВЕРИЕ ПАРТИИ ВДОХНОВЛЯЕТ

На XXIV съезде КПСС со всей определенностью говорилось о повышении роли литературы и искусства в духовной жизни советского общества. Отмечая достижения советской литературы и искусства, партия призывает вместе с тем к повышению идейно-художественного качества и общественной значимости создаваемых произведений. «Несомненно, успехи советской литературы и искусства были бы еще значительнее, а недостатки изживались бы быстрее, — сказал на съезде Леонид Ильич Брежнев, — если бы наша литературно-художественная критика более активно проводила линию партии, выступала с большей принципиальностью, соединяя взыскательность с тактом, с бережным отношением к творцам художественных ценностей».

Как новое проявление неустанной заботы партии о дальнейшем расцвете нашей многонациональной литературы и искусства, о приумножении духовных богатств советского народа было воспринято всей творческой интеллигенцией Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», продолжающее и развивающее программные положения XXIV съезда КПСС. Это Постановление определило атмосферу очередного пленума правления Союза писателей СССР. Участники пленума рассматривали этот документ как руководство к действию, как программу, способствующую повышению идейно-теоретического уровня критики, ее боевитости и принципиальности.

В президиуме собрания — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, председатель правления Союза писателей СССР К. А. Федин, секретари правления, деятели культуры. Пленум открыл первый секретарь правления СП СССР Г. М. Марков.

С докладом «Литературно-художественная критика и современность» выступил секретарь правления СП СССР В. М. Озеров.

После доклада развернулись оживленные прения. Особенностью пленума, как, впрочем, и предшествовавших ему совещаний по проблемам критики в Риге, Ленинграде, Москве, стало активное участие в заботах критического цеха представителей других литературных цехов — прозаиков, поэтов, драматургов. Вместе с критиками и литературоведами в течение трех дней они с горячей заинтересованностью рассматривали насущные проблемы критики.

Какой бы круг вопросов, связанных с современным состоянием критики и ее новыми задачами, ни затрагивали выступавшие — шла ли речь о методологии, теоретической оснащенности, соотнесенности критики с жизнью, ее роли в эстетическом воспитании советских людей, о профессиональном мастерстве и таланте критика, — это было прежде всего слово об ответственности художника в условиях острой идеологической борьбы, об ответственности перед временем, перед народом, перед партией, о требовательности, взыскательности к своему труду, о партийной и гражданской целеустремленности.

Всего в обсуждении доклада приняли участие свыше 30 представителей многонациональной советской литературы.

С заключительным словом выступил В. М. Озеров.

Пленум принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию литературно-художественной критики в свете решений XXIV съезда партии и Постановления ЦК КПСС».

Пленум правления Союза писателей СССР отмечает, говорится в этом документе, что оценки и выводы XXIV съезда партии по вопросам художественного творчества. Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» получили единодушное одобрение и поддержку со стороны советской литературной общественности. Партия рассматривает литературно-художественную критику как важное средство дальнейшего развития советской многонациональной культуры, повышения идейно-художественного уровня литературы и искусства, их роли в коммунистическом воспитании масс.

В свете указаний партии, подчеркивается в постановлении, важнейшей задачей Союза писателей является повышение идейно-теоретического и профессионального уровня критики, ее роли в борьбе за новый подъем советской литературы, за творческое развитие принципов социалистического реализма. Необходимо обеспечить активное участие критики в решении задач коммунистического строительства, в формировании общественного мнения, в эстетическом воспитании масс, в борьбе против буржуазной идеологии. Литературная критика должна глубоко анализировать современный творческий процесс, всячески содействовать идейно-творческому росту писателей, сочетать точность идейных оценок, глубину социального анализа с эстетической требовательностью, с бережным отношением к творцам художественных ценностей.

Пленум постановил предусмотреть в планах работы Союза писателей регулярное проведение творческих обсуждений, дискуссий, теоретических конференций по актуальным вопросам развития искусства социалистического реализма. Особо актуальным и важным является разработка проблем развития многонациональной советской литературы, взаимообогащения и сближения литератур социалистических наций. В 1972 году — году 50-летия образования СССР — решено провести теоретическую конференцию на тему «Новая историческая общность людей — советский народ и развитие литературы социалистического реализма». Начиная с 1973 года решено проводить совместно с ИМЛИ имени А. М. Горького научно-творческие конференции по итогам литературного года. Писательским организациям республик рекомендовано организовать аналогичные конференции и дискуссии.

Пленум поручил секретариату правления СП СССР, правлениям республиканских и местных писательских организаций принять необходимые меры для улучшения работы советов, комиссий и творческих секций по литературной критике, рассмотреть перспективные планы их деятельности, регулярно заслушивать отчеты о проводимых мероприятиях, добиться улучшения работы отделов критики и библиографии органов литературной печати, повышения идейно-эстетического уровня публикуемых материалов.

В постановлении намечены мероприятия по работе с молодыми критиками. Для поощрения литературно-критических и теоретических работ признано целесообразным учредить ежегодные премии за лучшие книги, статьи, обзоры, посвященные анализу современного литературного процесса.

Пленум правления Союза писателей СССР выразил твердую уверенность в том, что советские писатели и критики в ответ на заботу Коммунистической партии о развитии советской литературы и искусства создадут новые значительные художественные и литературно-критические произведения, достойные нашей великой эпохи — эпохи строительства коммунизма.

Пленум заверил ЦК КПСС, что писательские организации страны сделают все для того, чтобы добиться серьезного повышения роли литературной критики в решении задач коммунистического воспитания народа, в утверждении и развитии плодотворных традиций социалистического реализма, опирающегося на ленинские принципы партийности и народности литературы.

*В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ. Константин ФЕДИН и Николай ТИХОНОВ*

Фото Л. НИСКЕВИЧА

Материалы пленума читайте на стр. 2, 3, 4, 5, 6

С МЕСТА СОБЫТИЯ

## ВЫСОКОЕ СЛОВО: МАГНИТКА

40 лет назад первая домна Магнитки выдала первую плавку.

Магнитка... Не знаю, кто первый произнес это слово. Оно должно звучало как надежда, как обещание, потом как быль. Слово это вошло в словари многих стран мира, а сам город стал великой вехой в строительстве социализма.

Стройка началась в 1929 году. 31 января 1932 года домна дала металл. Можно себе представить ликование страны! Металл Магнитки ждали на новостройках и заводах, в только что созданных колхозах, в армии. Он превращался в станки и тракторы, самолеты, танки.

Можно ли представить себе победу в Великой Отечественной без Магнитки? Каждый третий снаряд был сделан из магнитогорского металла. По-моему, ежегодно, 9 Мая мы должны приносить цветы к подножию этих домен!

О масштабах Магнитогорского комбината много писали, но, признаюсь, каждый раз он поражает воображение.

На юбилей Магнитки сюда приехали сталевары из Нижнего Тагила, Челябинска, Кузнецка... И, конечно же, писатели. Ведь Магнитка — это начало стольких литературных биографий, стольких песен, стольких книг! Именно с Магнитки связаны творческие судьбы Николая Погодина, Александра Малышкина, Валентина Катаева, Бориса Ручьева, Людмилы Татьяничевой, других известных поэтов и прозаиков. В составе нашей делегации — А. Авдеенко, бывший машинист Магнитогорского комбината, автор романа «Я люблю» — настольной книги молодежи того времени.

В зале звучат стихи. Их читают Евг. Долматовский, В. Туркин, М. Максимов. Некоторые строки родились буквально на глазах, под впечатлением сегодняшних встреч на уральской земле.

Вместе с нами в празднике металлургов принимают участие челябинские прозаики и поэты А. Шманов, М. Гроссман, В. Богданов, магнитогорцы Б. Ручьев, В. Машковцев, М. Чурилин и другие. Мы выступали в цехах, в педагогическом институте, в индустриальном техникуме...

И каждый, кому посчастливилось быть в эти дни в огромных цехах Магнитки, слышать могучее дыхание домен, быть свидетелем небывалого трудового энтузиазма магнитогорцев, чувствовал себя причастным к славной истории, 40 лет назад получившей звонкое имя — МАГНИТКА!

Михаил ЛЬВОВ,
специальный корреспондент «ЛГ»
МАГНИТОГОРСК

Луис Карлос ПРЕСТЕС:

## КНИГИ, НЕСУЩИЕ СВЕТ

Генеральный секретарь Центрального Комитета Бразильской коммунистической партии отвечает на вопросы «Литературной газеты».

«Литературная газета» уже сообщала (№ 3, 1972 г.), что находившийся в Москве Генеральный секретарь Центрального Комитета Бразильской коммунистической партии товарищ Луис Карлос Престес посетил правление Союза писателей СССР и во время дружеской беседы передал советским писателям медаль с изображением великого бразильского поэта Антонио Кастру Алвеса и приветственное письмо бразильских коммунистов.

В эти же дни товарищ Луис Карлос Престес принял корреспондента «Литературной газеты» Н. Мара.

— Когда вы, товарищ Престес, впервые познакомились с творчеством советских литераторов?

— Это произошло давно, — рассказывает товарищ Престес, — лет сорок назад, в 1932—1934 годах. Мне довелось жить и работать — я ведь по профессии инженер — в Советском Союзе в ту, ныне уже далекую пору, когда советский народ осуществлял свои первые пятилетки. Именно в те годы я прочитал «Железный поток» Серафимовича и «Цемент» Гладкова. Для меня, бразильского коммуниста, это были первые произведения крупных советских романистов. Именно тогда я понял, какое большое значение имеет литература в жизни строящей социализм страны. Потом я читал произведения Горького, Островского, Шолохова и других выдающихся советских писателей, переведенные на португальский язык.

В пятидесятые годы по инициативе нашей партии бразильское издательство «Виториа» начало издавать «Народную библиотеку», куда вошли произведения около 20 видных советских писателей. Таким образом бразильские читатели получили возможность познакомиться с книгами Максима Горького, Николая Островского, Александра Фадеева, Михаила Шолохова... Кстати говоря, замечательный роман Шолохова «Тихий Дон» недавно был полностью выпущен одним бразильским издательством тиражом в 5,000 экземпляров. Это для Бразилии очень высокий тираж, если учитывать, что в нашей стране еще и сейчас много неграмотных. Пожалуй, один только Жоржи Амаду печатается на родине более крупными тиражами.

— Следовательно, вы читаете советских писателей в переводе на португальский язык?

— Главным образом, но не только... Многие произведения я читал в переводах на испанский и французский языки, потому что на португальский язык советская литература все еще, к сожалению, переводится мало. Это и является одной из причин того, что бразильцы пока слабо с нею знакомы. И все же мы стараемся следить за бурным развитием советской литературы, опираясь на помощь одного вашего хорошего издания...

— Какого именно?

— Журнала «Советская литература» на иностранных языках, который издает Союз писателей СССР. Получая этот журнал, который, к сожалению, нерегулярно поступает в Бразилию, нам все-таки удается следить за новинками советской литературы. Недавно в этом журнале я с большим удовольствием читал фрагменты из книги Расула Гамзатова «Мой Дагестан». Пожалуйста, передайте товарищу Гамзатову мою благодарность за яркое и увлекательное произведение.

Интерес бразильцев к Советскому Союзу и советской литературе настолько велик, что даже некоторые буржуазные издательства издают советские книги, в частности произведения Шолохова. Пользуюсь случаем, чтобы передать через «Литературную газету» привет товарищу Михаилу Шолохову, который, по моему мнению, сейчас является одним из крупнейших писателей мира.

— Что бы вы хотели сказать, товарищ Престес, о современном этапе развития бразильской литературы?

— Развитие бразильской литературы за последние сорок лет, быть может, с наибольшей силой выразило себя в творчестве наших крупнейших современных писателей-реалистов Жоржи Амаду, Эрику Вериссимо и Грасильяну Рамуса. Они поставили в своих произведениях важные проблемы жизни бразильского народа, а также некоторые острые вопросы современной политической жизни мира. В этом смысле особое место занимает повесть Эрику Вериссимо «Пленный из Вьетнама», разоблачающая агрессию американских империалистов против вьетнамского народа. Повесть вышла в свет несколько лет назад, однако она и сейчас привлекает внимание широких кругов бразильских читателей. Нельзя вместе с тем не отметить и то обстоятельство, что в последние семь лет в общем развитии бразильской литературы отмечается некоторый застой, причины которого нетрудно понять, если вспомнить о полицейских преследованиях, которым подвергают прогрессивную творческую интеллигенцию правящие круги страны.

— Наконец, еще один, так сказать, личный вопрос: не намереваетесь ли вы, товарищ Престес, написать книгу, быть может в мемуарном жанре, о своем пути борьбы в рядах Бразильской коммунистической партии?

— Я не считаю себя литератором и пишу только по заданию партии, когда в этом есть политическая необходимость. По специальности я инженер, в молодости много и с увлечением занимался математикой. Хотя я уже давно не молод, но все же не могу не признаться — предпочитаю участвовать в борьбе, а не писать о ней. Тем не менее руководство нашей партии настаивает, чтобы я написал о своей многолетней политической деятельности в рядах нашей партии. Наверное, интересно написать о том, как я, в прошлом офицер армии капиталистического государства, пришел к непоколебимому убеждению в победе коммунизма. Может быть, писать надо — не спорю! Но это трудно и в немалой степени зависит от времени и обстоятельств. А художественную литературу, признаться, я очень люблю.

Товарищ Луис Карлос Престес просил через «Литературную газету» передать сердечный привет бразильских коммунистов всем советским писателям и читателям, всей многонациональной советской литературе.

## ОЖИДАННОЕ НЕОЖИДАННОСТЕЙ

SAPPORO 72

*Завтра в Саппоро открываются XI зимние Олимпийские игры. Любители спорта ждут победных выступлений не только от наших прославленных олимпийцев, но и от дебютантов советской олимпийской команды. Лучший из них по традиции будет награжден «Призом неожиданности», учрежденным «Литературной газетой». Он вручается тому, кто, сокрушив все прогнозы, добьется неожиданно высокого результата, поучительного для спортсменов и радостного для болельщиков.*

*В Гренобле «Приз неожиданности» достался серебряному призеру лыжнику Вячеславу Веденину. Однако буквально в последний час Олимпиады пришлось учредить «Приз сверхнеожиданности» для дебютанта — прыгуна с трамплина Владимира Белоусова, который обошел прославленных фаворитов и завоевал золотую медаль. На летней Олимпиаде в Мехико «Приз неожиданности» получила молодая фехтовальщица Елена Новикова (Белова).*

*Кому достанется этот приз в Саппоро, решит жюри: писатели Александр Кулешов, Роберт Рождественский, Морис Слободской, Цезарь Солодарь и заместитель начальника отдела пропаганды Спорткомитета СССР Александр Седов.*

*Накануне отлета наших олимпийцев в Японию руководитель советской делегации, председатель Комитета по физкультуре и спорту при Совете Министров СССР Сергей Павлович Павлов встретился с писателем Цезарем Солодарем — корреспондентом «ЛГ» на Олимпиаде.*

**КОРР.** Мне приходилось слышать от наших бывалых спортсменов, что ни на одном международном соревновании они так не «перегорают», как на Олимпиаде.

**С. П. ПАВЛОВ.** Вероятно, то же самое скажет спортсмен любой страны: ведь Олимпиада — самое печатное и самое ответственное соревнование для любого спортсмена. Волнует торжественность олимпийской клятвы и весь ритуал Олимпиады. Олимпийские игры собирают самых лучших спортсменов мира, и напряженность спортивной борьбы достигает предельного накала. Иногда даже опытнейшие спортсмены уступают ранее завоеванные рубежи из-за нервной перегрузки.

**КОРР.** Результаты Гренобля были для наших олимпийцев не слишком радостными. Я вспоминаю об этом, Сергей Павлович, только для того, чтобы...

**С. П. ПАВЛОВ.** Чтобы я рассказал читателям, как учтен опыт Гренобля в подготовке к Саппоро? Самое существенное — иными стали принципы формирования олимпийской команды. Существовала раньше какая предопределенность в подборе кандидатур в сборную. Многое зависело от того, насколько прославлен и популярен спортсмен. Такая практика не побуждала иных, заранее отобранных спортсменов к упорному совершенствованию. Еще губительнее был вирус безнадежности, объективно прививавшийся невичкам: шоп, все равно не поеду!

Ныне олимпийская команда сформировалась на основе строго спортивного отбора — прежде всего учитывались личные достижения спортсменов в последних решающих соревнованиях, их волевые качества. На мой взгляд, наша команда представляет собой обнадеживающий сплав молодости и опыта. Самой юной олимпийке — фигуристке Марине Саная пошел только четырнадцатый год. Рядом с ней — тридцативосьмилетний ветеран, прыгун с трамплина Коба Цанадзе.

**КОРР.** Четыре года, отделяющие нас от Гренобля, характеризовались поистине революционным развитием науки и техники. Отразилось ли это на методах и средствах подготовки олимпийцев?

**С. П. ПАВЛОВ.** Судите сами. Перед играми в Гренобле тренерам помогали только врачи. Сейчас же в числе постоянных соратников тренера — физиолог, биолог, психолог, химик, инженер.

**КОРР.** «Олимпийский год — не только для олимпийцев!» А если к этому крылатому девизу мысленно добавить «...но и для писателей»? Каков бы содержание можно было, Сергей Павлович, вложить в такое добавление?

**С. П. ПАВЛОВ.** Писатели могут многое сделать для пропаганды массового спорта. Речь идет не только о новых книгах. В Союзе писателей СССР недавно образован Совет по творческим связям со Спорткомитетом. Мы уверены, что он укрепит повседневную дружбу литераторов и спортсменов и этому примеру последуют другие творческие союзы.

**КОРР.** Вернемся, однако, в Саппоро. Большое число дебютантов в нашей команде, очевидно, дает право рассчитывать на приятные неожиданности. В каких видах спорта вероятнее всего это может произойти?

**С. П. ПАВЛОВ.** Фактор неожиданности — одна из привлекательных сторон спорта, а неожиданность нельзя предопределить или прогнозировать. Не сомневаюсь только в одном: «Приз неожиданности», учрежденный «Литературной газетой», как и на прошлых двух Олимпиадах, найдет достойного владельца.

## УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

**О награждении поэта Усенко П. М. орденом Ленина**

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить поэта **Усенко** Павла Матвеевича орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
27 января 1972 г.

## УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

**О награждении писателя Катаева В. П. орденом Октябрьской Революции**

За заслуги в развитии советской литературы, создание произведений, отражающих борьбу советского народа за становление и упрочение социалистического строя, и в связи с семидесятипятилетием со дня рождения наградить писателя **Катаева** Валентина Петровича орденом **Октябрьской Революции**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
27 января 1972 г.

# ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

## ДОКЛАД В. М. ОЗЕРОВА

I

О задачах, стоящих перед художественным творчеством, размышляют сейчас все деятели литературы и искусства. Эти задачи вытекают из той грандиозной программы строительства коммунизма, которую разработал XXIV съезд КПСС. Решения съезда открывают широкие горизонты перед советским народом. Они зовут художников активно участвовать в формировании нового, коммунистического человека. Пятый съезд писателей СССР продемонстрировал растущую сплоченность творческой интеллигенции вокруг партии, ее стремление с честью выполнить поставленные партией задачи.

В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду указывалось, какой серьезный вклад в воспитание коммунистического сознания советских людей внесли литература и искусство. Вместе с тем были высказаны серьезные критические замечания. Партия, говорил Леонид Ильич Брежнев, ожидает «от работников искусства большей требовательности к самим себе и к своим товарищам по профессии».

Затем следуют слова, адресованные критике и соотнесенные в докладе с развитием художественного творчества в целом: «Несомненно, успехи советской литературы и искусства были бы еще значительнее, а недостатки изживались бы быстрее, если бы наша литературно-художественная критика более активно проводила линию партии, выступала с большей принципиальностью, соединяя взыскательность с тактом, с бережным отношением к творцам художественных ценностей».

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» продолжает и развивает положения, высказанные на XXIV съезде. Значение этого документа, глубокого и вдохновляющего, трудно переоценить. Мы с радостью и гордостью вновь убеждаемся, что партия ставит вопросы развития литературно-художественной критики в число первостепенно важных дел идейно-политической жизни общества.

Нас вдохновляет то, что Центральный Комитет партии внимательно оценил положительные сдвиги, которые произошли в работе литературной критики.

Нас мобилизует на более глубокую и основательную работу высказанное в Постановлении требовательное отношение к критике.

Партия выдвигает перед критикой высокие и ответственные требования: более активно и принципиально проводить линию партии в области художественного творчества; страстно проповедовать коммунистические, революционные идеалы нашего общества; усилить боевую наступательность в борьбе с реакционными идеологическими концепциями, с чуждыми эстетическими теориями; соотносить явления литературы с жизнью; бороться за высокий идейно-эстетический уровень советского искусства, быть непримиримыми к идейному и художественному браку; изживать приятельские и групповые пристрастия; сочетать точность оценок, глубину социального анализа с эстетической взыскательностью, бережным отношением к таланту.

По-настоящему помогать партии в выполнении намеченной XXIV съездом величественной программы — значит отстаивать, утверждать, языком искусства пропагандировать прежде всего конструктивный курс партии и созидательные дела советских людей.

Период между последними съездами партии был периодом плодотворного художественного, эстетического развития; об успешности этого развития настойчиво заботилась передовая часть нашей критики, следуя линии и указаниям партии.

Но не забудем и о том, что успехи не приходили сами собой. Поступательному движению литературы и искусства мешали тенденции, связанные с недооценкой творческого характера происходящих в жизни перемен.

Сказанное относится и к литературной критике. Получила же известное распространение «теория» дегероизации, сторонники которой видят в жизни преимущественно темные стороны и не замечают трудовых и ратных подвигов советских людей, значительности их духовного, нравственного облика. Героическое, возвышенное они объявляли выдуманной, нежизненной легендой; в противовес этому в произведениях, где звучали абстрактно-гуманистические мотивы, находили высокие нравственные ценности. Дань таким взглядам отдали В. Кардин и некоторые другие авторы. В ряде статей большой «правде века» противопоставлялись будничные факты, центральной фигурой современности оказывался маленький, «приземленный» персонаж. Как вы помните, в этой связи резко оспаривались выступления Владимира Лакшина, и не его одного.

Ареной борьбы с тенденциями дегероизации оказалась не только современность, но в особенности история советского общества, история Отечественной войны. Под видом восстановления исторической истины некоторые критики сосредоточивали внимание писателей лишь на ошибках, просчетах. Находились и такие, кто хотел бы умолчать обо всем этом, выпрямить историю.

Здоровые силы творческой интеллигенции углубили художественное познание правды эпохи — и доказательства тому есть во всех видах искусства, во всех жанрах литературы, будь то трилогия Константина Симонова, или романы Юрия Бондарева «Горячий снег», Александра Чаковского «Блокада», Пауля Куусберга «В разгаре лета», или документальные книги Бориса Полевого, или эпический кинофильм об Отечественной войне «Освобождение».

В борьбе со взглядами, противоречащими существу нашего общественного, исторического развития, объединили свои усилия художники и критики, стоящие на партийных позициях. Они решительно отвергли названные выше тенденции. А также выступления, неверно трактовавшие роль рабочего класса: отдельные авторы говорили о его растворении в интеллигенции, а некоторые противопоставляли ей, как А. Терентьев в статье «Ноль целых шесть десятых» («Октябрь», № 7, 1971).

О полемике с ошибочными взглядами было бы несправедливо забывать. Их преодолению способствовали принципиальные, научно аргументированные выступления печати: газеты «Правда», журнала «Коммунист», ряда литературных изданий. Мы имеем все основания сказать о боевой линии, занятой в идеологической, эстетической борьбе «Литературной газетой». Критика ею отдельных неправильных произведений, острые реплики, выступления «Литератора», как правило, отличаются боевой принципиальностью и оперативностью.

Постановление ЦК обязывает нас быть самокритичными, проявить тревогу по поводу того, что многие литературно - критические публикации по-прежнему поверхностны, отличаются невысоким философским и эстетическим уровнем. Мы все еще недостаточно активны и последовательны в утверждении революционных, гуманистических идеалов искусства социалистического реализма, в борьбе с чуждыми концепциями. Опыт прожитых лет лишний раз напоминает о решающем значении методологической четкости, идейной определенности в литературно-критической работе.

II

В ходе девятой пятилетки решается поставленная XXIV съездом КПСС задача: органически соединить современные достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства во всех областях общественной жизни.

Совершенствование социальной структуры общества, рост его культуры и образования, формирование творческого коллектива, нового облика рабочего — все это непременная сторона общественного и научно-технического развития современности. Рассказывала ли о таких переменах литература, проанализировала ли их критика — применительно к жизни и к художественному ее воплощению?

Скажем сразу: работы здесь — непочатый край. Правда, призывы больше писать о людях труда, о советском рабочем как главной фигуре современности постоянно раздаются в критических статьях. Дело, однако, не в количестве книг. Существенны те художественные аспекты, в которых обрисованы люди труда.

Разумеется, опубликованные книги не равноценны. Есть среди них и поверхностные зарисовки, но есть и произведения, в которых с разной мерой художественного проникновения раскрывается социально-психологическая природа изменений в сегодняшней жизни трудового коллектива, рабочего человека, ученого, изобретателя. Назовем известные повести Вадима Кожевникова, «Обретешь в бою» Владимира Попова, «Судьбу» Ибрагима Рахима, «Барбинские повести» Сергея Сартакова, «Кто-то должен» Даниила Гранина, «Седьмое небо» Гурама Панджикидзе, «Право выбора» Михаила Колесникова, «Клад» Гарифа Ахунова, «Сказание о директоре Прончатове» Виля Липатова, «Окольдованные звезды» Ивана Сибирцева, «С точки зрения вечности» Павла Загребельного, «Белые цветы» Абдурахмана Абсалямова. Это — произведения прозы, но аналоги им существуют и в поэзии, драматургии, а также в смежных видах искусств, например кинофильмы «Твой современник», «У озера».

Дают ли эти произведения материал для критических размышлений? По-моему, анализируя их, можно было интересно рассмотреть те социальные, человеческие отношения, которые сложились между действующими лицами в ходе выполнения главного дела их жизни, — а они люди труда, люди творчества. А значит, затронуть важные вопросы общественного характера. К сожалению, не много назовешь книг и статей, тщательно исследующих произведения, где показаны перемены в облике человека труда: это работы Юрия Кузьменко, Акифа Гусейнова, Александра Янова, Михаила Шатиряна, молодых критиков Вадима Ковского, Бориса Анашенкова, Валерия Гейдеко. И работ таких мало, и критики редко подхватывают начатый разговор, основательно проверяя, насколько осуществлено писателем плодотворное его стремление.

Критике нужно в полной мере отнести к себе упрек, высказанный в Постановлении ЦК: она недостаточно глубоко анализирует явления, тенденции и закономерности современной литературы, зачастую не умеет соотносить явления искусства с жизнью.

А соотносить надо с таким расчетом, чтобы активно включаться в борьбу за идеалы нашего общества и расширять писательский горизонт, нацеливать художников на масштабные обобщения социальных процессов, порожденных научно-технической революцией. На глубокое осмысление творческого, гуманистического характера труда при социализме. На такое изображение производственного коллектива, при котором он выглядит как бы социальным срезом нашего общества. Беда многих критических статей в том, что их авторы и не пытаются разглядеть за сюжетом книги переплетение реальных социальных связей.

Возьмем, к примеру, роман В. Попова. Нет, его не замолчали, не обошли добрыми словами. Но и не придали должного значения существу изображаемых конфликтов, не позаботились о том, чтобы поверить книгу жизнью. Рецензенты чаще всего ограничивались комментированием текста.

Правильно повторяя, что литература — это человековедение, мы забываем иной раз, что тем самым она и обществоведение. Склонны ограничиваться рассуждениями о человеке «вообще», хотя совсем небезынтересно знать, что и как делает этот человек, какое место занимает в обществе, каким образом в новых условиях строит свои отношения с другими людьми, с коллективом. Об этом и рассказывала литература довоенного периода в произведениях Михаила Шолохова, Федора Панферова, Валентина Катаева, Юрия Крымова, Александра Малышкина, Николая Погодина. Эти традиции по-новому были продолжены в таких ярких книгах, как «Битва в пути» Галины Николаевой, «Журбины» Всеволода Кочетова, «Далеко от Москвы» Василия Ажаева, «Небит-Даг» Берды Кербабаева, «Поселок у моря» Вилиса Лациса, «Апшерон» Мехти Гусейна, в поэмах Александра Твардовского, Алексея Недогонова, Николая Грибачева, Аркадия Кулешова, Мирзо Турсун-заде, Ярослава Смелякова, Михаила Луконина и других.

Тем огорчительнее, что теории «человека вообще», «духовности вообще» стали получать все большее распространение.

«Гайки и души» — подзаголовок одной из «программных» критических статей. В советской литературе 20—30-х годов ее автор Олег Михайлов нашел лишь «одностороннее увлечение» техникой, производством, злободневными интересами, будто бы противоречащими духовным интересам людей (журнал «Волга»). Другой критик — Лев Аннинский уже на примерах из сегодняшнего дня литературы доказывает, что «настоящим» писателя делает не что иное, как «вера в нравственное начало... не зависимое ни от чего, кроме того, что оно — нравственное, вера в то самое вечно обновляющее личность внутреннее духовное качество, которое в русской культурной традиции всегда называли совестью». Не удивительно, что опубликованная в «Литературной газете» в дискуссионном порядке эта статья там же была оспорена.

Нужно до конца преодолеть эстетские, в сущности, предубеждения, смелее выходить за рамки имманентных, внутрилитературных суждений. Это значит, что мы не можем хвалить только за обращение к теме, — им порой прикрывается небрежная работа. Но если так, то нам не миновать достаточно сложных вопросов:

Почему произведения о современном рабочем классе, нашей инженерии, ученых, изобретателях, в общем, о людях, которых можно назвать цветом общества, часто бывают скучными, сухими, рационалистическими? Почему редки произведения, где по-настоящему поэтизировался бы свободный труд? В них есть описания происходящего на производстве, публицистические суждения о разного рода проблемах, но нет художественного осмысления социально-этического содержания перемен, принесенных научно-технической революцией.

Насколько выгадают наши книги, если их авторы, показывая ведущую роль рабочего класса в обществе, сумеют раздвинуть представление о научно-технической революции. Если покажут, что происходит в сознании людей, сталкивающихся с целым рядом непростых проблем; очень интенсивный, а вовсе не легковесный, как думают иногда, характер современного труда — осмысленного, интеллигентного; избыток и переизбыток информации; растущие потребности духовного обогащения личности...

Кому, как не критике, стимулировать художественное исследование путей становления человека социализма, выявлять закономерности формирования всесторонне развитой личности в связи с научно-технической революцией, с социальным фактором современности.

III

Расширение идейного кругозора писателя! Это очень емкое и содержательное понятие. Если мы сравнимся с такой задачей, — а мы обязаны справиться с ней, — критика действительно станет движущей силой художественного развития.

Конечно, при выполнении немаловажных условий.

Чтобы, борясь против отставания писателей от жизни, сами критики не были в ее обозе. Ведь, не зная жизни, не имеешь морального права судить о том, насколько жизненно то или иное произведение.

И чтобы, призывая писателей к глубоким художественным обобщениям, критики в свою очередь верно осмысливали результаты творческого труда. Суть вопроса — в правильной интерпретации этих явлений критикой, в четкости идейных и художественных критериев, которыми она пользуется.

В последние годы пришлось столкнуться с крайностью, связанной с предвзятым отношением к народному характеру. Это — поэтизация не передовых, а любых традиционных качеств, якобы вековечных и неизменных.

Раскрыть процесс становления у людей и города, и деревни новых, социалистических качеств — актуальная задача нашей литературы. Ее успешно решают многие писатели-«деревенщики». Не гонясь за полнотой пресловутых списков, нельзя все же не упомянуть Сергея Залыгина и Владимира Тендрякова, Елизара Мальцева и Аскада Мухтара, Шарифа Рашидова и Ивана Тарбу, Анатолия Иванова и Георгия Радова, Сергея Крутилина. Вспоминаем айтматовского Танабая, Журавушку из повести Михаила Алексеева «Хлеб — имя существительное», Голикова из романа Владимира Фоменко «Память земли», Апейку из дилогии Ивана Мележа «Полесская хроника», — и находим новые и новые убедительные ответы на вопрос о том, как развивается народный характер. Сохраняя лучшее, что завещано от предков, он вместе с тем жадно воспринимает то новое, что связано с социалистическим жизнеустройством, с коммунистической моралью.

Как раз ощущения идейной значимости социально-экономических перемен не хватает авторам статей, в которых отстаиваются «неизменные ценности» народного быта. Отсюда — воспевание патриархальщины, в которой они и находят основу для здоровой нравственности, доходя при этом даже до противопоставления деревни и города. Его мы найдем и в сравнительно давней статье с многозначительным заголовком «Земля и асфальт» П. Глянкина, и в опубликованной уже в конце 1971 года альманахом «Кубань» в дискуссионном порядке статье Анатолия Ланщикова «Земля и прогресс», где высказаны более чем спорные положения о сохранении черт патриархального уклада.

В активе же нашей критики есть основательные работы. Например, Всеволода Сурганова о «деревенской» прозе или Леонида Теракопяна. В журнале «Наш современник» (№ 12, 1971) он убедительно проанализировал творчество Федора Абрамова. В его книгах порой находили лишь беспокойство об уходящих нравственных и культурных ценностях. Да, подтверждает критик, все это беспокоит писателя, он любит поэзию крестьянского труда, дорожит чистотой народных нравов. Однако Ф. Абрамов не склонен идеализировать вчерашний день и считает самым важным показать социальное значение сегодняшнего исторического момента. Его Михаил Пряслин («Две зимы и три лета») рожден чистой и светлой нравственной атмосферой трудовой крестьянской жизни. Но его духовный облик раскрывается в социальной активности, в готовности взять на себя ответственность за колхозные дела.

Казалось бы, на этот роман уж никак нельзя переносить концепцию кротких матрен-праведниц. Как ни удивительно, такие попытки делались. Вот чем привлекла Виктора Чалмаева сцена сенокоса: «...Мать, видя, как ведут прокос Машка, Лиза, как младшие братишки бьют косками по траве, воспринимает это как чудо. Как будто сам Христос отряхнул ризы свои над этой поляной. Это действительно чудо в своей ясности, простоте и человечности» («Молодая гвардия», № 9, 1968).

Весьма сомнителен такой свидетель, как Христос, хотя без ссылок на него у иных критиков не обходится... А разглагольствования об извечных, внесоциальных ценностях, внеклассовой морали приходят в противоречие с положениями марксизма-ленинизма, получившими развитие и в Постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

Пока что мы не услышали от некоторых авторов журнала «Молодая гвардия», извлекли ли они необходимые выводы из критики их ошибок. А пора бы извлечь их и осмыслить!

Что касается самого журнала, то хорошо, что в нем появились такие публикации, как, например, статья Виктора Дмитриева о революционных демократах, повесть молодого прозаика Бориса Шустрова «Красные острова», ратующая за духовную активизацию жизни молодых колхозников.

В итоге прошедших споров еще раз решительно подтверждено марксистско-ленинское понимание национального и интернационального, народности, народного характера. Основная часть нашей критики, как и писателей, полностью отвергла внеклассовую, антиисторическую идеализацию патриархальщины. Отвергла в то же время и ироническое отношение к проблеме народности, к произведениям «деревенщиков». Народный характер не есть нечто застывшее, незыблемое, неизменное. Он формировался и развивается на основе диалектического сочетания лучших, исторически устойчивых качеств прошлого с новыми чертами, рожденными участием в революционно-патриотической борьбе, новыми общественными обстоятельствами.

Подчеркиваем: на основе именно сочетания! Грубо ошибется тот, кто, опровергая тезис об «извечности» каких-то качеств, ударится в другую крайность, позволит себе пренебрежительно относиться к таким святым понятиям, как историческая память народа. А такие крайности тоже имели место. В печати критиковалась статья Александра Дементьева «О традициях и народности» («Новый мир», № 4, 1969). Полемизируя с рядом действительно ошибочных высказываний, автор находил лишь беспокойство об опасности буржуазных влияний. Известная недооценка чувства национальной гордости проскользнула и в статье Владимира Воронова «Заклинания духов» («Юность», № 2, 1968). Точнее толкует проблемы современности В. Воронов в недавней своей статье «Ответственность» (там же, № 11, 1971).

IV

Литературные оценки тесно связаны с вопросом об истоках и путях развития отечественной истории и культуры. При этом решает конкретный историзм, верность ленинским указаниям о двух культурах в каждой национальной культуре.

Тем ответственнее обязанности нашей литературной теории, литературоведения. Ими сделано немало. Но, как сказано в Постановлении ЦК, нам недостает активности и последовательности «в утверждении революционных, гуманистических идеалов искусства социалистического реализма, в разоблачении реакционной сущности буржуазной «массовой культуры» и декадентских течений, в борьбе с различного рода немарксистскими взглядами на литературу и искусство, ревизионистскими эстетическими концепциями».

Нужно теоретическое обобщение закономерностей литературного развития современности. Тут далеко не все у нас благополучно. Наши теоретики могли бы развернуть содержательный разговор о новом нравственном идеале в новых чертах советского человека, глубже раскрыть обоснованность этих черт логикой исторического развития народа на основе анализа вещей, подобных, скажем, «Истокам» Григория Коновалова — в советский период — или «Сибири» Георгия Маркова — в глубокой перспективе революционной борьбы прошлого. Эти и многие другие произведения дают возможность выявить дальнейшие изменения в эстетическом качестве литературы, поверяющей путь людей и целых народов социальным опытом, нравственным идеалом развитого социализма, временем, когда с новой силой утверждается гармоническое единство революционной целесообразности и гуманистического чувства.

Однако фундаментальных работ, раскрывающих историческое и художественное существо сегодняшнего этапа эстетического развития, у нас почти нет. Многие теоретические труды грешат абстрактностью; литература здесь используется лишь в качестве иллюстраций к тезисам. Выступления же текущей критики порой эмпиричны, не опираются на научную методологию.

Наверное, многое изменится, если работа литературоведов и критиков будет лучше координироваться научными институтами, литературно - художественными журналами, таким специализированным журналом, как «Вопросы литературы», который должен делать гораздо больше для разработки теории социалистического реализма, методологии критики.

А силы у нас есть. Появились книги, в которых анализируется ход литературного процесса последних десятилетий, — Виктора Панкова, Лидии Фоменко, Григория Бровмана; статьи о произведениях, посвященных Отечественной войне, — Ивана Козлова, Лазаря Лазарева, Павла Топера.

У нас совершенствуется (об этом заботилось и издательство «Советский писатель») жанр монографий — не только о классиках советской литературы, но и о писателях — наших современниках. В лучших из них исследуются и творческая индивидуальность художника, и его место в литературном процессе эпохи, и сам этот процесс, данный не как «фон», а как содержание общественно-эстетического развития. К удачным я отнес бы монографии и сборники Виктора Перцова, Алексея Метченко, Берты Брайниной, Юрия Барабаша, Льва Якименко, Людмилы Скорино, Алексея Бушмина, Валерия Дементьева, Бориса Галанова, Виктора Гуры, Юрия

Доклад и выступления в прениях печатаются в сокращенном виде.

# ХОРОШИЕ ИТОГИ, НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

## В секретариате правления Союза писателей СССР

25 ЯНВАРЯ состоялось очередное заседание секретариата правления Союза писателей СССР, на котором обсуждались работа Ленинградской писательской организации по выполнению решений XXIV съезда КПСС и V съезда писателей СССР, а также вопрос о международных связях Союза писателей СССР в 1971 году.

— В жизни советской литературы наступил большой день — опубликовано Постановление Центрального Комитета КПСС «О литературно-художественной критике», — сказал, открывая заседание, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков. — Этот важный документ является еще одним ярким выражением заботы Коммунистической партии о дальнейшем развитии советской литературы. Постановление Центрального Комитета партии, несомненно, поможет нашим художникам слова добиться новых творческих успехов.

Секретариат правления СП СССР заслушал доклад первого секретаря правления Ленинградской писательской организации О. Шестинского.

— В течение минувшего года, — сказал докладчик, — наши писательские ряды стали более сплоченными, в произведениях ленинградцев еще сильнее зазвучали гражданские мотивы, повысилась творческая активность.

Напомнив о традициях Ленинградской писательской организации в разработке важнейших тем современности — историко-революционной, рабочей, военно-патриотической, О. Шестинский говорил о произведениях на эти темы, созданных в последние годы. В заключение докладчик поставил перед секретариатом правления СП СССР ряд практических вопросов.

Выступивший на обсуждении В. Торопыгин говорил о развитии детской литературы в Ленинграде, о проблемах воспитания молодых писателей. Анализ работы поэтов Ленинграде содержался в выступлении С. Орлова. Г. Горышин посвятил свое выступление ленинградской прозе.

— Ленинград — это наши морские ворота на Балтике, — сказал Н. Тихонов. — С Ленинградом кровно связано творчество Вс. Вишневского, Л. Соболева, Б. Лавренева и других наших славных писателей-моряков... «Морская тема» должна и впредь звучать в творчестве писателей Ленинграда.

И. Гринберг и Заки Нури остановились на некоторых проблемах развития поэзии. Вл. Пименов говорил о творчестве ленинградских драматургов.

— Секретариат правления Ленинградской писательской организации создал хороший творческий климат, обстановку заинтересованной требовательности, — сказал Арк. Васильев.

С анализом творчества ленинградских писателей выступили также Л. Лавлинский, Ф. Кузнецов и В. Козеченко.

Подчеркнув важнейшее значение современной темы в развитии литературы, Д. Гранин заметил, что жанру исторического романа также надо уделять больше внимания.

— Ленинградская организация, — отметил С. Михалков, — идейно зрелая, способная успешно решить задачи, поставленные перед всеми советскими писателями XXIV съездом партии.

— Мы имеем дело с большой писательской организацией, которая вносит существенный вклад в развитие всей нашей литературы, — сказал Г. Марков. — Размышляя о недавнем прошлом, мы невольно думаем о крупном творческом коллективе, история которого украшена самыми блестящими именами... Но время делает свое дело — в литературу приходят новые авторы. В минувшие годы работа ленинградских писателей была в центре внимания — здесь появились новые издания, укреплена база ленинградских журналов. Должны быть сделаны новые энергичные шаги в дальнейшем развитии литературы.

Секретариат отметил активное участие Ленинградской писательской организации в выполнении решений XXIV съезда КПСС и V съезда писателей СССР.

С докладом о международных связях Союза писателей СССР в 1971 году выступил секретарь правления СП СССР Н. Федоренко. В прениях по этому вопросу выступили Гр. Абашидзе, А. Алимжанов, В. Генкин, В. Кожевников, А. Кешоков, Г. Марков, С. Михалков, Г. Мусрепов, А. Сурков, М. Танк, Н. Тихонов, М. Турсун-заде, К. Яшен.

По обсужденным вопросам секретариатом были приняты соответствующие решения.

В заседании секретариата приняли участие заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро, заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС А. Беляев, заведующий отделом культуры Ленинградского обкома КПСС Ю. Афанасьев, заведующее сектором Ленинградского обкома КПСС Л. Игишина.

## ХРОНИКА

Ленинградские писатели О. Шестинский, В. Торопыгин, А. Чепуров, Л. Щипакина, приехавшие в Москву для отчета на секретариате правления Союза писателей СССР, выступили перед рабочими завода «Серп и молот» и Завода малолитражных автомобилей имени Ленинского комсомола, перед слушателями Военной ордена Ленина Краснознаменной академии бронетанковых войск имени Р. Я. Малиновского.

Литературный вечер ленинградцев состоялся также в ЦДЛ. Гостей приветствовали первый секретарь правления Московской писательской организации С. Наровчатов и парторг МГК КПСС в Московской писательской организации Арк. Васильев.

Указами Президиума Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советского искусства писательнице Наталье Петровне Кончаловской и директору Центрального Дома литераторов имени А. А. Фадеева Борису Михайловичу Филиппову присвоено звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР». За заслуги в области советской печати заместителю директора издательства «Литературной газеты» Льву Исааковичу Варшавскому присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

28 января состоялось заседание Центральной ревизионной комиссии Союза писателей СССР. Председатель Центральной ревизионной комиссии А. Н. Васильев доложил о плане работы на 1972 год. После обсуждения план был единогласно утвержден.

В Доме политического просвещения МК и МГК КПСС состоялась встреча пропагандистов предприятий и организаций (коллективных членов Общества советско-польской дружбы) Дзержинского и Свердловского районов Москвы с гостящей в столице делегацией Варшавского городского комитета ПОРП. С докладом «Задачи Варшавской городской партийной организации по выполнению решений VI съезда ПОРП» выступил секретарь Варшавского городского комитета ПОРП Ежи Нуберем.

## УКАЗ
### ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
### О награждении писателя Канны И. И. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Канну Ивана Ивановича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
27 января 1972 г.

Секретариат правления Союза писателей СССР, секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации с глубоким прискорбием сообщают о кончине старейшего мордовского писателя

Тимофея Андреевича
КИРДЯШКИНА

и выражают искреннее соболезнование семье и близким покойного.

Редакция «Литературной газеты» с прискорбием сообщает о скоропостижной смерти старейшей сотрудницы «Литературной газеты»

ПЕТРУСЕВИЧ
Елены Антоновны,

последовавшей 24 января с. г., и выражает соболезнование семье покойной.

# КРИТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Лукина, Осипа Резника, Владимира Пименова, Феликса Кузнецова, Александра Михайлова, Евгения Осетрова, Леонарда Лавлинского и других. Значительный интерес вызвали такие вышедшие в других республиках книги, как «Не иллюстрация — открытие!» Леонида Новиченко, «Грани современной прозы» Виталия Дончика, «Литература и исследование жизни» Вольдемара Мелниса, «На эпическом направлении» Никифора Пашкевича, «Литература и современность» Сурена Агабабяна, «Мастерство и народность» Мухаммеда Шукурова, «От домбры до книги» Мухамеджана Каратаева, «Открытие человека современности» Кенешбека Асаналиева, «Мир идей и образов Алишера Навои» Вахида Захидова.

В журналах выделяются те проблемные статьи, в которых общеэстетические вопросы ставятся на рассмотренном научно историко-литературном и современном материале. Это статьи: в «Знамени» — уже названного Юрия Барабаша, Дмитрия Старикова; в «Новом мире» — Дмитрия Маркова, Юрия Суровцева; в «Нашем современнике» — Владимира Щербины; в «Октябре» — Бориса Соловьева; в «Звезде» — Бориса Бурсова. Только рамки темы не дают мне возможности назвать столь же интересные книги и статьи по истории классической литературы.

Далее следует сказать о методологическом содружестве критики и науки в трактовке истории нашей литературы, духовной культуры — и в советское, и в досоветское время. Как известно, текущей критикой не все проблемы освещались правильно. Памятны статьи-панегирики любым фигурам прошлого — вплоть до генерала Скобелева, или Константина Леонтьева, или Тимура. В то же время делались попытки принизить значение наших революционно - демократических традиций, социалистической общественной мысли прошлого. К сожалению, и литературная наука не всегда вооружала критику ясным и четким методологическим подходом к явлениям искусства, точным научным инструментарием анализа.

Такое фундаментальное издание, как «Краткая Литературная Энциклопедия», дало немало содержательных статей и заметок. Прислушавшись к критике, редакция серьезнее поработала над несколько запоздавшим, но недавно увиденным свет шестым томом. Но печать не раз указывала, что рядом с удачными в КЛЭ немало статей, содержащих крупные просчеты. В ряде случаев их можно объяснить только тенденциозностью и субъективизмом, недооценкой остроты идущей в мире идеологической борьбы. Так, в статьях «Декадентство» и «Модернизм» фактически затушевывается классовая суть этих течений. В некоторых статьях содержится апологетика русского формализма 20-х годов, ОПОЯЗа.

Предстоит подумать, как наконец улучшить работу этого нужного издания.

Снова хочу подчеркнуть: неправильно односторонне представлять картину нашей литературной критики и теории. У нас много знающих ученых, по-партийному отстаивающих и развивающих марксистско-ленинскую эстетику. Нашей науке удалось объективно, во многом по-новому осветить творчество Достоевского и Некрасова в связи со 150-летием со дня их рождения.

Еще один момент — о борьбе с чуждыми идеологическими, эстетическими концепциями.

У меня нет возможности назвать здесь все заслуживающие внимания работы критиков и литературоведов, активно участвующих в ней. Но некоторые имена все же напомню. В их числе — Борис Сергеевич Рюриков, которого уже нет среди нас; он много сделал для утверждения принципов партийности и народности литературы. Боевой, воинствующий характер отличает книги и статьи Анатолия Егорова, Василия Иванова, Александра Дымшица, Алексея Метченко, Николая Шамоты, Александра Мясникова, Александра Овчаренко, Лазиза Каюмова, Василия Новикова, Якова Эльсберга, Сергея Петрова — о нашем творческом методе, о борьбе с его противниками.

Такую борьбу предстоит продолжать и усиливать, тем более что наши противники все чаще переносят центр ее тяжести на вопросы теории, причем те, которые связаны с основами и первоистоками социализма, с новой концепцией человека.

Смысл их деятельности тот же, но тактика иная: попытки в соответствии с курсом конвергенции доказать, что ныне нет монолитной марксистско-ленинской идеологии, что социалистическая культура подвержена так называемой «эрозии».

Ведя бескомпромиссную борьбу с попытками «размыть» мировоззренческие, эстетические основы партийного реалистического искусства, с идущими с другого конца мира утилитарно - вульгаризаторскими разглагольствованиями о художественном творчестве, мы должны показать подлинную картину мирового литературного развития. Углубленный взгляд на зарубежную литературно-политическую жизнь мы находим в книгах и статьях Евгении Книпович, Романа Самарина, Валентины Ивашевой, Дмитрия Затонского, Тамары Мотылевой и ряда других критиков, в том числе названных выше.

Но уже недостаточно обращения к отдельным явлениям литературы. И тут ощущается все большая потребность в выработке целостного научного представления о современном состоянии мирового художественного процесса.

Очень многое в целенаправленном воздействии на мировой литературный процесс зависит от объединения идейно-теоретических усилий писателей и критиков социалистических стран. Стоило бы, может быть, уже в будущем году собраться за международным «круглым столом», чтобы обсудить не частные вопросы, а единую направленность и своеобразие художественного метода социалистического реализма, его значение и место в эстетическом развитии человечества.

## V

Советская литература, литературная мысль неизменно отстаивают масштабный образ положительного героя, борца и деятеля. Но мы не собираемся сводить его к эталону готовых качеств, якобы кем-то предписываемых положительному герою. Советское искусство — это целая галерея типических фигур современности, людей разных судеб и характеров, разного уровня развития, степени сознания.

Мимо будничных хлопот художник-реалист тоже не захочет пройти: ведь они в свою очередь отражают громадность экономических и общественных перемен.

Художник должен осмыслять и противоречия, которые возникают в жизни, вступать в бой с пережитками прошлого, обличая их носителей, помогая людям стать лучше, чище, благороднее, воспринять нормы коммунистической морали. Долг критики — включиться в этот бой, проанализировать работу писателей, изображающих повседневный быт, преодоление обывательских нравов.

Кроме двух обзоров в «Литературной России» и одного в «Звезде», углубленного анализа этой работы не было.

Об этом надо пожалеть не только потому, что тем самым мы не смогли активно влиять на ход художественных поисков. Мы не участвовали и в выработке читательских суждений.

Читатели по-разному отнеслись к повестям Юрия Трифонова «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание». А критика? Она опять не спешит. О повести «Предварительные итоги» было напечатано несколько рецензий, две другие по сей день не удостоились отклика. Не состоялось разговора об этих публикациях как о цикле повестей, хотя такой разговор выявил бы те тенденции, которые вначале проявились частично, а потом становились все более заметными, определяя и сильные, и слабые стороны в развитии авторского замысла.

Цикл повестей Ю. Трифонова объединен внутренней темой: исследование современного мещанства. Писатель ведет его детально и скрупулезно, подмечает разные грани, оттенки этого явления. Его забота — раскрыть будничную жизнь своих персонажей не со стороны, а изнутри, ввести читателя в самый ритм их повседневного существования. С этим художественным приемом связаны как успехи, так и принципиальные неудачи писателя. С позиций героев рассматривая явления жизни, он сталкивается с опасностью воспринять эти явления только глазами своих героев, не подняться над их точкой зрения.

На мой взгляд, в повести «Обмен» — лучшей в цикле — Ю. Трифонов избежал этой опасности. А вот в «Долгом прощании» писатель не сумел преодолеть ограниченности, узости выбранной им манеры. Затхлый мирок, изображенный изнутри, художнически не оценен с более широких позиций. Итог не предварительный, а заключительный: ощущение искусственной герметизации. Автор не смог показать — прямым ли изображением или другим способом — общественную атмосферу, противостоящую у нас мещанству и заставляющую его прибегать к хитроумной мимикрии. Повести недостает ясного нравственного идеала.

Вовремя заметить появление в литературе той или иной тенденции удается не всякому. Обычно не обходится без острых дискуссий. Так, лет десять тому назад в Литве развернулись бурные споры о путях развития романа. Их участники критиковали некоторые «панорамные романы», дающие внешнюю картину событий без раскрытия сложной духовной жизни людей. Они высказывали свое отношение к появившимся в то время более коротким, динамичным произведениям с острой социально-нравственной проблематикой, с использованием средств, углубляющих психологический анализ.

Не о конкретных оценках сейчас речь, а об отношении критики к направлению поисков. Это отношение было неодинаковым. Одни по привычке настороженно встречали все новое. Но другие, и их оказалось немало, показали себя людьми думающими. Тепло встретила критика книгу Эдуардаса Межелайтиса «Человек». Еще в конце 50-х годов Витаутас Кубилюс подметил и поддержал в сборнике рассказов Миколаса Слуцкиса те качества, которые позднее ярко проявились в романах «Лестница в небо», «Адамово яблоко», «Жажда». Тогда же в традиционном романе Альфонсаса Беляускаса «Цветут розы алые» Понас Ланкутис предвидел будущий поворот писателя к психологической прозе его «Каунасского романа». Горячим пропагандистом художественных исканий стал Альгимантас Бучис.

И вот что знаменательно. Порой все еще высказываются восторги по поводу романа такого типа, а критики и писатели республик Прибалтики уже заговорили о необходимости идти дальше. На недавнем совещании в Риге, суммируя итоги дискуссий последних лет, они указывали на ограниченность исповедальной прозы — ее герой тонко анализирует собственное сознание и подсознание, но не способен к действию, не может стать человеком миропонимания, по выражению Горького. Психологический роман обогатил возможности жанра более детальным, углубленным проникновением во внутренний мир героя, более тонкой нюансировкой его мыслей и поступков. Но приобретения сопровождались и потерями: роману этому не хватает широты охвата действительности. Критики А. Бучис, Аксель Тамм, П. Ланкутис, прозаики М. Слуцкис, Алберт Янсонс, Владимир Беэкман и другие высказались за взаимообогащение художественных опытов: крупный план должен научить «лириков» находить в человеческих душах социально-историческое, а мастерство психологического анализа поможет «эпикам» впечатляюще показать глубину и масштабность перемен не только в ходе истории, но и в духовном облике людей.

Это удалось, например, Понасу Авижюсу в «Потерянном крове». Здесь уместно вспомнить и новые произведения М. Слуцкиса, О. Гончара, М. Стельмаха...

Сейчас каждая национальная литература, каждый художник по-своему движется к широкому взгляду на мир, к масштабным обобщениям.

## VI

Многонациональная природа социалистического искусства открыла новые перспективы для теории: всемерно способствовать **объективной закономерности** художественного развития — взаимообогащению различных культур, тем самым ускорять развитие каждой из них и эстетически обогащать все искусство социалистического реализма.

Подготовка к 50-летию образования СССР, событие огромной исторической важности, обязывает критику и теорию все углубленнее изучать общесоюзный литературный процесс.

Сейчас мы имеем все основания говорить о новом этапе работы. Десять — пятнадцать лет тому назад в Москве было не много критиков, хорошо знающих литературы братских республик. Теперь сами за себя говорят имена Георгия Ломидзе, Юрия Суровцева, Зои Кедриной, Михаила Пархоменко, Ивана Карабутенко, Владимира Огнева, Валентина Оскоцкого, Анатолия Бочарова, Андрея Туркова и других.

Жизнь выдвигает новое требование: научиться **синтетически** рассматривать многонациональное развитие советской литературы. Необходимы типологически-сопоставительные исследования. Такие, в которых эстетическое движение современности будет рассмотрено в его главных чертах, узловых точках — на литературном материале не только одной республики, а всей нашей многонациональной страны.

Синтетическое, сравнительно-типологическое исследование многонациональной советской литературы — задача нелегкая, она требует больших знаний, новых методологических навыков. Не говорю уж об атмосфере литературной жизни: в ней не должно быть никакой местной ограниченности, предъявления друг другу мелких счетов, противопоставления «своего» «чужому» — ничего такого, что хоть в какой-то степени разъединяет народы. В дальнейшем укреплении нашего содружества нам деятельно поможет литературная наука, глубоко осмысляя органичность национального и интернационального в советской литературе, художественное многообразие искусства социалистического реализма, раскрывающееся на основе принципов партийности, верного отображения и осмысления правды жизни.

Серьезные теоретические работы должны подвести итог некоторым спорам. Это делается в двухтомном коллективном труде ИМЛИ «Проблемы художественной формы социалистического реализма», в ряде работ Бориса Сучкова, в книге Михаила Храпченко «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы».

Надо думать, фронт эстетического исследования проблем социалистического реализма будет расширяться. Привлекают работы, в которых партийность нашего метода показана и как эстетическая категория. Исследуются и гносеология, социальные и художественные его основы. Ученые считают необходимым проанализировать пути, особенность формирования социалистического реализма в условиях разных национальных традиций и определить его общезначимые черты, общие закономерности развития. Тут есть о чем подумать и о чем поспорить. И споры идут, в их ходе выдвигаются точки зрения, вызывающие естественные возражения. Решительно был оспорен, например, тезис о сосуществовании в советском искусстве и социалистического реализма, и наряду с ним социалистического романтизма. С ним не согласились ни Михаил Храпченко, ни Борис Сучков, Дмитрий Марков, Леонид Новиченко, Лев Якименко, Леонид Тимофеев, Георгий Ломидзе, Сейфулла Асадуллаев, Аркадий Эльяшевич.

И еще об одном стоит сказать применительно к вопросу о художественном многообразии. Мы поступим не по-хозяйски, если не будем следить за состоянием всех жанров, за их взаимопроникновением. Не понять эстетического развития современности, не учитывая нового характера взаимоотношения эпического и лирического начал. Или роли так называемой документальной литературы.

Но взглянем на литературный процесс еще шире. Для того чтобы знать его во всех гранях, критика должна знать, что и как делает каждый отряд и «подотряд» советской литературы. Недостаточно еще осмыслено, например, то, что происходит сегодня в детской литературе. А в ней делается немало для того, чтобы включить юных читателей в нашу революционную историю: книги Марии Прилежаевой — заметное достижение художественной Ленинианы. Появляются произведения, вроде веселой пьесы Сергея Михалкова «Дорогой мальчик», которые вводят детей в атмосферу острой политической борьбы, идущей в мире. Огорчает, что эти интересные попытки недостаточно оценены критикой в контексте литературного процесса современности.

Вряд ли писателей для детей может утешить то обстоятельство, что вниманием рецензентов не избалованы также сатирики, научные фантасты, очеркисты.

## VII

Недаром в Постановлении ЦК КПСС высказаны серьезные замечания о журнальной критике, о том, что многие публикуемые статьи, обзоры, рецензии носят поверхностный характер, отличаются невысоким философским и эстетическим уровнем, о том, что имеются существенные недостатки в рецензировании художественных произведений.

Прежде всего вопрос о количестве. Знаете ли вы, товарищи, что только 10—15 процентов художественных произведений удостаиваются печатного отклика?

В этом есть большая вина литературной печати. Но гораздо лучше могла бы поставить дело рецензирования и наша общая печать. Некоторые центральные и многие республиканские, краевые, областные газеты почти совсем прекратили публиковать критико-библиографические материалы.

Приходится учитывать и то обстоятельство, что органы печати не располагают достаточной «площадью» для рецензирования или не очень рачительно ее используют. Теперь возможности для рецензирования книжного потока значительно возрастут — начнет выходить новый массовый литературно-критический и библиографический журнал. Надо употребить все старания, чтобы вокруг него объединились самые квалифицированные кадры, чтобы он стал творческой мастерской, где шлифуется многообразие критических жанров, в первую очередь таких, как обзор, проблемная статья, рецензия.

И для будущего журнала, и для уже выходящих очень остро стоит вопрос о качестве литературно-критических статей и рецензий. Они часто разочаровывают читателей: стандартны, скучны, однотонны. Боясь с серостью в литературе, можно ли уклониться от борьбы с серостью в самой критике?

Оценка произведения — это не механическое проставление балла: пятерка, тройка, кол. Это умное и точное его истолкование, умение выявить его социальное звучание, его эстетическую неповторимость и место в литературном развитии.

Надо ли говорить, что этот труд заслуживает умного и тактичного отношения? Субъективизм, предвзятость, априорность суждений начисто исключают возможность точно и объективно проанализировать книгу. Так же, как грубое противопоставление социологического и художественного анализа (а не секрет, что иногда, отвергая вульгарный социологизм, принижали и плодотворный социологический подход к искусству). Так же, как пренебрежение к таланту. Нужны единые, научно выверенные идейные и эстетические критерии, основательная научная вооруженность, тонкий художественный вкус, глубокое знание жизни. Нужно объективное, уважительное и требовательное отношение к литературе, к каждому таланту, такое, о котором было четко сказано на XXIV съезде КПСС.

Соединение взыскательности с тактом и бережным отношением к таланту предполагает поддержку в писателе всего яркого, перспективного. И обязывает откровенно говорить о его слабостях, о допущенных ошибках, чтобы они не повторились, чтобы предупредить художника от ложных увлечений. Заботясь обо всем этом, мы не можем мириться с привычкой попеременно пользоваться то «дубинкой», то «елеем».

Рецидивы критических «проработок» все еще дают знать о себе. Так, в статье П. Глинкина «Эпос народного подвига» (журнал «Русская литература», № 1, 1971) зачеркиваются лучшие книги, созданные Виктором Некрасовым и Верой Пановой, — повести об Отечественной войне.

Говоря по совести, мы должны признать: критика ныне не столько зубастая, сколько обтекаемая, вегетарианская, комплиментарная. Та, чья праматерь — нетребовательность к качеству, безразличие к эстетическому своеобразию произведения. Не потому ли мы не сумели поставить надежный барьер на пути серости и описательности в литературе?!

Мало того, что критика опасается затронуть маститых писателей (уже появился термин «некритикабельные»), порой и о заурядных книгах начинают писать «с придыханием».

Критика комплиментарная, обтекаемая ведет если не к утрате, то к снижению художественных критериев. Она сплошь и рядом дезориентирует читателя.

Эстетическое воспитание читателей — задача исключительной важности. Писатели и критики во многом ответственны за формирование здоровых эстетических вкусов народа, а это требует пропаганды лучших образцов, борьбы с идейной неразборчивостью, серостью, пошлостью.

Не может не волновать то обстоятельство, что одновременно с расширением технического образования в школе уменьшается удельный вес гуманитарных предметов. С каждым годом все меньше часов отводится на преподавание литературы, далеко не совершенны программы, учебники для школьников, пособия для преподавателей.

Преподавание литературы — дело общегосударственной важности, и наш пленум поступит правильно, внеся свой вклад в общую работу.

Очень важен вопрос об обязанности литераторов не только объективно судить о произведениях, но и самим правильно воспринимать критику.

Положительный отзыв о книге вполне устраивает ее автора. Публикация критического в лучшем случае приведет к тому, что писатель перестанет здороваться с критиком. А при желании и настырности может изрядно испортить ему жизнь, используя привычный джентльменский набор: заявление в инстанцию, проработка на секции и т. д. и т. п. Газета или журнал, напечатавшие отрицательную рецензию, тоже долго будут объясняться с «обиженным», а в следующий раз подумают, связываться ли им с острыми выступлениями. А издательские работники нередко, прочитав критический отзыв о произведении, немедленно изымают его из своего плана.

Создание благоприятной атмосферы для подъема критики — это также забота об условиях ее труда. Их никак не назовешь удовлетворительными.

До самого последнего времени литературные журналы предоставляли крайне скудное место критико-библиографическим материалам, при необходимости сокращений страдал в первую очередь этот отдел. Сейчас положение начало меняться.

Критику значительно сложнее, чем прозаику или поэту, выпустить книгу, особенно если это не монография, не научный труд, а сборник статей, даже посвященных актуальным проблемам. Мизерны тиражи литературно-критических книг. По сравнению с прозаиками, поэтами, драматургами критик находится в неравноправном положении.

А такое исключение нельзя ни объяснить, ни оправдать. Недопустимо отношение к литературно-критическому труду как к второстепенному жанру. Дар критика — редкий и своеобразный дар. Писательские организации, как справедливо подчеркнуто в Постановлении ЦК КПСС, делают мало для идейного воспитания и профессиональной подготовки критиков. Нехватка кадров, особенно на местах, объясняется тем, что за последние годы многие квалифицированные авторы отошли от текущей критики.

Делается еще далеко не все для того, чтобы в критику приходила — и, главное, оставалась в ней — талантливая молодежь, чтобы она росла в идейном, профессиональном отношении. Следует внимательно относиться к ней — взыскательно поддерживая молодых, но не заигрывая с ними. Целесообразно шире практиковать различные формы творческой учебы критиков — и молодых, и не совсем молодых. Чаще проводить творческие обсуждения их книг и статей. Регулярно организовывать творческие семинары и курсы для критиков.

Дел у нас много, и все это дела очень важные, интересные, увлекательные. Можно с уверенностью сказать, что пленум будет поворотным в работе всех участков литературной критики, теории да и практики.

Нам настоятельно необходимо подумать о том, как лучше, основательнее вооружить наши кадры философскими, экономическими, социологическими знаниями, закалять их для победоносных идейных боев.

Союзу писателей СССР, всем писательским организациям надо гораздо больше и серьезнее заниматься литературной печатью.

А самое главное — постоянно держать в поле внимания всех писательских организаций вопросы идейно-творческого порядка, коренные проблемы художественного развития, заботиться о том, чтобы литература и искусство верно служили интересам партии и народа.

---

# ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

## В. А. КОЧЕТОВУ — 60 лет

**4 февраля исполняется 60 лет Всеволоду Анисимовичу Кочетову. Правление Союза писателей СССР направило юбиляру приветствие, в котором говорится:**

**«Дорогой Всеволод Анисимович! В день Вашего шестидесятилетия шлем Вам, видному писателю и общественному деятелю, самые сердечные поздравления.**

**Одним из лучших достижений нашей многонациональной советской литературы стал Ваш роман «Журбины», посвященный жизни рабочего класса. Убедительно и впечатляюще изображены в этом романе представители рабочей династии, раскрыты интересные и глубокие характеры наших современников. Сама кипучая действительность вошла в это произведение, не потеряв своей реалистической достоверности и масштабности. Ваши «Журбины» полюбились и запомнились широким массам читателей, а затем — после появления героев романа на экране — миллионам зрителей.**

**Тема созидательного труда советского народа, его борьбы за утверждение коммунистических идеалов проходит через все Ваше творчество, диапазон которого исключительно широк. Привлекли массовую читательскую аудиторию Ваши романы «Братья Ершовы», «Секретарь обкома», «Угол падения». Мы высоко ценим наряду с романами, повестями и рассказами Вашу боевую публицистику, ее актуальность. В Вашем лице мы приветствуем писателя, стремящегося держать руку на пульсе современности, вторгаться в жизнь своим творчеством.**

**Многие годы мы знаем Вас как литератора, щедро отдающего свои силы и энергию общественной деятельности. Вы возглавляли Ленинградскую писательскую организацию, редактировали нашу «Литературную газету». В настоящее время Вы являетесь главным редактором журнала «Октябрь», членом правления Союза писателей СССР, секретарем правления Союза писателей РСФСР.**

**Поздравляя Вас, Всеволод Анисимович, со славной юбилейной датой, от души желаем Вам доброго здоровья, больших успехов в литературной и общественной деятельности».**

**Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.**

■

Всеволод Кочетов — новгородец. Из крестьянского дома, рубленного топором, в поисках работы он отправляется туда, куда издавна уходили его земляки, — в Питер. Только-только зоревые пятилетки позвали к делу молодые рабочие руки. Кочетов попадает на судостроительный завод. Скажем вполне определенно: ему повезло — юношей стать в ряды коллектива, с жаром взявшегося строить флот великой державы! Есть такое выражение — мачтовый лес. Прямое, стройное, без малейшего намека на кривизну дерево идет на мачту. А мачта должна нести паруса, а паруса — наполняться плотной энергией ветра. Среди таких людей — прямых, честных, целенаправленных — вырастал будущий автор главной своей книги, снискавшей ему широкое признание в стране и известность у зарубежного читателя. Семью Журбиных — «коллективного» героя его книги — можно назвать символом рабочего класса, действующего при социализме, символом хозяев новой жизни. Многое в этой книге звучит как гимн неувядаемой силе советского рабочего, широте и неисчерпаемости его натуры.

Не случайно, не «из головы» будущий писатель открывает своих героев. Что бы там ни говорилось о значении абстрактного мышления и художественной фантазии, все же первооснова любого, не обреченного на забвение произведения — подлинная жизнь.

Вскоре тяга к земле приводит Всеволода Кочетова в сельскохозяйственный институт, он становится агрономом, познает жизнь крестьянства. На селе укрепляется его сыновняя вера в духовную красоту и стойкость тружеников деревни.

Многое познавая, переосмысливая, он старается запечатлеть свои ощущения и мысли на бумаге, донести их до внимания читателей. Вполне естественно, что путь будущего писателя начинается в газетах — районных, областных.

Вскоре газетный лист становится тесным. В мечтах — книга.

Война обрывает творческие планы. «Итак, начинается песня о ветре, о ветре, обутом в солдатские гетры», — как писал Луговской. Отечество в опасности! Кочетов спешит в военкомат. «Подождите, не торопитесь, пройдите медосмотр!» Негоден... Разве дело в здоровье? Надо драться, за нами — город Ленина! Вместе с путиловцами у исторической Нарвской заставы Кочетов становится в ряды батальона народного ополчения. О том, как все это было, рассказывается в его записках, опубликованных недавно.

Война, казалось бы, надолго оторвавшая Кочетова от его литературных замыслов, наполняет его сильными впечатлениями. Товарищам из ополчения он посвящает свою повесть «На невских равнинах». Затем появляется повесть «Предместье».

В. Кочетов утвердился как писатель в послевоенное время, в закономерном процессе возникновения целой плеяды литераторов, прошедших вместе со своим народом тяжелые испытания.

Уже его первые творческие заявки позволяли говорить о том, что в литературу пришло новое дарование, художник страстный, партийный, целеустремленный. Народность его творчества не оставляет равнодушным широкого читателя. В повести «Профессор Майбородов», романах «Молодость с нами», «Товарищ агроном» внушительно поданы типические характеры ученого Майбородова, металлурга Колосова, агронома Лаврентьева.

Возникновение романа о Журбиных не вспышка, не фейерверочная удача, не россыпь быстро угасающих искр. Духовный мир героев, их страсти, конфликты ярко выписаны и в «Братьях Ершовых». Не все тихо-мирно, идет борьба, разграничиваются борющиеся силы, возникает необходимость в аналитико-синтетической способности героя найти себя в этой борьбе...

Герои лучших произведений Кочетова — люди цельные и твердые, они честны и невзыскательны к условиям быта, но непримиримы к порокам, к равнодушию. Их воздействие тем и сильно, что они, эти характеры, взяты не на отстое, а на стрежне бурного потока.

Такие романы, как «Секретарь обкома» и «Угол падения», позволяют судить о том, что творческие интересы писателя широки и разнообразны.

Всеволод Кочетов ведет большую литературно-общественную работу как секретарь правления Союза писателей РСФСР и главный редактор журнала «Октябрь». Писатель встречает свое 60-летие в расцвете сил, полный творческих замыслов.

Искренне желаю ему успехов!

**Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ**

***

*«Литературная газета» присоединяется к этим сердечным поздравлениям.*

# ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ

## Сергей МИХАЛКОВ

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» развивает те положения доклада Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева на XXIV съезде партии, которые касались насущных вопросов нашей литературно - общественной жизни. Все это лишний раз подтверждает своевременность созыва нашего пленума.

Союз писателей России в преддверии этого пленума провел ряд организационно-творческих акций, которые будут завершены всероссийским семинаром в Переделкине.

Мне думается, что молодым критикам присуща способность острее и тоньше угадывать новизну. Вот почему мы такое большое внимание уделяем росту и воспитанию молодых критических сил, не говоря уже о том, что они — смена нашему старшему поколению, продолжатели его лучших традиций.

Должен сказать, что за последнее время нам приходилось заниматься и делами, вызывающими беспокойство иного характера. К сожалению, уже не молодежь, а многоопытные литераторы проявляют порой некритическое отношение к публикации в журналах, органах Союза писателей РСФСР, идейно сомнительных материалов, литературно-художественного брака. Я вынужден упомянуть, что некоторые публикации на страницах журнала «Октябрь» были обсуждены на заседаниях секретариата нашего союза и оценены как серьезные ошибки редакции журнала.

Секретариат был вынужден принять решение об укреплении редколлегии и редакционного аппарата журнала, что также соответствует тем рекомендациям, которые содержатся в Постановлении ЦК КПСС.

Журнал «Наш современник», так же как и журнал «Октябрь», имеет сегодня в своем активе немало значительных публикаций, обогативших нашу литературу во многих жанрах. Во главе их стоят опытные литераторы-коммунисты. Но вот в первом номере «Нашего современника» за 1972 год напечатаны воспоминания об одном недавно ушедшем от нас русском писателе. Читаешь заключительные строки этой публикации, и перед читателем невольно возникает образ литератора начала прошлого века, с горькой судьбой, физически и морально надломленного человека, покинувшего милую его сердцу Россию и где-то далеко на чужбине, чуть ли не в изгнании завершающего свою жизнь. А ведь речь идет о нашем современнике, о писателе-коммунисте.

В решениях XXIV съезда КПСС сказано, что необходимо в дальнейшем совершенствовать систему народного образования. Несомненно, что это указание распространяется и на систему литературно-художественного образования и развития учащихся. Все ли здесь совершенно?

Много доброго и полезного для общекультурного и эстетического развития учащихся сделано в последние годы. Созданы новые, более совершенные программы, учебники. Все более творческой становится совместная работа школы с музеями, библиотеками, театрами. Реально проявляется совместная деятельность Академии педагогических наук СССР с творческими союзами. И все же на сегодня симптоматична и символична такая картина. Взрослые дяди и тети на разных уровнях — от академиков, писателей, композиторов и художников до просто мам, пап, бабушек и дедушек — эмоционально, часто и подолгу обсуждают пути привлечения детей, подростков к большому искусству. А подростки тем временем забывают дороги, ведущие в библиотеку, в театр, в литературный музей.

Что делать? Чаще всего составители программ и методических пособий доказывают, что необходимо увеличить количество часов на литературу. Однако, на мой взгляд, ключ не в количестве часов.

Наше время характеризуется невиданным ранее ростом информации. То, что сегодня новое, быстро становится старым. Ключ не в количестве освоенной информации, а в сформированном умении **самостоятельно добывать новые знания.**

Не **количественный**, но **качественно иной** принцип — единственно верный в совершенствовании системы общекультурного и, в частности, литературно-эстетического развития и воспитания учащихся.

## Григол АБАШИДЗЕ

Исторический XXIV съезд КПСС. Постановление «О литературно-художественной критике» — лучшее свидетельство неуклонной заботы партии о судьбах нашей литературы. Все это, безусловно, помогает укреплению фронта советской критики, поднимает ее на новую высокую ступень.

Советская литература — многонациональная литература. Поэтому одной из самых жизненно важных для нее является проблема интернационального и национального. В этом направлении, особенно за последние годы, наша критика проделала большую и полезную работу.

Все, наверное, помнят слова товарища Л. И. Брежнева о том, что расцвет национальных культур и литератур есть величайшее достижение социализма.

Современная грузинская литература не стоит особняком от общесоюзной литературной жизни. Поэтому общая оценка нашей литературной критики, данная в Постановлении ЦК КПСС, полностью относится и к современной грузинской литературной критике.

С чувством глубокой досады должен признать, что современное состояние грузинской литературной критики ни в коей мере не удовлетворяет ни нашу писательскую общественность, ни широкие читательские массы.

Более всего нашу критику следует упрекнуть в неумении создавать проблемные статьи с широким охватом и глубоким анализом материала, поднимать и комплексно решать самые острые вопросы художественной практики. Нам нужно больше проблемных статей, больше обзоров и обозрений, больше обобщающих работ, по-настоящему серьезных, глубоких и в то же время интересных и читабельных.

Но хочется отметить, что в последнее время наблюдается некоторое оживление грузинской литературной критики. Можно привести примеры, когда принципиальная партийная критика помогла авторам уже опубликованных произведений восполнить пробелы и улучшить их идейно-художественные качества.

Мы должны вывести нашу критику из инертного состояния, застраховать от чрезмерного увлечения литературно - историческими проблемами и голым теоретизированием. Сегодняшний день, сегодняшние люди, отражение их в современном литературном процессе, особенности художественного мастерства — вот основная задача нашей литературной критики.

## Александр ДЫМШИЦ

Наша критика должна цементировать идейно-эстетические связи прогрессивных литератур современности. Обращаясь к литературам стран социалистического содружества, мы не можем не учитывать определенные различия в характере развития литературы в каждой из этих стран, но прежде всего мы обязаны видеть и утверждать все те тенденции, которые духовно объединяют наши социалистические литературы. Хочу в этой связи горячо поддержать высказанную в докладе конструктивную мысль о встрече за «круглым столом» с критиками из социалистических стран...

У нас есть превосходные, научно подготовленные кадры специалистов в самых разных областях филологической науки, они охотно занимаются историей литературы, охотно обращаются к прошлому и, к сожалению, почти не уделяют необходимого внимания тому, что создают наши друзья, наши единомышленники и соратники, работающие в различных литературах мира. Здесь нужны радикальные перемены, нужно решительно усилить интерес литературоведов и критиков к современным темам.

Рассматривая сегодня соотношение противостоящих в мире идейных сил, мы не должны умалять наших успехов. Мы с полным правом можем быть оптимистами. Но это ни в коей мере не значит, что мы вправе хотя бы на мгновение забывать о задачах идеологической борьбы. Мы всегда должны помнить о словах, сказанных на XXIV съезде партии и напоминающих нам об идеологической войне, бушующей в мире. Стратегию и тактику идеологического боя мы должны постоянно улучшать. Об этом напоминает нам и Постановление ЦК «О литературно-художественной критике».

В области эстетики, в области литературы и критики главарям буржуазной идеологической реакции — всем этим господам Бжезинским, Аронам, Маркузе и прочим — ревностно помогают ренегаты марксизма, разного рода правые и «левые» оппортунисты и ревизионисты. У нашей критики есть определенные заслуги в борьбе против ренегатов-ревизионистов Фишера, Лефевра, Гароди, Гольдштюккера и иже с ними. Но борьбу против извращений марксистско-ленинской эстетики и критики нужно продолжать последовательно и неуклонно. Надо развенчивать и отбрасывать попытки «синтеза» реализма и декадентства по рецептам Фишера и Гароди, попытки варьирования троцкистской концепции перманентного конфликта между художником и властью. Надо показывать, что буржуазные и ревизионистские теории и дела враждебны самой природе искусства, интересам его развития.

## Вадим КОЖЕВНИКОВ

Постановление Центрального Комитета КПСС говорит о том, что критике придается большое значение в формировании творческого процесса. Отсюда и призыв к дальнейшему повышению высокоидейной, открыто партийной активности критики.

Каждый из нас должен оглянуться на свою работу и работу своих товарищей по перу, обдумать, что уже сделано, прикинуть и наметить, как поднять общую творческую работу на тот высокий принципиальный уровень, который обозначен партией.

Если сказать о том, что мне наиболее близко и знакомо — о коллективной работе журнала «Знамя», — то за последние годы мы старались сосредоточить свои усилия в разделе «Критика и библиография» на таких проблемах, как традиции и новаторство, национальное и интернациональное, борьба с идеологическими противниками всех мастей, и на том, что является традиционной темой для нашего журнала, — это вопросах героико-патриотической темы.

Нам, в «Знамени», представляется первостепенно важной научная разработка на широком фактическом материале коренных методологических принципов социалистического реализма и в связи с этим последовательный, решительный отпор нашим идеологическим противникам — «советологам» и ревизионистам всех мастей.

Сегодня мы все яснее отдаем себе отчет в том, что серьезное, убедительное исследование проблем искусства социалистического реализма невозможно без учета многонационального богатства нашей культуры. Взятая в целом, она являет перед всем миром невиданное доселе единство и многообразие, движимое совершенно новыми законами взаимосвязей, взаимовлияния и взаимообогащения. Полнее и всестороннее раскрывать законы этого единства в его развитии, быть внимательнее к процессам культурного движения во всех братских республиках — такова одна из важнейших задач критики.

На страницах наших печатных органов читатель мог встретить в последнее время целый ряд материалов, освещающих эти вопросы. Несомненно, что в нынешнем году, когда мы будем праздновать славное 50-летие нашего Союза республик, критики проявят в этом направлении еще большую активность.

Проблема героического в советской литературе — это не умозрительная мечта: сама социалистическая явь открывает наблюдательному литератору образ истинного героя времени, достойного представителя нашего общества, человека, несущего в себе свет коммунистических идеалов.

## Афанасий САЛЫНСКИЙ

Когда читаешь книги по проблемам драматургии, капитальные статьи теоретиков, не можешь не отметить и ясности эстетической концепции, и глубины мысли.

В известной степени противоположную картину являют собой рецензии. Право же, чаще находим мы в рецензиях пересказ замысла драматурга, литературный эскиз спектакля, анализ же художественных средств и стилистики, соотнесение рассматриваемого явления искусства с жизнью — все это встречается в рецензиях не столь часто.

По правде говоря, очень немного критиков постоянно и самоотверженно занимаются советской драматургией.

Особо хотелось бы остановиться на вопросе о том, как освещает наша критика современные постановки классических пьес.

Еще не так давно отдельные наши театры вместо истинно современного прочтения классических произведений драматургов увлекались подчас их приспособлением под «злобу дня». Партийная критика прямо и требовательно указала на это. Однако теперь замечается иная крайность: иногда подходят к спектаклям классического репертуара с критериями, гораздо более уместными для оценки музейных экспозиций — призывают точно следовать не только букве, но и каждой интонации в пьесе, написанной сто, триста и более лет тому назад.

Мне думается, что самая привязчивая беда нашей драматургии — незначительность конфликта — еще не стала главным предметом тревоги профессиональной критики. Драматические писатели редко отваживаются на серьезный и острый разговор о современной жизни. А критики в известной мере притерпелись и реагируют на это довольно-таки равнодушно. Видимо, следовало бы сосредоточить внимание наиболее талантливых критиков на новых произведениях.

## Академик П.Н.ФЕДОСЕЕВ

Тема, которую я хотел бы здесь обрисовать, касается взаимоотношения научного познания и художественного творчества. Мне представляется, эта тема имеет особую значимость в наше время, что определяется тремя обстоятельствами.

Первое — это научно-техническая революция. Превращение науки в непосредственную производительную силу, бурный рост технического прогресса, естественно, врываются и в художественное творчество.

На XXIV съезде КПСС было подчеркнуто положение о том, что сейчас перед нами стоит задача соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического строя.

Естественно, что этими вопросами занимаются ученые. Но раскрывать эти преимущества призвана и художественная литература, тем самым содействуя научно-техническому прогрессу.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что вопрос о научно-технической революции вкривь и вкось толкуется в буржуазном мире. В связи с научно-технической революцией появилась технократическая теория, которая утверждает, что время гуманистического мировоззрения и образования отошло, что идеологией современности стала технология. Это направление обозначается термином деидеологизации. Один из главных вдохновителей этой теории — Д. Белл — так назвал свою книгу: «Конец идеологий».

С одной стороны, мы видим стремление к деидеологизации, к вытеснению гуманитарного, гуманистического мировоззрения, основу которого в наше время составляет самая передовая теория марксизма-ленинизма. С другой стороны, за последнее время, особенно среди так называемых «новых левых», все более распространяется антитехницизм как реакция на те уродства, которые порождены капиталистическим использованием достижений научно-технической революции.

Мы должны вести решительную борьбу против тех и других «теорий», а также с теми предрассудками и предубеждениями, которые встречаются у нас, с недооценкой литературы и искусства, гуманитарных наук, с антитехницизмом, с недооценкой тех достижений науки и техники, которые призваны преобразовать производство, поднять производительность труда.

Второе обстоятельство. Дело в том, что за последние 10 лет, а тем более за последние годы, литература и искусство становятся предметом анализа, изучения, исследования всего комплекса общественных наук, да и не только общественных наук. Даже кибернетика, математика втягиваются в область изучения художественного творчества.

Здесь я должен поддержать тех товарищей, которые высказали упрек по поводу литературоведения, да, можно сказать, и языкознания.

А именно по поводу преобладания исторической тематики. Конечно, литературоведение не может обойтись без изучения истории литературы. Но все-таки литературоведение должно быть наукой о литературе, оно должно быть и теорией литературной критики. А это требует вторжения литературоведов в художественную жизнь современности.

В связи с Постановлением ЦК партии «О литературно-художественной критике» Академия наук СССР сделает, несомненно, выводы и примет меры к тому, чтобы и литературоведение, и искусствознание решительнее вторгались в вопросы современного художественного творчества и литературную критику.

Наконец, третье обстоятельство заключается в том, что писателям, художникам вместе с учеными приходится решать важнейшие проблемы современного коммунистического строительства. Я имею в виду формирование мировоззрения нового человека, строителя коммунизма.

Сейчас человек — это объект отражения в искусстве и в научном познании. И вместе с тем это объект воздействия обратного. Имеется в виду и воспитательное, и преобразующее воздействие литературы, искусства, науки на жизнь человека, на жизнь общества.

В этой связи я хотел бы подчеркнуть, по-моему, гораздо большее, чем порой считают некоторые теоретики, значение литературы и искусства в наше время. Я имею в виду следующее. Формирование человека совершается путем всей его деятельности, активной деятельности — трудовой, познавательной и т. д. Но хотелось бы поставить в ряд и эстетическую деятельность человека. Нельзя утверждать положение о том, что эстетика — сама по себе, эстетика — это та же деятельность, один из важнейших видов деятельности человека.

## Виктор ПЕРЦОВ

Известно, что лучшее — враг хорошего. Наша партия хочет расцвета литературы. Мы, критики и литературоведы, конечно, не можем заменить собой художников слова. Но мы можем содействовать их творческому росту.

Надежда на критику, по-моему, с полной ясностью выраженная в Постановлении ЦК КПСС, особенно ярко и точно сформулирована в такой фразе: «...сочетать... глубину социального анализа с эстетической взыскательностью...».

Если вы хотите, чтобы ваше слово помогло художнику найти себя, если вы хотите найти тот ключик, который откроет таящееся в нем, если вы хотите помочь подойти к этой тайне, чтобы художник раскрылся, надо его критиковать с позиций утверждения лучшего в нем. Для меня, например, всегда самым трудным было не, что называется, «разнести» автора, который мне казался не соответствующим нашему идейно - художественному уровню, а поддержать его, сумев найти в его творчестве достойное похвалы... Это очень тонкая операция — логическими средствами выявить в том, что называется романом, повестью, поэмой, стихотворением, настоящую жемчужину революционного искусства.

Приведу пример. Мне нравится поэма Михаила Луконина «Аисты». Но моя задача как критика, конечно, не просто хвала. Мне нужно объяснить, в чем ее прелесть, какая в этой вещи новизна, красота, утверждение нашей действительности. Это гораздо труднее, чем взять какое-нибудь другое стихотворение того же Луконина и показать, что оно не получилось...

Я хочу вам напомнить одну выдержку из письма Некрасова Тургеневу (Некрасов собирался писать о повестях Тургенева). «Буду писать не для тебя, — пишет Некрасов, — а для публики. И, может быть, скажу что-нибудь, что тебе раскроет самого тебя как писателя: это самое важное для критики...»

Я хочу привести пример хорошей работы, которая, как мне кажется, именно идет по линии любви к литературе, любви, реализованной в анализе, потому что для работников критики именно в анализе сказывается любовь к человеку, к художнику.

Я назвал бы хорошей книгой труд Валерия Дементьева о Леониде Мартынове.

Мы заинтересованы, чтобы наше художественное слово дошло до огромного количества людей, чтобы оно их захватило и повело за собой. Книга Валерия Дементьева поможет глубже понять Мартынова как поэта, историка, мыслителя, укажет на его недостатки... И я думаю, что Мартынов еще свое возьмет и свою аудиторию расширит... Но мы не должны забывать (если мы говорим о многообразии стилей и форм социалистического реализма), что и наши читатели (как об этом хорошо говорил академик Федосеев) — они тоже разные.

И мы должны считаться с тем, что наше общество, при его огромном единстве и целеустремленности, создает не только своеобразную личность, но и своеобразные круги читателей... Постановление о литературно-художественной критике дает возможность нам взглянуть шире на разнообразие нашей жизни в литературе. И это поднимает тонус... Теперь нам всем веселее будет жить и работать.

## Миколас СЛУЦКИС

Думается, литературной критике можно чуть настойчивее пожелать, чтобы она требовательней подводила итоги достижений и поражений. Если наши рецензии в первую очередь обязаны ответить на вопрос, хороша книга или нет, то критические обзоры и исследования должны ответить на вопрос номер один: какие направления и тенденции сегодня наиболее актуальны, перспективны?

Возьмем изображение повседневности — разбираем ли мы все аспекты этой важной проблемы на основе объективной реальности и в перспективе наших главных социальных устремлений? Надо серьезно изучить и суммировать то разнообразие, которое внесла в характеристику и сущность героя литература последних лет. Приближение к повседневному, обыденному в человеке и вокруг него — большое наше достижение последних лет, однако еще сложнее в таком случае становится задача обобщения.

В настоящее время литература переживает период разведки, накопления и перевооружения. Даже по сравнению с пятидесятыми годами сильно изменились социальные и психологические условия жизни советского человека. Изменились, конечно, к лучшему, однако именно это лучшее плюс имеющиеся еще нерешенные проблемы и требуют больше внимания к духовному началу.

Некоторые конфликтные явления действительности уже не дают себя охватить старыми формами, не дают себя расщепить одним тематическим знаменателем. Изменяются как лирические способы изображения, так и эпические, замечаются проявления синтеза, но они еще робко обобщаются теоретически.

В последнее время наши критики справедливо подчеркивают, что литература говорит языком художественных образов, что всякие, даже самые искренние усилия писателя не заменяют художественных ценностей. Не только поверхностное описательство, но и разведка жизни, введение новых проблем не принесут результатов автору, если он не способен убеждать художественно.

Сложность жизненных конфликтов, не дающих покоя писателю, должна постоянно занимать и мысли критика. Это нисколько бы не стесняло его права объективно определить степень художественной ценности отдельных произведений. Мой идеал — не критик-жрец, глаголящий чуть ли не математическими формулами или же эстетически-философскими ребусами, а сподвижник, живущий общими с нами надеждами, тревогами и устремлениями.

## Владимир ПИМЕНОВ

Мое выступление касается одной стороны современной критики — воспитания молодого критика, формирования его таланта, всемерного и наиболее плодотворного использования этого таланта в борьбе за новые высоты социалистической литературы.

К сожалению, собственно критиков воспитывается мало.

Мало еще публикаций молодых критиков в журналах и газетах, наши печатные органы не открыли за прошедший год ни одного нового имени литературного критика. Выскажем, быть может, полемическую мысль — журнал должен растить своего критика, своего постоянного обозревателя движения литературы.

Хочу внести несколько предложений.

Выпускников Литературного института имени А. М. Горького, выпускников филфака и факультета журналистики, имеющих склонность к критической деятельности, надо распределять на работу в журналы, газеты, АПН, комитеты по печати, редакции радио и телевидения, в различные комиссии Союзов писателей СССР и РСФСР, то есть туда, где ведется обобщение литературного процесса.

---

# ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

### А. П. ЛУПАНУ — 60 лет

Молдавскому писателю А. П. Лупану исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по молдавской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«От всей души поздравляем Вас, выдающегося советского поэта и общественного деятеля, с днем шестидесятилетия!

Мы высоко ценим Ваш вклад в развитие молдавской советской литературы, Ваше активное участие в литературной жизни всей нашей страны.

Ваше революционное прошлое, коммунистическая убежденность и стойкость в борьбе за утверждение ленинских принципов в жизни и литературе являются вдохновляющим примером для молодежи.

Ваша жизнь, Ваша творческая судьба органически связаны с судьбой молодой союзной республики — Советской

Молдовы. Ваше поэзия, проникнутая высоким чувством гражданственности, мужественной лиричностью и народным юмором, близка и понятна читателям не только Вашей республики. Книги Ваших стихотворений, переведенные на русский язык, — «Лицом к лицу», «Про нас», «Стихи» и «Ноша своя», — сделали Ваше творчество достоянием широкого, всесоюзного читателя.

Своими талантливыми переводами произведений Пушкина, Некрасова, Горького и Маяковского, а также лучших произведений зарубежной литературы Вы открываете молдавским читателям сокровищницу мировой классики.

Велик Ваш вклад в изучение и издание молдавских классиков. Вы по праву удостоены почетного звания действительного члена Академии наук Молдавской ССР.

Ваше творчество высоко оценено народом и партией, о чем свидетельствует и присвоение Вам Государственной премии МССР.

Много сил, труда и знаний отдаете Вы воспитанию новых поколений молдавских поэтов.

Мы радуемся, что Вы полны творческих устремлений, продолжаете совмещать литературную деятельность с трудом ученого и публициста.

Желаем Вам богатырского здоровья, неослабевающей энергии и творческих успехов».

■

В стихах, написанных в 1933 году, двадцатилетний студент, крестьянский сын Андрей Лупан писал:

Я долго вырывался
из болота,
чтобы пиявок
забыть к нему пути,
чтобы я конца концов
себя найти.

Читаешь страница за страницей стихи, созданные поэтом с тех пор, как вылились из его сердца приведенные строки, и проступает сквозь них судьба упорного, волевого человека, который, преодолевая все препятствия, поставленные на пути жизнью, шел к намеченной в юности цели, деля с родным народом все его горести и радости.

В годы, когда народ его родной Молдовы под боярским гнетом голодал на солнечной, плодородной земле, он вместе с демократической частью студенчества встает на путь революционной борьбы.

Полная тревог и опасностей жизнь революционера-подпольщика, неугасимая надежда на то, что взошедшее после Октября 1917 года солнце народной правды и справедливости коснется своими живительными лучами и его родных мест, составляли содержание стихов Лупана, написанных в студенческие годы, время это возникает как воспоминание в его современных стихах.

Закаленный годами подпольной революционной работы, Андрей Лупан счастливо совмещает в себе и талантливого поэта-лирика, и активного государственного деятеля. Общественная деятельность никогда не мешала Лупану быть поэтом, а наоборот, вносила в его творчество высокий тон напряжения созидательной энергии. А. Лупан — один из создателей большой литературы нашего многонационального братства строителей коммунизма.

В его стихах — и высокий пафос гражданственности, и яркие отклики на самые животрепещущие вопросы, и задушевность личной лирики, и глубокие философские раздумья над судьбой человека в наша стремительное время, и острая сатира.

Перед мысленным взором читателя стихов Лупана встают залитые солнцем сады и виноградники, пшеничные поля и кукурузные плантации его родной Молдовы, проходят вереницы образов его земляков, чьими сильными, мозолистыми руками строится новая жизнь.

И несмотря на то, что сегодня поэт перешагивает рубеж шестого десятка, поэзия его, как и в дни его юности, заучит удивительно молодо.

И лучше всего в день его шестидесятилетия вспомнить написанные им двадцать лет назад стихи, посвященные песне:

Чего пожелал бы еще,
когда ей звенеть тут
и жить,
на подвиги звать горячо,
с сердцами людскими
дружить?

Когда, устремленная ввысь,
слилась она с жизнью
полей...

Будь счастлив, поэт,
и гордись
высокой победой своей!

Ал. СУРКОВ

■

Может ли быть для поэта счастье выше, чем знать, что его поэзия, его труд становятся своеобразной проекцией духовного состояния людей, о которых он пишет и которые узнают себя и свою судьбу в его творчестве? И лучшей долей, чем та, которая навсегда связала его с народом, с его заботами и радостями?

Творческий путь поэта-академика, лауреата Государственной премии МССР Андрея Павловича Лупана начался в трудных условиях классовых бите в помещичье-буржуазной Бессарабии 30-х годов. Каждый стих того времени, написанный поэтом, — сколько зарубцевавшаяся рана на изможденном сердце человека!.. Сколько яростный призыв о помощи и в то же время — гневный протест против угнетения, против нищеты и бесправия.

Во время Великой Отечественной войны Андрей Лупан наряду с другими писателями приравнял свое перо и штыку. А после войны и в последние годы появляются такие известные его произведения, как пьеса «Совет», поэма «Василе с Мэгуры», сборники стихов «Мастер-созидатель», «Закон гостеприимства», многочисленные эссе, публицистические выступления по самым разнообразным вопросам.

Поучительна напряженная работа Лупана над словом, его взыскательность и требовательность к своему труду (многие его стихи терпеливо дожидаются положенного срока «вызревания» в рабочем столе).

Мне кажется, что, садясь за рабочий стол, поэт каждый раз с тревогой спрашивает себя: готов ли, подобно своему герою-пахарю, начать новую «борозду»? Вот он держит в широких, как ладони, ладонях слова-зерна, заключающие в себе великое множество еще не разгаданных тайн. В этом святая и вижу самого автора — верного сына народа, умудренного опытом его, умеющего жить его заботами. Глубокое знание жизни в ее высоком звучании и в будничном проявлении сообщает произведениям Лупана неподдельную искренность, убежденность, социальную наполненность. Своим творчеством поэт утверждает новое в жизни, решительно отвергает косность и рутину. Самые актуальные вопросы современности находят мастерское воплощение в его поэзии. Этим и можно объяснить ее внутреннее напряжение, тот высокий запас прочности, которым отличается стих Лупана; отсюда и цельность, высокая гармония духовного мира созданных поэтом образов — образов соотечественников поэта, с которыми он ведет доверительный разговор.

Последний сборник стихов А. Лупана, изданный в Кишиневе, носит символическое название — «Ноша своя». Здесь все то, чем жил и живет поэт: радость творчества и живая память о прошлом, гордость за величественные дела соотечественников и забота о завтрашнем дне.

Творчество А. Лупана — достойный пример органической, нерасторжимой связи с жизнью, активного отношения к ее явлениям, высокого служения делу народа, делу ленинской партии.

И подобно тому пахарю, который знает цену своему делу, поэт достойно несет эту благородную ношу — ношу вдохновенных чувств и мыслей. Она ему, его таланту по плечу.

Андрей Лупан находится в самом расцвете своего творческого дарования, и хочется от всей души пожелать ему крепкого здоровья и новых творческих удач.

Павел БОЦУ

***

*«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.*

*В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ.*

*На снимках* (слева направо):

*Павел БОЦУ, Гривол АБАШИДЗЕ, Георгий МАРКОВ*

●

*Камиль ЯШЕН, Леонид НОВИЧЕНКО, Виталий ОЗЕРОВ, Вадим КОЖЕВНИКОВ*

●

*Николай ГРИБАЧЕВ, Виктор ПЕРЦОВ*

Редакциям журналов и газет следует систематически организовывать вокруг своих критических отделов творческий актив, воспитывать его, печатать работы молодых критиков.

Ввести в практику систематические семинары молодых критиков в союзных республиках, краях и областях по примеру семинаров молодых поэтов, прозаиков, драматургов.

Считать целесообразным по примеру издания первой книги поэта и прозаика выпуск первой книги литературного критика.

Провести в текущем году на Высших литературных курсах при Литературном институте двухмесячный семинар литературных критиков.

Следовало бы изменить правила приема на имеющийся уже сейчас семинар по литературной критике. Принимать на него молодых людей не с трудовым стажем вообще, но с конкретным журналистским стажем.

## Леонид НОВИЧЕНКО

При любых суждениях о современной критике следует, мне кажется, помнить, что ею накоплен, в том числе и за последние годы, серьезный положительный опыт. Есть основания говорить и о заметном росте методологической вооруженности и профессионального мастерства критики, говорить о том, что все больше появляется критических статей и книг, которые не только так или иначе судят о литературе, но и сами являются литературой в настоящем значении этого слова.

Современной советской критике по плечу большие задачи литературного и общественно-воспитательного характера. Тем более досадно сознавать, что этих задач она в полной мере не выполняет в силу присущих ей недостатков, на которые так авторитетно и справедливо было указано на XXIV съезде партии и в недавно опубликованном Постановлении Центрального Комитета.

Мне хочется остановиться главным образом на проблемах так называемой текущей критики — ведь здесь находится главный узел, связывающий теоретическую мысль с литературным процессом, с широким читателем, с исторической динамикой самой действительности, и именно здесь — главные наши слабости.

За последние два-три года субъективистские веяния, приводившие к «деполитизации» критики, к пренебрежению идейным содержанием художественного образа, проявляются значительно реже и уж совсем не с прежней откровенностью, но определенный, иногда бессознательный отрыв эстетического анализа от идейных оценок и выводов в тех или иных критических работах все же далеко не изжит. На Украине такое ползучее, я бы сказал, эстетство или полузэстетство особенно часто проявляется на поле поэтической критики. Лишенные ясного содержания и превращенные в некие теоретические фетиши понятия вроде «интеллектуальности» (относительной правомерности этого термина я, кстати, не отрицаю), «современности формы», «глубинной духовности», «фольклоризма» и «урбанизма» закрывают перед глазами иных критиков подлинные идейно-эстетические критерии, без последовательного применения которых критический анализ становится очередной пустышкой.

Глубина социального анализа — вот задача, которая, может быть, впервые выдвигается с такой силой в качестве первостепенного и чрезвычайно емкого требования! Но что такое социальный анализ в литературной критике применительно к нынешнему уровню развития советского общества и современному состоянию общественных наук?

Отсюда — необходимость более ясного творческого общения (если хотите — сближения) литературной критики с современной научной мыслью в области марксистско-ленинской философии, социологии, общественной психологии, истории и других отраслей знания.

И, наконец, эстетическая культура критика — его взыскательность и такт, чуткость к индивидуальному своеобразию художника и пониманию путей его поиска...

Позволю себе кратко коснуться одного вопроса теоретического характера, затронутого в интересном докладе В. М. Озерова. Приходится признать справедливыми слова докладчика о том, что в разработке проблемы художественного многообразия литературы социалистического реализма наша теоретическая мысль за последнее время почти не продвинулась вперед, и это отрицательно сказывается в практике текущей критики.

На стилевой и жанровой карте многонациональной советской литературы возникли новые контурные обозначения, которых не было или которые по-иному выглядели лет 15—20 назад. При попытках уточнять и развивать наши нынешние теоретические понятия о многообразии форм и стилей советской литературы все это, на мой взгляд, надо учитывать — и учитывать непременно в многонациональном, всесоюзном масштабе. И тогда, видимо, выяснится, что проблема романтического течения в литературе социалистического реализма на современном этапе ее развития — проблема важная, существенная, подлежащая дальнейшей разработке, но все-таки не самая главная в данном комплексе вопросов. (Я уж не говорю о надуманных попытках сконструировать некий второй, параллельный художественный метод нашей литературы в виде метода социалистического романтизма.) Почему не самая главная? Да уже потому, что в сегодняшней литературной практике, как свидетельствуют многочисленные факты, с новой силой ощущается тяга именно к реалистическим стилевым формам, но не традиционным, а обновленным, вобравшим в себя все плодотворное из сложного опыта недавних исканий и ставшим благодаря этому более яркими, интересными и многообразными.

## Рахим ЭСЕНОВ

С каждым годом меняется облик Советской Туркмении, меняются ее люди. Богаче стали их быт и духовный мир, разностороннее и сложнее взаимоотношения. Все это, естественно, находит свое художественное воплощение в туркменской литературе.

Плодотворное ее развитие отмечалось и на V Всесоюзном съезде писателей. Однако каковы бы ни были успехи, они всегда — день вчерашний. И нам, вероятно, в первую очередь следует принять на свой счет озабоченность нашей партии отставанием литературной критики.

Десять или даже пять лет назад туркменская литературная критика была представлена в основном библиографическими работами и рецензиями, в которых преобладали пересказ содержания книги и определение ее идейной направленности. Сегодня критики наши стали обращаться к проблемным вопросам развития туркменской советской литературы, глубже вникать в творческую лабораторию писателя. За малым исключением вне поля их зрения осталась такая важнейшая проблема, как образ человека труда: человека, который снитезирует в себе лучшие черты эпохи и сам является эпохой в развитии человеческой личности. Писатели же наши все чаще обращаются к такому человеку. И если творческая трактовка образа этого пока еще далека по своей углубленности от живых прототипов, живых героев наших дней, которыми обильна, как солнцем, нынешняя Туркмения, если наиболее характерное, типичное еще далеко не полностью освободилось в нашей литературе от пут схемы, то здесь немалая доля ответственности ложится и на критику.

Перед ней, конечно, стоят и другие «бастионы» и «редуты»: всестороннее изучение и раскрытие творческого метода, эстетических идеалов ведущих мастеров социалистического реализма; четкая разработка вопросов национальных традиций.

Большую помощь и критикам нашим, и писателям могли бы оказать московские коллеги обстоятельным и детальным анализом наших произведений.

## Л. И. МАТВЕЕВ,

**секретарь ЦК ВЛКСМ**

Литературно-художественная критика призвана глубоко анализировать явления литературы и жизни, обогащать знаниями молодежь, открывать ей пути к овладению законами литературы и искусства.

Нам кажется, что для этого надо шире использовать и те возможности, которыми располагает комсомол. В нашем распоряжении 157 молодежных и пионерских газет, 66 журналов, 149 молодежных редакций радио и 125 — телевидения.

И, пользуясь сегодня случаем, мы приглашаем критиков и литературоведов чаще выступать в молодежной прессе, постоянно общаться с молодежью, активно формировать у юношей и девушек марксистско-ленинское миропонимание, гражданственность, высокие нравственно-эстетические нормы.

Комсомол в тесном содружестве с Союзом писателей немало делает для воспитания литературной молодежи, для повышения ее идейно-профессионального уровня. Постоянно проводятся творческие совещания и семинары, фестивали молодой поэзии. Однако мы не можем никак к этой работе привлечь критиков.

Принимая Постановление ЦК КПСС к неуклонному выполнению, мы хотим сказать, что комсомольские организации уже проделали некоторую работу в этом направлении. На январском совещании молодых московских писателей в прошлом году работали два семинара критиков.

Мы подумаем о большей ориентации на издание произведений молодых критиков нашего центрального комсомольского издательства «Молодая гвардия».

Особо мне хотелось бы сказать о журнале «Молодая гвардия». У журнала в прошлом были серьезные ошибки и просчеты. Бюро ЦК ВЛКСМ рассматривало работу этого журнала на своем заседании, приняло меры по укреплению его редакции квалифицированными, подготовленными работниками.

Хотелось бы высказать пожелание Комитету по печати при Совете Министров СССР. Возможно, следует решить вопрос об издании «Библиотечки критика» наподобие огоньковской или молодогвардейской «Избранной лирики», где оперативно издавать наиболее актуальные критические работы.

## Барис ЕГОРОВ

Я хочу сказать о взаимоотношениях литературной критики и сатиры, вернее, об отсутствии взаимоотношений между ними.

Ряд критиков, которые в прошлом с вниманием и пониманием следили за развитием сатиры, ныне исследуют иные, менее «взрывоопасные» жанры и уже так давно не писали о сатире, что, мне кажется, утеряны эстетические критерии, с которыми надо подходить к произведениям этого жанра.

В печати публикуются сатирические и юмористические рассказы, повести и даже романы. Выходят книги — очень смешные и совсем не смешные, острые и «тупые». О них не пишут, их не хвалят и не ругают.

В Постановлении ЦК КПСС о критике отмечается, что многие книги, спектакли и фильмы вообще остаются вне поля зрения критики. Это можно сказать целиком и о сатире.

Но если рецензии время от времени появляются, очень редко, то критических статей, обобщающих сатирический процесс, нет совершенно.

Сатирики и юмористы, особенно молодые, нуждаются и в критике, и в добром совете, и в подсказке, ибо дело, которым они занимаются, не есть их личное дело. Это общее партийное дело, дело нашей литературы.

У нас выходит множество библиотек: библиотеки фантастики и приключений, исторического романа, сибирского романа, российского романа, кубанской прозы. А библиотеки сатиры нет. За 50 лет в этом жанре создано много ценного, нужного, интересного, полезного. Зачем же от всего этого отказываться?

## Юрий СУРОВЦЕВ

Стала общепринятой формула, согласно которой наша литература есть не «арифметическая» сумма отдельных национальных литератур, а единый, творчески целостный (и одновременно творчески многообразный) «организм».

В последние годы вновь и вновь подтверждается важное положение Программы партии о том, что наша культурная сокровищница постоянно обогащается национальными произведениями общесоюзного, я подчеркиваю, общесоюзного значения и популярности. С большим интересом следит **всесоюзный** читатель за опытом современной русской повести, литовского романа, за обновлением общего облика эстонской или узбекской прозы, за совсем молодой романтикой народов Севера и Дальнего Востока...

Да, интернациональность нашей литературы — не только идеологическое понятие, но реальность, несущая эстетический смысл, художественность, и потому в ней есть нечто такое, что и требует реального, эстетического анализа.

Никак не преуменьшая сдвигов, свидетельствующих о том, что критика расширяет свой интернациональный горизонт, нам надо признать: и по масштабам, и глубине освоения ею именно всесоюзного художественного опыта, и по **оперативности** нашего знакомства с тем новым, что появляется в литературе повсеместно, она отстает от интернациональных процессов в самой литературе.

В связи с этим возникает такая мысль: не пришла ли пора подумать о создании специального института советской многонациональной — подчеркиваю это — литературы.

Огромна, без преувеличения огромна роль печати — и существующей, и будущего журнала критики и библиографии, о котором мы с благодарной радостью узнали. В практическом и более активном участии критиков в деятельности газет и журналов может сформироваться тот тип критика широкого интернационального кругозора, о котором мы ведем речь.

## Александр МИХАЙЛОВ

Постановление ЦК КПСС «О литературную художественной критике» — это воодушевляющий документ. Воодушевляет то высокое доверие, которое оказывает ЦК КПСС литературной критике, придавая ей большое идейно-воспитательное и эстетическое значение в общем процессе художественного развития.

Мне хотелось бы высказать некоторые соображения о современном поэтическом развитии и о критике, занимающейся проблемами этого развития, о критике поэзии. О поэзии пишут многие, я с интересом читаю работы В. Перцова, В. Дементьева, В. Огнева, Б. Сарнова, А. Эльяшевича, И. Гринберга, Д. Молдавского, А. Туркова, — к сожалению, редко стал выступать такой тонкий ценитель стиха, как С. Наровчатов. Из более молодых, пишущих о поэзии, чем-то привлекают А. Урбан, Ст. Рассадин, В. Гусев, Л. Лавлинский, Г. Красухин, А. Марченко, В. Гейдеко, И. Ростовцева. Я не называю всех, дело не в «списочном» составе.

Но, мне кажется, все мы, критики, находя в общем верные объяснения сегодняшнему «успокоению» в поэзии, сами успокоились на этом, не оказывая стимулирующего влияния на процесс ее социального наполнения.

Возвратное движение к традиционности действительно имеет свои причины, свое объяснение, но этот крен в сторону традиций, в прошлое, если его не выправить, грозит опрокинуть пароход современности. Будем надеяться, что этого не произойдет, но, право же, наша поэзия стала, в последнее время довольно монотонной.

Конечно, хорошо, когда у нас в поэзии есть В. Соколов, А. Жигулин, В. Казанцев, В. Сидоров, когда есть стихи безвременно ушедшего из жизни покойного Н. Рубцова. Но хорошо ли, когда десятки, а возможно, и сотни стихотворцев менее органично, а иногда и чисто эпигонски следуют традиционной манере? Хорошо ли, когда они ведут одну и ту же мелодию, поют в унисон, являя собою некую одноголосую капеллу?

В последние годы мы много дискутировали о гражданственности поэтического творчества, но, видимо, дискуссии эти носили отвлеченный характер, если они не оказали существенного влияния на поэзию.

В современной поэзии звучат сильные гражданские мотивы, но я намеренно сосредоточил внимание на недостатках, чтобы привлечь к ним внимание критиков и поэтов. Поэты тоже задумываются об этом, начинают искать более тесное сближение с современностью.

## Камиль ЯШЕН

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» определяет пути развития литературно-художественной критики.

В последнее время у нас наметилась плодотворная тенденция к более глубокому и конкретному исследованию творчества отдельных, наиболее известных узбекских писателей, изучению общих закономерностей современного литературного процесса. Особо хотелось бы выделить статьи, посвященные проблемам интернационализма в советской литературе, написанные Шарафом Рашидовым. Большим событием в культурной жизни Узбекистана явилось издание «Истории узбекской советской литературы», сборников статей «Полвека узбекской литературы», «Очерков истории каракалпакской советской литературы».

В период подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина «Литературная газета» и журнал «Дружба народов» провели в Ташкенте «круглый стол» по актуальным проблемам развития многонациональной литературы социалистического реализма. В работе этих представительных совещаний участвовали видные критики и литературоведы Москвы, братских республик. Такие совещания приносят огромную пользу, и, как нам кажется, их следует проводить систематически.

Узбекский народ имеет тысячелетние традиции литературы и культуры. Но до революции у нас не было станковой живописи, симфонической музыки, оперного, балетного искусства. Перед Октябрем у нас только зарождалась и проза в ее современных жанровых формах.

Интернациональные виды и жанры искусства когда-то, в начале нашей советской истории, бывшие для нас новыми, теперь стали узбекскими традиционными. Накоплен большой опыт, который позволяет нашим критикам, ученым, литературоведам создать глубокие научные труды о советских традициях искусства и литературы Узбекистана. К сожалению, таких книг написано пока еще очень мало.

Не все обстоит благополучно у нас и в изучении культурного наследия прошлого. Нередко еще мы сталкиваемся с фактами некритического отношения к нему. Так, например, была издана книга «Живые строки», где в панегирических тонах характеризовались многие поэты, чье творчество вовсе не заслуживает высокой оценки и внимания современного читателя.

Наследие прошлого — не мертвый балласт. Оно активно помогает сегодня бороться за утверждение демократических, гуманистических идеалов. Наши враги пытаются дискредитировать лучшее, самое прогрессивное, что было в нашей литературе, вытянуть на поверхность все косное, реакционное, что безнадежно устарело и отмерло.

В условиях острой и ожесточенной идеологической борьбы, охватившей современный мир, на нас ложится большая и ответственная задача: опираясь на ленинское учение, вскрывать и разоблачать реакционную, антинародную сущность буржуазного литературоведения, не брезгующего никакими средствами ради того, чтобы оболгать и очернить мир социализма и его культуру.

## Рачия ОВАНЕСЯН

В последние годы в центральной и республиканской печати, в творческих секциях и в повседневных литературных разговорах критика стала занимать сравнительно больше места и привлекать больше внимания.

На страницах журнала «Вопросы литературы» развернулась дискуссия. Критики и писатели дискутировали о сущности и определении критики. Что такое критика — наука, литературный жанр или одна из форм общественного сознания? Кому нужна критика? Нужна ли она вообще? Отдельные писатели пессимистически заявляли, что критика иссякла и осталась вне процесса развития литературы. Спорили также о том (особенно в Армении), кто должен критиковать: профессиональные критики или создатели художественных произведений — писатели? Пока в печати и на собраниях шли споры по этим вопросам, живой литературный процесс оставался вне поля зрения критиков или же получал поверхностное отражение в рецензиях.

Такое положение привело к тому, что сами критики начали бить тревогу. В журнале «Дружба народов» и у нас в Армении появилась статья Сурена Агабабяна под выразительным названием «Критика в отступлении». Несмотря на отдельные спорные положения, она отрезвляюще подействовала на литераторов. Сурен Агабабян верно заметил, что критике недостает принципиальности, страстности и размаха, что оскудел ее арсенал, сузилась сфера критики, ослабла ее боевитость, и, следовательно, ее воздействие на современный литературный процесс стало незначительным.

Говоря о необходимости критики, не следует забывать о том, что нужно и критику критиковать. Она может плодотворно развиваться лишь в атмосфере творческих споров, рождающих истину, в условиях, когда торжествует доказательность, а не безапелляционность.

Постановление ЦК КПСС — новый стимул дальнейшего развития национальной по форме, социалистической по содержанию, правдивой и великой советской литературы.

## Евгения КНИПОВИЧ

Сейчас карта мирового литературного процесса безмерно усложнилась. Нам, всему отряду советских критиков, надо не только понять теоретически, но и воплощать практически, в повседневной работе широту кругозора, ощущение взаимосвязи явлений культуры, решающего влияния на них жизни нашей страны и народа и всей сложной жизни нашей планеты.

Пока что эту широту кругозора я в последние годы чаще вижу в работах литературоведов В. Днепрова, Б. Сучкова, М. Храпченко и многих других. Оглядываясь в недалекое прошлое, я хочу особо помянуть Н. Анисимова и Б. Рюрикова.

Без широты кругозора невозможны ни действительно эффективная работа над эстетикой социалистического реализма, ни действительно эффективная борьба со всеми видами буржуазной идеологии, ни серьезное участие в международных дискуссиях.

Надо сказать, что ныне карта ухищрений ревизионистской и левацко-буржуазной идеологии столь пестра, изменчива и сложна, что для борьбы с нею нужно особенно четко искать основные линии, общую формулу, дающую ключ и к теоретическим работам, и к произведениям художественной литературы.

Сейчас явственно виден разброд в лагере ультралевой молодежи и более старших, которые так или иначе пытались если не возглавить молодежь, то хоть к ней примкнуть. И каковы бы ни были субъективные намерения и убеждения тех, кто находится в этом лагере, объективно их блуждания и перехлесты облегчают ту мимикрию «критицизма», «широты» взглядов, «объективности», с какой сейчас стремятся объяснять мир буржуазная наука и искусство, твердо стоящие, по существу, на буржуазных позициях.

Бескомпромиссно отвергая и разоблачая любые попытки буржуазной по духу литературы выдать себя за литературу массовую, народную, — мы в то же время должны с участием и вниманием относиться ко всему передовому, прогрессивному.

Я думаю, что таланты, и иногда огромные, которые рождает сейчас и земля борющейся Африки, и Латинская Америка, и страны Юго-Восточной Азии, пусть творят они в форме иногда трудной и спорной, пусть не всегда с точными ответами на основные вопросы истории, — все же таланты глубоко народные и не случайно поэтому получают отклики в сердцах наших читателей.

Книги блудных сыновей в странах капитализма, книги горькие, трагические, полные социальной критики, тоже вызывают и у нас уважение и признание.

Книги, которые в странах капитализма прямо говорят о рабочем классе, о подлинных революционных силах современности, — о них мы должны говорить читателю, больше и больше обращать на них наше критическое внимание.

И, наконец, творчество художников братских социалистических стран дает образцы сильных и смелых произведений социалистического реализма.

## Масуд МУЛЛОДЖАНОВ

У меня сложилось впечатление, что, ломая критические копья вокруг всяческих широко- и узкотеоретических проблем, мы нередко забываем о том, к кому обращена наша литературная критика. Если иной писатель еще и поймет что-то в наших нередко заумных хитросплетениях, то каково бедному читателю? Поможет ли подобная «полемика» разобраться ему, о чем идет речь в литературном произведении?

Если посчитать, сколько книг, скажем, из вышедших только в минувшем году рассматривают произведения литературы в их диалектической связи с жизнью, а сколько — в связи, так сказать, с литературоведческими проблемами, ей-богу, соотношение получится не в пользу живой литературной критики.

Как тут не вспомнить Маяковского: «Где вы, бойкие задиры?». А бойкие задиры исследуют формы касыды у третьестепенных поэтов XVII столетия и всячески открещиваются, когда им предлагают написать о своих же сверстниках — молодых писателях.

Я вовсе не хочу сказать, что таджикская литературная критика в загоне. Напротив, она за последние годы выросла и возмужала. Книги М. Шукурова, Р. Ходи-заде, С. Табарова, А. Сайфуллаева и, наконец, коллективный труд наших ученых «Очерки истории таджикской советской литературы» свидетельствуют об этом.

Достойно поддержки стремление многих критиков и литературоведов глубоко изучить проблемы национального и интернационального в советской литературе и искусстве. Я имею в виду книгу, выпущенную недавно ИМЛИ, «Национальное и интернациональное в советской литературе». В статьях этого сборника глубоко раскрывается роль литературы и искусства в расцвете социалистических наций, их постепенном сближении. Подобные работы помогают партии воспитывать всех трудящихся в духе социалистического интернационализма, непримиримости к проявлениям национальной ограниченности в какой бы то ни было форме, в духе глубокого уважения ко всем нациям и народностям.

## Феликс КУЗНЕЦОВ

В Постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» я хотел бы выделить, помимо идеологического, эстетического, еще и нравственный аспект. Партия требует от нас принципиальности и высокой требовательности к литературе, непримиримости к идейному и художественному браку, преодоления групповых и приятельских пристрастий.

Партия — это очевидно всем нам — стремится создать, создает максимально благоприятствующие условия для развития талантов, для успешного творчества. И тем не менее литература наша при очевидных ее успехах — в большом долгу перед читателем. В чем тут причина? Ответить на этот вопрос — важная обязанность критики. Тут много разнородных причин. Остановлюсь сейчас лишь на некоторых из них.

Мы все едины во мнении, что поток серости и посредственности, выпускаемый некоторыми нашими издательствами, далеко перешагнул границы допустимого. Мы без конца обличаем серость и посредственность. Не пора ли от слов перейти к делу?..

Наиболее результативный путь для этого — гласность. Мы все сходимся во мнении, что критико-библиографические отделы многих газет и журналов заполнены комплиментарной критикой. Давайте продумаем и выработаем коллективно — критики, Союз писателей в целом и органы прессы — конкретную систему практических мер, чтобы это положение дел наконец коренным образом изменилось.

Еще один того же ряда вопрос: о «некритикабельных» писателях. Не пришла ли пора — в интересах литературы и в первую очередь самих этих писателей — с партийной принципиальностью разобраться, как и почему возникает этот фантом «некритикабельности»? И выработать, опять-таки практическую, систему гарантий от этого явления в нашей литературной жизни, взять под контроль систему взаимоотношений критики, редакций и критикуемых авторов, с тем чтобы обеспечить объективность позиций аналитической критики.

● ОКОНЧАНИЕ НА 8-А СТР.

*В ПЕРЕРЫВАХ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ.*

*На снимках* (слева направо): *Федор АБРАМОВ, Владимир ОРЛОВ.*

●

*Миколас СЛУЦКИС, Иван ШАМЯКИН*

●

*Ираклий АНДРОНИКОВ, Давид КУГУЛЬТИНОВ*

Фото Л. НИСНЕВИЧА

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 4—5-Й СТР.

## Лев ЯКИМЕНКО

Мы на этом пленуме в полный голос говорим о достоинстве критики, о ее роли и назначении. Постановление Центрального Комитета партии, кроме всего прочего, способствует утверждению общественного авторитета критики. Этот авторитет создается и органами печати, и творческими союзами, и самими критиками...

Мы много говорим о тех критических боях, которые происходили за последние годы. Возьмите споры о народности нашей литературы, о славянофилах, о духовности и бездуховности. По всем этим вопросам необходимо было высказываться отчетливо, ясно, с подлинно партийных позиций, и критика многое здесь сумела сделать.

Часто, однако, бывало и так, что в сложных идеологических боях некоторые органы печати, в том числе и органы Союза писателей, вели себя наподобие того генерала, который блистал на светских раутах, но когда известного полководца Ермолова спросили, как этот генерал ведет себя в бою, Ермолов ответил одним словом: «Застенчиво!».

Я поддерживаю оценку докладчиком «Литературной газеты», хотя это не значит, что у нее нет недостатков.

Были очень сложные споры о народности нашего искусства, о духовности и бездуховности, о творческом методе советской литературы. Газета заняла боевую, принципиальную позицию и последовательно осуществляла свою роль и свое назначение.

Наши общеполитические газеты и журналы («Правда», «Коммунист», «Комсомольская правда») последовательно выступали по острым вопросам, давали глубокую оценку ряду сложных явлений современной действительности и литературы.

Некоторые современные авторы недоучитывают положительный опыт, который накопила наша литература 60-х годов. Часто рассматриваются негативные явления и меньше анализируются сложные процессы, которые происходят в нашей литературе. Критики должны извлечь социальный опыт из того нравственного опыта, который дает развитие нашей литературы.

Мы должны больше думать об источниках того, что мы часто называем неверными взглядами. Мы должны ответить на вопрос, почему наша литература все чаще, все настойчивее размышляет над сущностью духовного и почему, например, во многих статьях духовное связывают с обрядами и стариной...

Нам думается, необходим институт советской литературы при Союзе писателей, институт, который прежде всего занимался бы обобщением опыта многонациональной советской литературы, действительно самой передовой в мире.

## Тендик АСКАРОВ

Почти каждый год в Киргизии появляются сборники статей, монографические исследования, посвященные злободневным вопросам литературной жизни республики. В центре внимания наших авторов — проблемы литературы и эстетики, проблема национального и интернационального, своеобразие формирования метода социалистического реализма в киргизской литературе, природы образного мышления и т. п.

Вместе с тем успехи киргизской литературной критики, если можно так выразиться, пока что односторонни. Есть мозаика фактов, но нет целостной картины: литературного движения, запечатленной в критике. Есть отдельные выступления, но нет концепций, развернутых обобщений, теоретически обосновывающих многообразие связей творческой индивидуальности писателя с опытом всей литературы.

Словом, есть все предпосылки для перехода количества в качество, для достижения качественных образований в сфере теории. Процесс этот, однако, приобретает уже несколько затяжной характер, что не может не сказаться на эффективности, действенности критического слова.

Но существует ряд объективных причин, в силу которых киргизская литературная критика еще не может совершить такой качественный скачок.

Прежде всего — это дилетантизм в самом широком смысле слова, приблизительность и поверхностность знания предмета. Дилетантизм проявляется по-разному. Наиболее характерный его пример — калькирование, механическое перенесение на факты киргизской литературы теоретических положений и явлений, закономерностей других литератур.

Другая сторона проявления дилетантизма в критике — графоманство. К сожалению, графоман водится и в критике, и притом не так уж редко. Он не обязательно плодовитый автор, но он обязательно педант, схоласт, не умеющий видеть за отдельным целое, за единичным — общее. Нам у себя приходится вести борьбу и с подобного рода явлениями.

В существовании подобного дилетантизма повинна и слабая методологическая оснащенность некоторых авторов. Приблизительность, поверхностность критических суждений ведет к дезориентации читателя.

К данной проблеме тесно примыкает вопрос об авторитете литературной критики.

## Сергей АЛЕКСЕЕВ

С великим сожалением и грустью должен сказать, что критика, занимающаяся вопросами исследования детской литературы, разве что после критики, исследующей советскую сатиру, является самым отстающим участком нашего общего критико-литературного фронта. И если говорить о главнейших ее недостатках, то здесь на первое место я поставил бы недостаточную теоретическую вооруженность детской критики.

Нет ни сколько-нибудь налаженной научной работы, нет, следовательно, и традиций. А отсюда сплошь и рядом кустарщина и доморощенность в критике, так сказать, «клубная литературно - критическая самодеятельность». Стоит ли говорить, что это, в свою очередь, грозит опасностью субъективизма случайных оценок.

Даже в таком вопросе — «Что же такое детская литература?», в чем ее природа и назначение, до сих пор существуют путаница и теоретическая разноголосица.

Назову лишь некоторые из тенденций и недостатков в развитии современной детской литературы, на которые следовало бы обратить общее внимание.

В области поэзии — инфантилизм, созерцательность, погоня за звонкостью стиха в ущерб содержанию. Улови критика эту тенденцию вовремя, мы, видимо, имели бы сейчас детскую поэзию, куда более свойственную нашей эпохе — эпохе борьбы и труда, поэзию более энергичную, более мускулистую...

Далее. То немногое, что создается в детской литературе на так называемую трудовую тему,—это зачастую произведения, лишенные той огненной силы настоящего таланта, высокой одухотворенности и страсти, без которых нельзя по-настоящему воспламенить детскую душу.

Наконец, я должен просто присоединиться к многим уже выступавшим с этой трибуны критикам. Имею в виду тот зачастую бесконечный поток явно захваливающих статей и рецензий на детские книжки. «Подарок детям», «Новый подарок детям», «Чудесный подарок детям» — как бы соревнуются между собой рецензенты. Не всегда здесь бывает безгрешен и наш журнал «Детская литература».

Серость имеет тенденцию к повышенному размножению. Она житейски цепка, устойчива, как каждый сорняк. В то же время читатель, особенно маленький, еще недостаточно стоек, у него еще слаб иммунитет против антихудожественности. На пути между ребенком и литературной серостью должен быть поставлен боевой критический заслон...

## Семен МАШИНСКИЙ

Состояние нашей современной критики нельзя определить односложно, одним знаком — плюс или минус. Кажется, все теперь согласны с тем, что уровень ее — идейный, научный, эстетический — за последние годы сильно вырос.

Все больше стало появляться статей и книг, в которых проблемы литературы современной и прошлой исследуются глубоко, во всеоружии марксистско-ленинской теории и с той мерой эстетической чуткости, которая позволяет понять художественное явление во всей его сокровенной сущности. Все больше стало появляться статей и книг, в которых ощущаются личность автора, индивидуальность его эстетического восприятия.

Но в Постановлении ЦК партии недаром сказано о недостаточной философской насыщенности нашей критики.

И еще один важный вопрос. Критика наша недостаточно использует опыт, накопленный нашим литературоведением в изучении классического наследия.

Время вносит существенные коррективы в оценки многих литературных явлений прежних лет. Сегодня мы во многом по-новому оцениваем иные явления нашей литературы и 20-х и 30-х годов. Отсюда важен один методологический вывод для нашей критики: осмысливая современное литературное явление, надо попытаться взглянуть на него с позиций не только нынешнего дня, но и дня завтрашнего.

Когда этим пренебрегают, оценки критики могут оказаться чрезвычайно зыбкими и нестойкими, а назавтра они оборачиваются промахом.

Сейчас для критики и литературоведения наступило время синтеза, время глубокого концептуального осмысления современного литературного процесса.

В последние годы мы научились довольно хорошо делать коллективные сборники или многотомные коллективные труды. Этим мы делаем полезное дело. Но, кроме того, необходимы небольшие по объему книги, написанные одним человеком, на одном дыхании, пронизанные единой концепцией.

## Валентина ИВАШЕВА

У нас немало делается для укрепления плодотворных контактов с писателями и критиками социалистических стран. Но нам многое еще предстоит сделать для развития связей с прогрессивными писателями капиталистического мира, представителями и социалистического, и критического реализма, теми писателями, которые либо являются нашими верными друзьями, либо могли бы ими стать, писателями, которые живут в сложнейшей обстановке дезинформации, а подчас травли.

Всегда ли мы, критики-зарубежники, об этом помним, когда пишем свои статьи о писателях зарубежного мира и когда рекомендуем ту или другую книгу к переводу? Важно не только то, что мы пишем, но и как мы пишем. Важно, что мы печатаем и что не печатаем. Важно, в какой мере пристально мы следим за литературным процессом не только у нас, но и за рубежами нашей многонациональной Родины и как мы помогаем нашим друзьям-единомышленникам, а порою, я смею это сказать, помогаем формировать сознание наших друзей-единомышленников.

Своей первой задачей сегодня — и она, конечно, теснейшим образом связана с тем вопросом, который я подняла выше, — мы считаем необходимым добиться такого авторитета у издательств, чтобы наш голос, а не голос переводчиков, который подчас случаен, имел решающее значение и при отборе художественных произведений тем или другим издательством к переводу. Мы должны все силы отдать, чтобы помочь редколлегии создаваемого литературно-критического и библиографического журнала поставить на самую большую высоту его иностранный отдел.

В нашем творческом объединении критиков-зарубежников родилась мысль просить издательства организовать и издать серию писательских очерков о лучших современных писателях разных стран.

Нам придется серьезно подумать и над тем, имеем ли мы право проходить мимо научно-педагогической продукции, явно не отвечающей требованиям сегодняшнего дня. Ведь учебники — дело не только кафедр вузов, учебники — дело литературно-критической, писательской общественности.

## Виталий КОРОТИЧ

В докладе хорошо сказано о необходимости осмыслить опыт, накопленный литературами народов СССР, о том, насколько важен и принципиален этот опыт.

Горизонты всесоюзной критики должны расширяться, должны расширяться горизонты критики и в республиках за счет глубокого анализа всех национальных литератур. Провинциализм губителен для критики, даже если это столичный провинциализм — назовем как угодно, — вред один.

Есть и такая трудность. Когда мне надо было прочесть таджикские тексты, переводчика я не нашел в Киеве. Не найти и людей, знающих эстонский язык, азербайджанский, киргизский... Переводчиков с этих языков у нас на Украине очень немного, единицы. Между тем в украинских учебных заведениях нет возможности изучить языки братских народов нашей страны.

Литературная критика должна делать больше, даруя нам и укрепляя в нас святое «чувство семьи единой». Многое, очень многое делает русский язык, ставший в СССР средством межнационального общения. Но может ли, скажем, журнал «Дружба народов» опубликовать все то значительное, что появляется в республиках? Другие журналы на русском языке далеко не всегда последовательны в публикации переводов и в попытках осмыслить опыт наших литератур именно на всесоюзном фоне.

Необходимо сделать традиционными региональные совещания критиков, успешно и интересно проходящие сейчас. Интернациональная информированность, интернациональная тема в критике являются важным условием установления верных критериев для оценки произведений. Критерии от этого станут еще выше.

Не так много и не всегда глубоко пишет наша критика о таком интересном явлении, как книга писателя одной национальности о главнейших событиях в жизни другого братского народа. А ведь не зря так чтут в Средней Азии Соловьева и Бородина, книги Антоновской в Грузии — да только ли эти книги прошлы? Сколько стихов, пьес, путевых очерков легло навечно в стены крепости нашей дружбы!

Интернациональный взгляд, интернациональная тема должны стать в советской критике одними из главных, — и да помнится нам всегда, что слово «союз» дважды повторено в имени организации нашей — Союза писателей Союза ССР!

## Ануар АЛИМЖАНОВ

Бывает, что среди произведений, пользующихся огромным спросом у людей, есть такие, которые обойдены вниманием нашей критики, даже не удостоены элементарного внимания рецензентов; среди же пошедших в макулатуру нередко бывают и такие, которые оказались в свое время в поле зрения нашей общественности, наших литературоведов и критиков.

Возможно, в этом кроются иные сложности, о которых мы ведем сегодня здесь речь,— сложности тех проблем, которые стоят перед нашей литературно-художественной критикой.

Мы знаем, на XXIV съезде КПСС в докладе съезду Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и в выступлениях партийных и государственных деятелей, представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции уделялось немало внимания состоянию нашей многонациональной советской литературы, нашей литературно - художественной мысли.

Сегодня с этой трибуны я не могу утверждать, что литературная критика у нас в республике стоит на уровне развития казахской литературы, хотя, конечно, я не могу утверждать и того, что она находится в застое, не развивается вовсе. У нас много критиков, и в их работах, начиная с ветерана, одного из старейших наших критиков М. Каратаева и кончая молодым, талантливым, но уже в полный голос заявившим о себе М. Ауэзовым, чувствуется стремление к принципиальному анализу произведений, к трезвому, объективному взгляду на процессы, происходящие нынче в литературе.

...Нередко в наших республиканских творческих союзах бывают «тихие», мирные дни, но иногда наступают «бурные» времена. Такую «бурю» вызвала опубликованная недавно в журнале «Вопросы литературы» (№ 9, 1971) статья Аллы Марченко о некоторых тенденциях в развитии казахского романа.

Не оспаривая теоретических посылок автора этой статьи, я хотел сказать лишь одно: нельзя рубить дерево для того, чтобы сказать, какая красивая была одна ветка на этом дереве; нельзя забывать обо всей литературе для того, чтобы доказать — вот, наконец, появился один «свободный, чистый» роман...

## Аркадий ЭЛЬЯШЕВИЧ

Мне кажется, что критик похож на того сказочного героя, которому нужно разгадать три традиционные загадки. Это, как известно, дело не простое и требует большой мудрости.

Какие это загадки? А вот какие. Когда ты берешь в руки книгу, перед тобою возникают три вопроса: книга и реальная жизнь, которую эта книга отражает; книга и писатель, место книги в творческой биографии писателя; и, наконец, книга и литературный процесс, место произведения в огромном книжном потоке современности.

Как известно, мы не всегда успешно справляемся с первой важнейшей из этих, условно говоря, загадок. Но еще реже нам удается дойти до третьей из них, не менее трудной, чем первые.

А между тем в Постановлении ЦК говорится, что «долг критики глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса...»

Трудно вспомнить такие работы, где бы говорилось о том, как наша литература развивалась, например за прошедшее десятилетие, о ее важнейших тенденциях, сдвигах, открытиях, течениях, общих достижениях, характерных недостатках.

А между тем ведь накопился огромный материал, и, не осмыслив его, мы не можем идти дальше, не можем верно ориентировать и писателей, и читателей.

Сравнительно недавно мне пришлось работать с молодыми критиками на семинаре в Комарове, впервые удалось встретиться с большим отрядом молодых, талантливых людей, и я понял, что у нас есть смена. Было приятно передавать им свой опыт, но, честно говоря, было чему поучиться и у них. К сожалению, среди этих молодых критиков ленинградцев было немного.

И тут с огорчением вынужден сказать, что молодая критическая смена в Ленинграде немногочисленна. Мне кажется, что одна из причин состоит в том, что у нас маломощны издательские площадки. Так, отделение издательства «Советский писатель» в Ленинграде выпускает лишь 3 критические книги в год. В издательстве «Художественная литература» — то же самое. Следует откорректировать планы наших издательств, увеличить возможность издания литературно - критических работ.

## Симион ЧИБОТАРУ

Одно из главных достоинств молдавской критики последнего времени — очевидное расширение ее диапазона, повышение теоретического уровня, укрепление связи между критикой и литературоведением, выраженный аналитический дух и стремление к синтезу.

Вместе с тем в молдавской критике последних лет наблюдались и некоторые нездоровые тенденции, выразившиеся в отходе от четких идейно-эстетических и социальных критериев при рассмотрении конкретных явлений современного литературного процесса. Особенно проявились они в ряде критических статей, посвященных вопросам поэзии, опубликованных, в частности, на страницах еженедельника «Культура».

В докладе на настоящем пленуме, в ряде выступлений на страницах печати подверглось справедливой критике стремление некоторых литераторов связать «бездуховное» с современностью, а духовное — с «исконным», патриархальным.

Подобные тенденции проявились и в нашей молдавской литературе, а наша литературная критика не всегда реагировала на такие явления с четких идейно-эстетических позиций.

Спорным представляется также односторонний взгляд иных критиков на произведения, в которых изображаются национальные особенности нашего народа. Не всегда мы достаточно объективны в оценке художественных произведений: одним росчерком пера готовы зачеркнуть целое поколение писателей, а о других литераторах годами ничего не говорим...

Очень плохо поставлено дело и с рецензированием переводной литературы. Такие книги обычно остаются без откликов в печати.

Следует подумать о разнообразии форм сотрудничества критиков из союзных республик в изучении художественного опыта многонациональной советской литературы. Может быть, стоило бы наиболее интересные статьи критиков союзных республик систематически издавать отдельными книгами на русском языке по примеру ежегодного сборника «Литература и современность».

## Дмитрий БУГАЕВ

У нас, в Белоруссии, критика не может пожаловаться на отсутствие общественного внимания. Об этом красноречиво свидетельствует и дискуссия на страницах нашей писательской газеты «Літаратура і мастацтва», и статьи в журналах «Полымя» и «Маладосць».

Будем надеяться, что обсуждение сложных проблем критики продолжится и после нашего республиканского пленума, который соберется в феврале. У нас еще много нерешенных и теоретических, и практических проблем. Взять хотя бы право критика на избирательность литературных интересов, на оригинальность и в особенности на определенную субъективность суждений и выводов.

Разумеется, я не собираюсь защищать критический произвол, от которого не однажды весьма чувствительно страдала наша литература. Строгие научные критерии, конечно же, нужны и критике, ибо она не может руководствоваться ни конъюнктурными соображениями, ни групповыми или какими-либо другими узколичными пристрастиями. Но должен же критик быть личностью, обладающей оригинальностью мышления, иначе что, кроме банальных прописных истин, скажет он своему читателю?

Хочу сказать также о заметных в последнее время попытках в той или иной форме противопоставить эстетический и социологический анализ художественной литературы, тогда как речь должна идти о социальной точности эстетического анализа, потому что чисто внешнее применение социологических понятий к анализу художественного произведения ведет к тому, что оно начинает оцениваться только по теме, поверхностно понятому содержанию, за которое выдается не практически осуществленная эстетическая реальность, а только добрые намерения автора. В результате уравниваются произведения, действительно художественные, и произведения посредственные.

Не могу не поделиться большой радостью по поводу того, что у нас открывается новое издательство «Мастацкая литература». Оно очень существенно расширит наши возможности по изданию художественной литературы и критики.

## Григорий БРОВМАН

Думаю, что литературная критика делает историю современной литературы. К сожалению, она не имеет своей истории. Нужно уже задуматься о создании и истории советской литературной критики. Она не остановилась на творчестве А. В. Луначарского, замечательного нашего советского критика. Эта история продолжается, и разные критики по-разному делают свой вклад в литературу, вклад положительный. Можно спорить с некоторыми критиками минувшего времени и сегодняшнего дня, но историю писать надо.

Возьмите последние наши годы. Они полны острыми дискуссиями и спорами.

В ноябре 1968 года «Литературная Россия» напечатала статью Ю. Суровцева, который первым обратил внимание на неправильные тенденции журнала «Молодая гвардия». П. Строков поддержал его в «Октябре», потом целый ряд товарищей выступил на страницах печати и на собраниях в Московской писательской организации.

Это не единственный пример боевых выступлений советских критиков.

Здесь говорили о журнале «Октябрь». Мы часто критикуем его, и здесь прозвучала, в общем, справедливая критика. Но надо по-хозяйски относиться ко всем нашим журналам, в том числе и к «Октябрю», и видеть то хорошее, что делается в нем, например статью Б. Соловьева к годовщине ленинской работы о «Вехах».

Критик должен быть самостоятельным, это его позиция, это выражение его мыслей, взглядов и чувств.

У нас в свое время была отличная традиция, когда мы, российские критики, два раза в год собирались под эгидой Союза писателей РСФСР и подводили итоги литературного полугодия и года. Это был всегда интересный, нужный разговор критиков о литературе. Почему это кончилось?

## Рафаэль МУСТАФИН

Я хотел бы привлечь внимание к одной специфической области литературной критики — к внутреннему, издательскому рецензированию.

Это фактически анонимная критика, которая никому не известна, и общественность о ней судить не может.

Теоретический уровень внутренних рецензий крайне низок.

Еще один небольшой вопрос организационного характера.

Здесь много и справедливо говорилось о том, что критик обязан знать жизнь. Это аксиома. Но критик обязан знать жизнь не вообще, а в той конкретной области, которая необходима ему в связи с рецензируемой им книгой.

Вот конкретный пример. В Татарии вышел роман А. Баянова «Огонь и вода» — о новом большом строительстве Камского автозавода. Я прочитал роман и понял, что не могу высказать компетентное мнение, не зная этой стройки. Мне нужно съездить туда. Я обращаюсь в журнал с просьбой командировать меня на эту стройку и получаю командировку.

Я хочу этим опытом здесь поделиться потому, что знаю: в журналах командировочные средства ограничены, и для того чтобы написать рецензию, не всегда вам могут дать командировку. Этот вопрос также рассматривался на одном из заседаний правления Союза писателей Татарии, и было решено: выделить в распоряжение журнала 25 проц. тех средств, которыми располагает Литфонд Татарии, для творческих командировок.

По-моему, этот опыт также заслуживает широкого распространения.

## Сейфулла АСАДУЛЛАЕВ

История советской литературы у нас написана, написаны истории отдельных национальных культур. Но история формирования, —этапы развития социалистического реализма — еще не написана ни в русской, ни в других советских национальных литературах. Этот вопрос органически связан с проблемой богатства художественных форм социалистического реализма, многообразия его стилевых течений и направлений. Пришло время типологического изучения социалистического реализма.

Проведенное недавно в Союзе писателей Азербайджана совещание на тему «Партийность и художественность современной азербайджанской поэзии» показало, что проблемы эти у нас далеко еще не изучены, не раскрыты конкретные формы и специфические особенности выражения принципа партийности в поэзии, не исследованы в своей диалектической взаимосвязи эстетические категории — партийность и художественность, реализм и народность художественного творчества и т. д.

По вместо того, чтобы заняться конкретным изучением этих актуальных проблем теории и практики живого литературного процесса, некоторые наши товарищи зовут критику не к аналитичности, а к эмоциональности, выдавая эмоциональность за якобы национальную форму азербайджанской литературной критики и разрывая, таким образом, диалектическую связь между аналитичностью и эмоциональностью, между гносеологической и эстетической сторонами художественного творчества, отказывая критике в научности ее критериев.

В заключение своего выступления смею выразить нашу общую надежду, что новое Постановление ЦК партии ознаменует собой новый этап в развитии нашей критики, которая поднимется на такую высоту, что уже критики нашего поколения смогут начинать свою автобиографию словами: «Я — критик, этим и интересен, об этом и пишу...»

Александр БЕК

РАССКАЗ

# ДЕНЬ ОТДЫХА НАРКОМА

ЭТА ИСТОРИЯ ведет нас в квартиру наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, расположенную на втором этаже старинного, с узкими, на современный взгляд, окошками приземистого дома в кремлевском проулке близ Троицких ворот. Там, в этой квартире, как бы вытянутой, с коридорчиками, переходными площадками, ступеньками, в одно зимнее утро 1933 года произошел эпизод, который постараемся восстановить.

С некоторых пор Серго по выходным дням вставал поздно. Не столь давно он перенес операцию. Врачи настрого потребовали, чтобы он слушался календаря, соблюдал единожды в неделю полный отдых. Теперь в выходные дни он разрешал себе долго поспать или в полудреме поваляться, вставал к двенадцати, а то и к часу. Верный друг Зинаида Гавриловна, неговорливая, крепко сколоченная, тихо ходила по комнатам, ждала, пока Серго поднимется. Так было и на этот раз.

После кофе Серго зашагал в кабинете. На толстом с ограненными краями стекле, которым в просторе стола как бы означена собственно рабочая площадь, виднеется коричневатая папка, хранящая, как знает Серго, присланные утром ему на дом бумаги. В ней он, конечно, найдет и сводку о вчерашней работе предприятий тяжелой промышленности.

Удобно устроившись в глубоком кресле (не у прозрачной пластины, а по другую сторону), привалившись к спинке погрузневшим телом, Серго строка за строкой изучает сводку.

В Андриановке — к этому донецкому заводу, перестроенному заново, Серго испытывает особую привязанность, любовно, а подчас, впрочем, и гневаясь, называет его Магниткой Юга,— в Андриановке новые могучие домны лихорадит. Опять на одной вчера упала выплавка, суточный план сорван. Ну, Перселени-то сюда сегодня явится. И пусть держит ответ!

К обеду еще вчера позваны начальник Главзолота Серебровский с женой и приехавший в Москву директор Андриановки Перселени: по выходным в доме Орджоникидзе без гостей обедать не садятся.

Нынче придется разобрать и жалобу, касающуюся Перселени. Серго еще вчера прочел эти несколько стиснутых скрепкой бумажек, целое дело. Прочел и захватил домой, чтобы переговорить с Перселени. Вон торчат из-под блокнота. Трудный, черт побери, случай. Поневоле поскребешь затылок. Молодой инженер бежал с маленького завода в Андриановку. Теперь его требуют обратно. Директор рвет и мечет: вернуть живого или мертвого! И жалуется на Перселени, что тот укрыл бежавшего.

Привольно вытянув ноги, обутые в кавказские легкие чувяки, Серго дочитывает суточную сводку. Какая-то строчка ошарашивает его. Что за дьявольщина?! Да завод качественной стали «Красный металлург». Что там стряслось? Прокатные станы не выдали вчера ни одной тонны.

Серго вскакивает и, позабыв о запретах, перейдя по ту сторону стола, к рабочей кромке, склоняется на какие-то секунды к стеклу, под которым расстелены справочные телефонные листы, затем на диске одного из телефонов, выделенного вишневой окраской,— этот аппарат напрямую связывает наркома с крупнейшими стройками и заводами страны,— набирает номер, принадлежащий директору далекого волжского завода.

Право автора, опирающегося на материалы, на источники, позволяет воссоздать примерно такой разговор:

— Слушаю. Главный инженер у телефона.

— Здравствуйте,— произносит Серго. И называет себя.— Что там у вас произошло? Почему вчера ничего не выпустили?

— Дело в том, товарищ нарком, что прокат остановлен.

— Авария?

— Аварии не было, работа могла бы продолжаться, но, подчиняясь приказанию...

— Не тяните. Какому приказанию? Что такое?

— Прокатку, товарищ нарком, мы остановили по распоряжению товарища Потапова.

— Из-за чего же? Потапов у вас?

— Позавчера уехал. Здесь находится его заместитель. Позвать?

— Да говорите сами. Что случилось?

— Дело такое... В цехе, товарищ нарком, конечно, грязновато: мы постепенно бы его очистили. Но товарищ Потапов распорядился прекратить прокатку, пока в цехе все не заблестит. Сказал: пока не вылижете. И таким образом мы...

— Директор где?

— Он ушел домой под утро. А то все был на очистке.

— Когда пустите цех?

— Надеюсь, завтра. Может быть, соединить вас, товарищ нарком, с квартирой директора?

— Не надо. Передайте ему, что если завтра цех не будет пущен, то... То вот тогда с ним поговорю. До свидания.

Серго с досадой кладет трубку. В телефонном справочнике Наркомтяжпрома, карманного формата книжке, что тоже неотъемлемо входит в оснастку стола, он отыскивает нужную страницу и звонит на дом Потапову. Оттуда, однако, сообщают:

— Дома его нет.

— Где же он?

— У себя.

— Что значит «у себя»?

— На работе. В кабинете.

Серго снова сверяется со справочником, снова вертит диск.

— Потапов?

— Слушаю, товарищ Серго.

Серго не удивлен. Его характерное грузинское произношение обычно сразу узнается. Он спрашивает:

— Что же ты по выходным дням ездишь на работу? А когда же отдыхаешь?

— Тут и отдыхаю. Никого нет. Никто не лезет.

— Это намек?

— Товарищ Серго, вас всегда рад слышать.

— Ой, всегда ли? Что ты наделал с «Красным металлургом»?

— Остановил, чтобы выгребли грязь. Нарастала там годами. Слова не действуют. Пришлось ткнуть носом.

— Ну вот что.. Приезжай ко мне обедать.

— Спасибо. К какому часу?

— Если дела тебя не держат, то давай сразу ко мне. Тут потолкуем.

...Спустя несколько минут Серго из смежной комнаты вновь ступает в стены кабинета, одетый теперь на военный лад, к чему привык, пристрастился уже, пожалуй, с семнадцатого года. Опрятно отглажены китель и брюки, свеж глянец сапог. Как же иначе? Приглашаешь гостей — не оскорбляй их небрежностью одежды...

Ему не слышен задребезжавший в передней звонок. Но вот доносятся приближающиеся быстрые шаги. Стук в дверь. Легко, будто вовсе и не погрузневший, Серго взбрасывает себя, дает волю голосу:

— Входи, входи.

Скромно улыбающийся Потапов появляется в дверях, идет, здоровается. Ему, малорослому, узкоплечему, начальнику Управления качественных сталей, исполнилось только тридцать два года. Серго знает Потапова с давних лет — помнит его еще юношей, политработником Одиннадцатой армии, затем в Баку секретарем одного из райкомов партии. Девятнадцатилетний секретарь, славившийся и тогда строгостью, ходил кудлатым, носил косоворотку и вытертую кожанку. А ныне, с некоторых пор — после того, как он, уже окончивший курс металлургического факультета, провел два года в качестве практиканта-рабочего на сталеплавильных заводах Англии и Германии, — обрел сугубо европейский вид. Неизменной принадлежностью пиджачного немаркого и недорогого костюма стал накрахмаленный, твердый, блещущий белизной воротничок. Да, новые времена, новое поколение революционеров. Глядишь, и крахмальный воротничок — Серго-то он, черт побери, не подойдет — уже служит молодым, понадобился революции.

— Кажись, о здоровье тебя спрашивать нечего, если в делах находишь отдых.

— Кое-что освежал в памяти... А вы, товарищ Серго, как поживаете?

— Да, видишь, тоже ищу дела. Как раз подвернулся ты... Так что давай отдыхать вместе.— Став серьезным, продолжает: — Расскажи, что ты там, на «Красном металлурге», учинил?

Потапов сжато и деловито объясняет. На заводе издавна укоренилась болезнь — разболтанность технологической дисциплины. Ряд особо чистых сталей с заданными свойствами там не удается получить. Поехал туда сам. И увидел в цехах элементарнейшую грязь. Решил дать встряску. Приказал остановить производство, вычистить, вылизать завод. Далее муштровка пойдет легче. Выучим чистой отработке операций по всему циклу. Истребим разболтанность.

— Почему же ты не мог меня заранее известить? Так, мол, и так: останавливаю завод «Красный металлург». Гоже ли мне, наркому, узнавать об этом из суточной сводки?

— Товарищ Серго, вы мне доверили управление заводами качественной стали. Я перед вами за это отвечаю. И если уж несу ответственность, то не обязан испрашивать у вас разрешения что-либо проделать на том или ином заводе.

Тон Потапова ровен. Слова не запальчивы, не вызывающи, но тверды. Крепкий, черт дери, мужик! Но такой и нужен, чтобы Русь приобрела навык варить в электропечах, выдавать особенные, марочные стали. Серго уступчиво говорит:

— Все же известить бы следовало... Не отрывайся.

— Если телеграмму вам отправили не вовремя, за это взгрею.

— Себя, брат, взгрей.

Потапов склоняет на миг свою большую голову:

— Есть! Будет исполнено.

Эта реплика вызывает улыбку Серго. Он спрашивает в про иное:

— А какая надобность повлекла тебя сегодня в управление?

— Я же вам сказал: никого нет, можно сосредоточиться.

— Чем же занимался?

— Поднял старые свои отчеты из Англии и Германии. Мы теперь готовим технологические инструкции для получения разных марок стали. Вводим немецкое правило: каждая операция, каждая плавка — только по инструкции. Никаких нововведений, отсебятин! Инструкция — единственный закон.

Пожалуй, впервые за все время, что они тут разговаривают, в тоне Потапова просквозило вдохновение. Серго давно ведом этот конек его питомца: технологическая дисциплина, неукоснительный, строжайший порядок. Не угодно? Хлестнем раз, другой. Ударим по карману. Обучим уму-разуму.

Потапов не говорит: «уволим», «выгоним». Людьми он не разбрасывается. Директорам и главным инженерам заводов не спустит ни одну провинность: проучивает, хлещет, но не смещает. Никакой чехарды! Серго ценит и эту его черточку.

Неожиданно Потапов тоже улыбается. Пользуясь техническими терминами, что придают его речи свой колорит, он рассказывает Серго некоторые истории из своей заграничной практики. Да, день отдыха. Часовая стрелка не подгоняет собеседников.

Вновь из коридора слышатся приближающиеся чьи-то шаги. Серго поворачивает голову в сторону двери, восклицает:

— Наверное, Перселени!

И живо поднимается, не дожидаясь стука. Кстати, пора и щелкнуть выключателем, оконный свет уже стал скуповатым, далекое облако чуть розовеет.

Переменой света, загоревшейся люстрой встречен вошедший Перселени. Блестки лампочек лучатся, поигрывают в слегка выпуклых стеклах круглых роговых очков. Высокими белыми бурками зима, мороз напоминают о себе. Нащипано стужей продолговатое, плавных очертаний лицо, которое, право, не знаешь, как назвать, то ли зрелым, то ли еще молодым. — Георгию Перселени, точно так же как и Потапову, миновало тридцать два, — так или иначе, для Серго-то оба они молодое племя. Перселени ему известен тоже еще юношей, участником грузинского большевистского подполья, вечно наэлектризованным, всегда с полным коробом придумок, как бы исторгающим искорки, готовым на любую опасность и одновременно исполненным серьезности, таким, кому можно было поручить требующее политического разума, гибкости, выдержки дело.

В выразительных глазах Серго читается приязнь. Да, ему мил этот статный, большелобый, со слегка вьющимися волосами директор. Серго протягивает руку. Выказывает ласку крепким пожатием, не словами. В следующую минуту директор Андриановки кивает Потапову, который, вежливо привстав, коротко кланяется.

— Забирайся-ка сюда, — обращаясь к Перселени, Серго указывает на кресло.

Они садятся близ стола один против другого.

— Ну, рассказывай о себе... Кариозные зубы удалил? Температура вошла в норму? Черт побери, нет?

— Прежняя. По вечерам тридцать семь, тридцать семь и два. Теперь хотят удалять миндалины.

— И не откладывай, — наставительно говорит Серго. — Послушайся старого фельдшера. — Он при случае любит упомянуть о своем фельдшерском звании. — Я тебя прошу.

— Сам понимаю. Вот только проверну на заводе одну вещь... Приехал за благословением.

Изменив тон, Серго живо продолжает:

— Так какую же штуку ты удумал, директор с повышенной температурой? И кстати, чтобы не позабыть, почему у тебя дурит, кажется, если не ошибаюсь, четвертая домна?

— Об этом, товарищ Серго, в цехе имеется едва ли не четыре мнения.

— Многовато.

— Знак времени. Здоровая, живая атмосфера интереса к технике. Споры интересны. Изложить? Или разрешите сразу перейти к корню.

— Что же, давай корень.

Перселени толково и пылко, не без красочности преподносит мысль, одну из директорских его находок:

— Нового типа механизированная большая домна—это внутренне завершенная основная единица производства. Это как бы броненосец с собственным машинным хозяйством в ряду таких же броненосцев, в строю эскадры. А между тем громадина—доменная печь до сих пор не имеет своего капитана, своего хозяина. Начальник печи—такой должности в наших штатных расписаниях нет. И не только буква штатной росписи, а также и заводская практика не знает такого рода командира отдельной печи. Тут и прокладывается обезличка. Влияем и не видим. Пусть же каждая большая домна обретет имя, отчество, фамилию инженера, который будет сполна ответственным за свою печь. Выдвинуть способнейших! Дать им права! Не стеснять инициативу. Имеешь свое понимание доменной плавки — пробуй, вводи, соревнуйся! И каждую печь — на хозрасчет! Холодные цифры покажут истинную цену твоего каления, начальник домны! Умей сплотить коллектив печи. Будем отмечать премиями, в должной мере ощутительными, коллективы лучших печей. Вот такова идея — наша, партийная! В ней дух времени, товарищ Серго!

— Не агитируй! Держись дела!

Серго посверливает вопросами изложенное ему нововведение. Директору Андриановки этого только и надо. Он еще и еще развертывает аргументацию, его доводы продуманны, сильны. Потапов не вмешивается. Он ограничивается лаконичной репликой:

— Доменные цехи мало мне известны. Не берусь судить.

Конечно, Потапову было бы нетрудно изречь какую-либо сентенцию, что-нибудь вроде: «не пошла бы эскадра вкривь и вкось», но ему претит подобная дешевка общих соображений, он либо выразит определенное мнение, либо промолчит.

Серго опять слушает, спрашивает Перселени. Да, два питомца — совсем разные, и оба сильны, хороши на своих местах. Обоих нарком одаривает доверием.

— Ты на заводе полновластен, — говорит Серго. И повторяет формулировку Перселени: — Пробуй, вводи, соревнуйся! За руку тебя хватать не стану... Слушай-ка, Перселени, ко мне дошло, что ты с других заводов уволакиваешь кадры. Обвиняют в некрасивом поступке.

— Прошу конкретней, товарищ Серго.

— Да ведь знаешь, о чем речь. Вот на тебя жалоба. — Серго берет со стола стиснутые скрепкой несколько бумаг, бегло просматривает: — Пишет Егорошвили со своего заводика. Обращается лично ко мне. Помоги, мол, товарищ Серго, найти управу. Сбежал от него молодой инженер Прохоров. Не взял расчета, не получил документов. Не понравилось-де, и удрал. А Перселени укрыл беглеца в Андриановке... Далее приложения. Приказ по заводу. Дезертир производства. Официальное обращение в наркомат: вернуть! И призвать к порядку укрывателя. Что скажешь?

Перселени ничуть не утратил бравого облика. Не убыстряя речи, не впадая в тон обвиняемого, он сообщает историю молодого Прохорова, знает, как охоч Серго до рассказов о людях. Подавшись к Перселени, вслушиваясь, Серго роняет:

— Подготовился? — оттенок скорее одобрительный.

Перселени кивает:

— Подготовился.

И кладет штрих за штрихом, вырисовывая происшествие, главным лицом которого стал молодой инженер, младший сын обер-мастера доменных печей Андриановки.

— Рыжеусого? — вставляет Серго.

Получив подтверждение, продолжает слушать. Прохоров-младший родился и вырос в Андриановке. Поработал там еще в ученические свои годы и помощником газовщика в доменном цехе, и копировщиком в заводском проектном бюро. В институте шел первым среди однокурсников. Дипломную работу, тоже посвященную большой механизированной доменной печи, защитил с отличием. Имел право первым выбирать место. Избрал, конечно, Андриановку.

Серго не перебивает, не торопит, вникает в пространную повесть. Взглянуть со стороны, он вовсе не занят работой, обязанностью нечто решить, вольно проводит свой день отдыха.

Перселени сообщает дальнейшее:

— Молодой Прохоров не получил направления в Андриановку. Его с некоторым промедлением известили, что там нет свободных мест. «А другие вакансии, товарищ Прохоров, к сожалению, уже распределены. Осталась лишь одна — на маленький завод с примитивными печами под начало директора товарища Егорошвили». И рвущийся к механизированным большим печам, то есть воистину на фронт, на передовую линию индустриализации, в самый ее жар инженер оказался в тихой, глухой заводи. Оттуда он письмом воззвал к начальнику доменного цеха Андриановки. Тот ответил Прохорову: «Мы вас ждем. Приезжайте. Место вам найдется». Егорошвили, однако, не захотел отпустить томящегося молодого доменщика. Отказал и раз, и два... Тогда Прохоров решился на побег. Действительно, у новых домен Андриановки ему место нашлось. Но отдел кадров его не зачисляет. И приказать я не имел права. И вот однажды заведующая отделом кадров, старая коммунистка, родом из семьи коренных металлургов Андриановки, приходит ко мне: «Так и так, товарищ Перселени, всю историю Прохорова знаю. Не должна его оформлять без необходимых справок. Но я все таки решила оформить. За это с меня голову не снимут». Что же, товарищ Серго, мне ей следовало ответить?

— Наводящие вопросы задавать умеешь, — говорит Серго. Потка, не в лад словам, раздумчива.

Необескураженный Перселени с прежней живостью дополняет свой рассказ.

— Получив место у броненосных домен Андриановки, Прохоров-младший на деле себя показал способным, сильным техником. Мы его метим в командиры одной из печей, если...— Перселени и тут не прочь сострить.— Если, конечно, не будет велено отправить его этапным порядком в распоряжение товарища Егорошвили.

Не улыбнувшись, будто и не восприняв острословия, Серго произносит:

— Каково же твое предложение?

Ответ быстр:

— Власти, товарищ Серго, у вас достаточно, чтобы отменить приказ Егорошвили.

Не переспрашивая, не выказав хотя бы видом ни да, ни нет, явно еще раскидывая мыслью, Серго поворачивается, подается к Потапову, который молчком просидел на диване, пока Перселени держал речь. Этим движением Серго как бы предоставляет слово обладателю твердого белейшего воротничка. Да еще прикладывает ладонь к плохо слышащему левому уху. Что же, маленький крупноголовый ригорист-сталепрокатчик уже составил свое мнение.

— Как же будем крепить дисциплину труда, — отчетливо выговаривает он, — строгость в технологии, ежели позволим себе подтачивать дисциплину государства, установленный порядок?

Перселени вскидывается:

— То есть если позволим себе исправить злоупотребление?

Потапова не собьешь:

— У молодого инженера имелись законные пути обжалования. Обратись в главк! Обратись даже к наркому! Дождись отпуска, поезжай в Москву, поговори в наркомате! А своевольничать, идти напролом, опрокидывая порядок, никакому обиженному не разрешено.

Пресекая спор, Серго встает. Глаза почему-то веселы. Он обращается к Перселени:

— Видишь, не могу отменить! — в знак невозможности разводит руками. — Этот твой удалец поступил по-анархистски. Анархист по нетерпению. Есть у Владимира Ильича такое выражение.

Перселени успевает вставить:

— Есть у него и другое: анархист по недоразумению.

Этот возглас, свидетельствующий, конечно, об эрудиции статного директора, не наделен силой. Перселени, видимо, и сам понимает, что на Серго сейчас уже не воздействуешь.

— А хотя бы и по недоразумению. Все же вместо государственных путей попер напропалую.

Выражения энергичны. Почему же, однако, глаза веселы? И даже, пожалуй, посверкивают хитро. Или это, быть может, лишь кажется примолкшему Перселени?

— Не проси, — продолжает Серго. — Не уговаривай. Не могу отменить.

Твердым шагом огибает ребра стола, садится к прозрачной пластине, какой означена площадка работы, снимает трубку одного из телефонов и, не заглядывая в абонентный, под стеклом, лист или в книжку-справочник, несколькими поворотами диска набирает недлинный чей-то номер. Эта цифирь ведет к дежурному по наркомату. Мембрана почти тотчас откликается.

— Здравствуйте, — приступает Серго. — Да, я... Вызовите мне, пожалуйста, по междугородней товарища Егорошвили.

В данном случае содействие дежурного понадобилось вследствие того, что к устарелому заводу-карлику не проложена, конечно, прямая кабельная связь, расходящаяся по главным точкам индустриализации.

— Если нет на квартире, пусть ищут в заводе или в городе. Проследите. Хотел бы скорей с ним поговорить. Да, да, пожалуйста... Я ожидаю.

Кладет трубку. Улыбается:

— Помню, в 1907 году в Баку наш въедливый Егорошвили был сущим наказанием для меньшевиков. — Понижает голос, будто сообщая нечто по секрету: — Иногда и для нас тоже.

Видимо, Серго намеревается продолжить, поведать какой-то случай, но приотворяется дверь, входит нешумливая Зина, уже одетая в коричневое, теплого, что называется, цвета, выходное платье. Тонкий узор простроченной серебристой нити — строгими правами времени допускалось такое украшение — вряд ли идет широкоскулому лицу, коренастому складу. Впрочем, яркая синева глаз все искупает.

— Серго, — говорит Зина. — Серебровские уже приехали. Я их провела в столовую. Имей в виду, у Евгении торжественный день. Ей вчера дали звание профессора литературы. Защитила диссертацию о Белинском.

— Ишь! Придется, значит, поднять тост за жен. — О чем-то вспомнив, Серго оборачивается к Перселени. — Кстати, скажи-ка, не от жены ли этот твой Прохоров улепетнул?

— Нет, как раз с женой. Она была беременна, а теперь стала молодой мамой.

— Мальчуган?

— Сколь знаю, мальчуган. Обеспечен в Андриановке двумя бабушками и двумя дедушками.

— Смотри-ка, — изображая удивление, Серго прищелкивает языком, — а из тебя, кажись, и впрямь вырабатывается неплохой директор. Знаешь своих людей живехонькими. — И сразу выставляет перед собой обе ладони. — Отменить все равно не могу! Не властен!

Опять вступает Зина:

— Серго, зови же всех! Пойдемте.

— Пошли. — Он выбирается из-за стола. — Скажу в честь Евгении тост. Жена-профессор — дело хорошее, что говорить! Но у нас много профессоров. И еще будут. А вот жену для Серебровского не так легко найти. Только, Евгения, ты одна. И если уж взялась...

Требовательно громкий, протяжный звонок телефона заставляет Серго остановиться.

— Иди, иди, Зиночка, к ним. — Его пальцы коснулись Зининой руки, погладили нехоленую кожу. — Сейчас и мы присоединимся.

Еще мгновение он смотрит на жену. Затем двигается на призывы телефона. Берет трубку, не садясь.

— Давайте... — Поглядывает на задержавшихся Перселени и Потапова. — Да, у телефона. Егорошвили? Здорово. Да, Серго... Как ты живешь? — Некоторое время слушает. — Я-то? Перенес операцию... Тяну, силушка еще осталась. А ты как? — Опять слушает. — В Промакадемию? Рвешься в студенты? — Смеется,— Подумаю, подумаю... Теперь относительно твоего письма... Разобрался. Перселени меня уламывает, чтобы твой приказ я отменил. Да не волнуйся! — Слушает. — Ну, и я ему сказал, не могу отменить!.. Не могу, и баста! Да, анархизм, негосударственное поведение, недисциплинированность, мальчишество. Все ему выложил. — Опять дает выговориться собеседнику. — Не буду с тобой спорить. — Повторяет: — Да не волнуйся. Объявил же ему: не отменю. Могу только обратиться к тебе с просьбой: отмени сам. Да, моя личная просьба. Прошу, а решение за тобой. Все в твоих руках. — Слушает. — Спасибо. Я так и думал, что ты мне не откажешь. Нет, нет, только ты сам. Благодарю и кланяюсь. Жму руку.

Закончив разговор, Серго уже не таит улыбку:

— Выручил я тебя, Перселени. И твоего доброго молодца. А вдруг бы Егорошвили уперся? Что тогда? — Не ожидая ответа, продолжает: — Ладно, делу крышка! Идем, товарищи, обедать...

Пропустив гостей вперед, Серго следом за ними оставляет кабинет.

## ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

### С. А. ДАНГУЛОВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения С. А. Дангулова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего 60-летия шлем Вам, известному советскому писателю, самые сердечные поздравления.

Ваши книги «Ленин разговаривает с Америкой» и «Двенадцать дорог на Эгль», в которых Вы в документальном жанре ярко и праздно показали горячечную работу советских дипломатов в первые годы Советской власти, роман «Дипломаты» и пьеса «Признание», где воссоздан образ Владимира Ильича, по праву завоевали у читателей и зрителей горячую любовь и признательность.

Ваша деятельность в журнале «Иностранная литература» на посту заместителя главного редактора, а ныне в журнале «Советская литература» на иностранных языках в качестве главного редактора активно способствует установлению наших контактов с зарубежными писателями и пропаганде нашей социалистической литературы во многих странах мира.

От всей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих свершений и большого счастья».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

■

Каждый настоящий писатель неповторим, своеобычен, и, конечно, не только в том, что он создал, а и в человеческом плане. И вот именно таким давно уже знаю я и воспринимаю Савву Артемьевича Дангулова, который сегодня пришел к серьезной юбилейной дате. Интереснейший человек! Богатейшая биография! Огромные знания! Поразительная энергия! И скромность. Я бы добавил, деловая скромность...

Приход в литературу Саввы Дангулова был не ранним, хотя вся жизнь его — журналиста в довоенные годы, военного корреспондента и дипломата в годы военные и послевоенные — была серьезным, вдумчивым, как бы «запрограммированным» подходом к большой литературе. Но уже одна из первых его книг — «Ленин разговаривает с Америкой», — появившаяся десять лет назад, заставила заговорить о ее авторе как о писателе и художнике зрелом. А потом — роман «Дипломаты». О нем уже много сказано и написано и наверняка будет сказано и написано еще и еще, поскольку и по материалу своему, и по неизведанной теме, и по литературному уровню он стал событием. И «Двенадцать дорог на Эгль» — своеобразное документальное продолжение «Дипломатов», раскрывающее новые, неизведанные факты ленинской биографии, жизни соратников и учеников его. И еще — сценарий фильма «На одной планете» и пьеса «Признание», идущая на сцене Малого...

Но, может быть, самое главное то, что к своей юбилейной дате Савва Артемьевич пришел еще с одной, пожалуй, самой главной своей работой — романом «Нужный мост». Для читателей любознательных само название романа говорит в многом. Да. Наркомат иностранных дел не Кузнецким мосту. Годы предвоенные и первые военные, до Сталинградской битвы. Жизнь Наркомата и всей страны в то сложное время. Шире — судьбы мира, государственные деятели разных стран, их позиции, во всей деталях и тонкостях, советская дипломатическая школа... Но не буду забегать вперед, ибо я знаю роман «Нужный мост», а читатель его пока не знает. Роман этот вскоре появится на страницах «Дружбы народов».

У Саввы Дангулова свое постоянная тема и свое весомое место в нашей современной литературе. Плюс — неистощимая молодость. Он успевает и писать, и воевать, и редактировать «Иностранную литературу», а сейчас «Советскую литературу» — один из благороднейших наших журналов, адресованных зарубежным читателям, и опять писать. От книги к книге интереснее. И оставаться стремительным, деловым, настоящим советским писателем, добрым, душевным человеком и товарищем. Знаю, что он сохранит эти качества и перешагнув рубеж юбилея.

С днем рождения, Савва Артемьевич!

Сергей ВАРУЗДИН

### А. П. ЖУКАУСКАСУ — 60 лет

Литовскому писателю А. П. Жукаускасу исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по литовской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас известного литовского советского писателя, со славным шестидесятилетием.

Поет и прозаик, Вы вписали яркую страницу в историю отечественной литературы. В своих стихотворениях, переведенных на русский, белорусский и другие языки народов нашей страны, Вы сочетаете задушевный лиризм и тонкое ощущение родной природы с публицистической страстностью и философской глубиной.

Велик Ваш вклад в благородное дело сближения братских литератур — в Ваших переводах в Литве читают произведения русских, белорусских, польских, немецких писателей.

От души желаем Вам крепкого здоровья, творческих радостей, большого счастья в жизни».

■

Спокойный, медлительный, исполненный сдержанного, не меткого крестьянского юмора голос Альбинаса Жукаускаса, поэта и новеллиста, звучит в литовской литературе вот уже более сорока лет. И поэзия, и новеллистика Альбинаса Жукаускаса сюжетны, но им также свойствен тонкий лиризм, который обычно не выплескивается на поверхность, а остается как бы между строк... И все же творчество Альбинаса Жукаускаса красиво и своеобразно раскрывает целую историческую эпоху, историческое бытие литовского народа, и особенно многострадального в прошлом вильнюсского края. Жукаускас отразил и все те значительные события в жизни своей «малой родины», активным участником которых был сам.

Смолоду, со студенческих лет, Альбинас Жукаускас искренне и серьезно интересовался польской и белорусской литературами. Долголетняя крепкая творческая и личная дружба связывает его с такими выдающимися творцами этих литератур, как Ю. Тувим, В. Броневский, М. Танк. Впоследствии, уже в послевоенные годы, работая в печати — в издательстве «Вага», готовя и редактируя различные издания, Альбинас Жукаускас проявил себя как один из самых активных переводчиков и пропагандистов братских литератур нашей страны.

Что-то очень близкое, я бы сказал, «домашнее» присущее поэзии Альбинаса Жукаускаса. Читаешь — и на тебя веет запахами дома и родных полей, их уютом и теплом. Поэт умеет восхищаться родным пейзажем, людьми, их трудом. Искренне и непосредственно раскрывается в стихах и характер поэта — его логика, простой юмор, его ирония, его склонность к философским раздумьям. Душа хорошего человека — гостеприимного хозяина, любителя природы, садовода, рыбака, неутомимого рыболова — отражена в лирике и зрелых новеллах Альбинаса Жукаускаса.

И хочется пожелать этому сердечному другу, своему литовцу, большому патриоту своего края, его культуры, светлого вдохновения и задушевных, оригинальных произведений.

Антанас ЮШИНАС

* * *

*«Литературная газета» присоединяется к этим теплым пожеланиям.*

**НОВОСТИ**

- ТВ: С ГОГОЛЕМ НАЕДИНЕ
- В МИРЕ МУЗЫКИ
- БЕДНЫЙ СТАРЫЙ ТООМАС...

Евгений СВЕТЛАНОВ

# ПЯТНАДЦАТАЯ ШОСТАКОВИЧА

СОВЕТСКАЯ симфоническая музыка обогатилась Пятнадцатой симфонией Д. Шостаковича, премьера которой состоялась в начале этого года. Это блестящая творческая удача прославленного композитора.

После создания ряда произведений, рожденных тем или иным программным замыслом (нередко выражавшемся в непосредственном обращении к поэтическому слову), Шостакович вновь вернулся к жанру чисто инструментальной симфонии. Именно в этом жанре им созданы такие шедевры, как Первая, Пятая, Шестая, Седьмая, Восьмая, Девятая, Десятая симфонии, наиболее часто исполняемые всеми оркестрами и дирижерами мира. Есть основания полагать, что Пятнадцатая станет также одной из самых любимых и исполняемых симфоний выдающегося композитора. Что дает основание для подобных «прогнозов»? Конечно, не только восторженный прием, оказанный этому сочинению первыми его слушателями. Мы хорошо знаем, что каждое новое произведение Шостаковича вызывает огромный интерес любителей музыки в нашей стране и далеко за ее рубежами. И это не случайно. В каждом новом произведении Шостакович говорит языком музыки о том, что волнует нашего современника. Говорит глубоко и страстно. Музыка Шостаковича никого не оставляет равнодушным. Даже тех, кто не сразу ее принимает. Композитор неповторимой творческой индивидуальности, создавший свой яркий стиль, никогда не «заигрывает» со своим слушателем, никогда не стремится к ложно понимаемой доходчивости. Глубоко уважая своего слушателя, он неизменно приглашает его к большому, серьезному разговору. Этому правилу композитор верен и в Пятнадцатой симфонии. Можно не сомневаться, что о новом произведении Шостаковича будут написаны специальные музыковедческие исследования. Мне же хотелось поделиться первыми, непосредственными впечатлениями.

Значительность замысла вызвала к жизни широко развернутый четырехчастный цикл. Хочу, кстати, заметить, что в последнее время, когда обильно появляются так называемые «короткометражные» симфонии, создание большой четырехчастной симфонии сам по себе факт уже примечательный. Конечно, можно многое сказать и в одной части (вспомним, например, замечательную Двадцать первую симфонию Мясковского). Но хотелось бы подчеркнуть, что в наше время, пожалуй, лишь Шостаковичу «по плечу» решать в полной мере грандиозные задачи, связанные с развитием жанра симфонии.

В Пятнадцатой симфонии Шостаковичу удалось создать необыкновенно яркие, запоминающиеся музыкальные темы. Достаточно вспомнить быстрые, словно порхающие аккорды первой части, величественный эпиграф ко второй, медленной, исполненный мужественной скорби эпизод (соло тромбона), динамичный образ-сверчок (соло кларнета) и, наконец, пленительную, затрагивающую самые сокровенные струны сердца тему финала (скрипки). Во многих симфониях Шостаковича мы привыкли к тому, что первые части цикла — развернутые, написанные в медленных темпах. В Пятнадцатой нас с самого начала захватывает стихия подлинного аллегро, где все живет, сверкает, искрится в безудержном потоке остроумия и блеска. Первая часть проносится стремительно, в одном темпе, на одном дыхании. Во второй, медленной, возникают образы, хорошо знакомые по прежним сочинениям Шостаковича. Это философские раздумья, мужественная скорбь, широкие обобщения. Здесь композитор поручает сольным инструментам наиболее значительные эпизоды (соло виолончели, скрипки, тромбона и т. д.). Весьма протяженная по времени вторая часть захватывает слушателя своей значительностью. Третья часть, скерцо, исполняющаяся без перерыва и непосредственно возникающая из последних тактов предыдущей, несет отпечаток фантастичности. Финал является как бы лирическим послесловием, в котором вновь слышны отголоски пережитых бурь, скорбь утрат, но они не в силах омрачить жизнь человека. Симфония заканчивается тихо и просветленно. Возникает музыкальный образ, услышанный в начале, но здесь он звучит и воспринимается иначе, как результат большой прожитой жизни, в которой были и радости, и горе, и многие испытания...

Не будем скрывать: многих «озадачило» введение Шостаковичем в свою новую симфонию цитат из музыки России и Вагнера (увертюра к «Вильгельму Теллю» в первой части и тема «кольца» из «Кольца Нибелунга» в финале). Прием этот весьма распространен в современной музыке. Важно понять, для чего понадобилось прибегнуть Шостаковичу к нему. Видимо, для того, чтобы ярче подчеркнуть драматургический замысел произведения. Пятнадцатая симфония Шостаковича заставляет слушателя задуматься о смысле жизни и о своем месте в ней, о больших и малых проблемах, с которыми сталкивается человек, о буднях и праздниках, о тяжких днях испытаний и радостных днях побед: каждого из нас композитор как бы оставляет наедине с самим собой, дает возможность подумать обо всем вновь и заново. В этом — сила Шостаковича, в этом — неотразимое воздействие его музыки.

Пятнадцатая симфония представляет немалые трудности для исполнения. Тем приятнее отметить успех талантливого дирижера Максима Шостаковича, который вместе с Большим симфоническим оркестром Всесоюзного радио и телевидения ярко провел премьеру нового сочинения своего отца.

Естественно, что в чем-то Пятнадцатая перекликается с другими (особенно с Четвертой, Пятой, Шестой и Десятой) симфониями. Но в ней есть и много нового. Новое заключается в первую очередь в том, что композитор наглядно показал, как в наше время, когда, как кажется многим, все средства выразительности музыки уже использованы (а иных композиторов их поиски завела в творческий тупик), оказывается возможным, оставаясь самим собой, создавать прекрасные музыкальные образы, быть сложным и одновременно простым для восприятия.

Для этого надо быть большим художником. Для этого надо обладать громадным талантом. Таким мы знаем Дмитрия Шостаковича, таким он вновь предстал перед нами в своей новой симфонии.

С. МАШИНСКИЙ

# ЭКРАН: НЕ ГОЛУБОЙ, А МНОГОЦВЕТНЫЙ

ТЕАТР представлялся автору «Ревизора» «кафедрой», с которой читается разом «целой толпе... живой полезный урок». А что бы сказал Николай Васильевич о кафедре, с которой этот «живой урок» разом преподносится, скажем, десяткам миллионов человек!

К телевизионному экрану ежедневно устремлены взоры людей разных судеб, профессий, возрастов. Наконец, разных интересов. Техника гигантски раздвинула аудиторию телевидения. Но в художественном отношении его прогресс куда менее заметен. Телевидение все еще в поисках собственного театра и своего кинематографа. Оно упорно продолжает искать свою специфическую зрелищность. И иной раз находит ее в инсценировках классиков. За последние годы их становится все больше.

Естественно, на этом пути телевидение не прошло и мимо Гоголя, проза которого отличается необычайным внутренним драматизмом. Казалось бы, самой судьбой она предназначена для театра. Не исключено, что именно здесь откроются совершенно неожиданные возможности прочтения сложной и прихотливой гоголевской прозы. Художественное телевидение обладает столь необычными и мощными средствами выразительности, что они позволяют во многом по-новому прочитать и инсценировать произведения классической прозы.

Недавно телевидение показало спектакль, созданный в Ленинграде на основе «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». К работе привлекли первоклассных актеров. Немало потрудились здесь постановщик, художник, оператор. Казалось, были предпосылки к тому, чтобы состоялось серьезное и интересное представление.

Ведут спектакль Ю. Толубеев (Иван Никифорович) и В. Меркурьев (Иван Иванович). Это отличный дуэт. Перед нами два необыкновенно пластических характера, совершенно разных по темпераменту и психологии, но в чем-то и удивительно схожих.

Сыграть все психологические перепады отношений Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича так, чтобы зритель ощутил одновременно и реалистическую достоверность, и всю патологическую немыслимость того мира, который воплощен в этих образах, не так-то просто.

Наибольшей удачи достиг Ю. Толубеев. Образ, им созданный, сочится истинно гоголевским юмором. Сцена с ружьем — шедевр комедийного искусства. Самые разнообразные краски переливаются в игре Толубеева. Его Иван Никифорович ни на одно мгновение не бывает в состоянии душевного равновесия или покоя. Он зыбок и переменчив: надменно величествен и ангельски кроток, серьезен и смешон, глубокомыслен и наивен. И всю эту многоцветную психологическую гамму актер воссоздает на экране с тонким и точным чувством иронии, которая лежит в самой природе гоголевского письма.

Толубееву и Меркурьеву удалось раскрыть характеры главных героев с той мерой художественной достоверности, которая помогает зрителям ощутить глубину и масштаб гоголевского замысла.

К сожалению, спектакль, поставленный режиссером А. Белинским, не оставляет цельного впечатления.

Через весь спектакль проходит персонаж «от автора». Это не сам Гоголь, но созданный его воображением образ, который присутствует и в тексте повести и является как бы порождением той же пошлой действительности, что и главные ее герои. Это он, персонаж, а не Гоголь, восхищается «прекрасным человеком» Иваном Ивановичем и его славной бекешей. Это он, вымышленный персонаж, не нарадуется неслыханным достоинствам Ивана Никифоровича. Сколько же иронии и лукавого юмора вкладывает Гоголь в каждое слово этого персонажа!

Артист Н. Окрепилов создает образ, увы, имеющий весьма мало общего с гоголевским замыслом. Перед нами резонер, назидательно и на полном серьезе читающий текст, где каждое слово должно искриться юмором, иронией. Ни того, ни другого нет в исполнении Н. Окрепилова. Его герой выпадает из атмосферы гоголевского спектакля, ломает всю его структуру и лишает художественной цельности.

Вообще, повесть о двух Иванах поставлена довольно плоско, в ключе, так сказать, «бытового реализма». Из-за этого многое потерялось в гоголевском изображении мира, который часто предстает не в бытовой своей достоверности, а в причудливом гротеске или преломленным через некий магический кристалл фантастики.

А как много возможностей открывается на телевизионном экране для изображения того, что в обычном представлении показать нельзя!

Вот один пример. Прекрасно играют актеры сцену в миргородском поветовом суде. Свободно, весело, озорно! Но вдруг мелькнуло изображение нарисованной свиньи. Да, да — той самой «бурой хавроньи» Ивана Ивановича, которая внезапно вбежала в комнату суда и схватила лежавшее на краю стола прошение Ивана Никифоровича. Но почему не показан эпизод с похищением бумаги? О нем рассказал ведущий, и весь юмор этой сцены погиб в самом зародыше.

А может быть, вы увидели на экране, как Иван Иванович ест дыни и собирает в бумажки их семена? Или, может быть, вам показали знаменитые нанковые шаровары Ивана Никифоровича, занимающие почти половину двора?

Ведь лукавая, хитрая гоголевская улыбка просвечивает через эти и некоторые другие, не соответствующие бытовому правдоподобию детали. А они почему-то старательно убраны из спектакля. В нем исчез гротеск. И Гоголь вместе с его повестью оказался основательно обедненным.

ВОТ УЖ много лет Игорь Ильинский читает с концертной эстрады другую повесть Гоголя — «Старосветские помещики». Совсем недавно на этом материале был сделан телевизионный фильм. И он заслуживает специального разговора.

В 1843 году в Москве были устроены первые публичные чтения произведений русских писателей. Душой и организатором этих чтений явился Щепкин. На одном из вечеров были прочитаны и «Старосветские помещики».

Дело это, казавшееся столь новым и необычным, привлекло внимание самого Гоголя, жившего в ту пору за границей. Придавая исключительное значение публичным чтениям, он подчеркивал, что, по его убеждению, они «со временем заместят у нас спектакли».

С тех давних пор «Старосветские помещики», кажется, никем из актеров не читались публично, со сцены. Ильинский отважился. Казалось бы, при артистических данных Ильинского, при его мастерстве сценического перевоплощения ему легче всего было бы разыграть повесть «в лицах». Именно так, по свидетельству современников, поступил Михаил Щепкин, игравший эту повесть. Ильинский решает свою задачу иначе. Он читает. Сдержанно, «скромно», деловито. Лишь изредка мелькнет легкое мимическое движение, скупой жест. Ильинский-чтец постоянно сторожит Ильинского-актера, не позволяя ему «разыгрываться».

**Начинается это так. Пустой экран. На нем появляется старинное, паелоасских времен кресло. Пауза. Кресло — как бы камертон. Оно — для эмоциональной настройки зрителя, и оно сразу дает ощущение эпохи. Входит в экран, медленно приближаясь к нам, Игорь Ильинский.**

**Он оглянулся, сосредоточился, вздохнул и, глядя в упор на нас, начинает: «Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими...» И речь его течет мирно, плавно, чуть ли не убаюкивающе. Но, странное дело, с первых же фраз актер овладевает вниманием зрителя и цепко держит его, словно бы заворожённого, целый час.**

**Искусство чтеца — одна из самых удивительных и труднообъяснимых областей художественного творчества. Вы сидите в зале и слушаете хорошо знакомый вам текст. Вам сдается, что помните каждую его фразу. Но вдруг вы начинаете ощущать, что хорошо известное произведение открывается вам во множестве незнакомых до сих пор оттенков. И чем дальше — тем с большей увлеченностью вы слушаете, и уже совсем захвачены всем тем, что рассказывает стоящий прямо перед вами человек.**

**Происходит чудо: вы как бы впервой или заново осмысливаете давно знакомую вам вещь. Эстетическое восприятие «стыкуется» здесь с сугубо умственным, аналитическим его осмыслением. Вы не просто слушаете художественное произведение (незнакомое вам или даже хорошо известное), вам вдруг открывается в его содержании гибель новых граней и разных тонкостей, прежде почему-то ускользавших от вашего внимания. Процесс эстетический переплетается здесь с процессом научным, познавательным.**

У Игоря Ильинского особая манера исполнения. Он

*Игорь ИЛЬИНСКИЙ читает Гоголя.*

читает без всякой аффектации, тихо и очень сосредоточенно. Словно он собирается вам дружески и доверительно сообщить нечто очень важное и лично вас касающееся. И в самом деле, печальную историю жизни «двух старичков прошедшего века» он рассказывает так, точно они приходятся нам, зрителям, самыми близкими людьми и мы горячо заинтересованы во всех мельчайших подробностях их бытия.

В не столь еще давнее время наше литературоведение занималось главным образом разоблачением старосветских помещиков, нисколько не учитывая сложного и противоречивого отношения писателя к своим героям. Между тем Гоголь не хуже нас видит их слабости, иронизирует над ними, но вместе с тем любит этих наивных, беззащитных старичков, жалеет их. И есть ведь даже какая-то своя поэзия в них, в их трогательной любви друг к другу. Повесть пронизана светлым, добрым, человеческим участием к ее героям. Они в вправду могли бы стать людьми в условиях другой действительности!

Эту гуманистическую тему отчетливо раскрывает Ильинский в своем исполнении.

И еще надо сказать о своеобразной полифонии его исполнения.

Сколько же ролей исполняет здесь Ильинский? Подсчитаем: обоих главных героев, затем образ повествователя, а еще сверх того — самого себя. И вот эта-го последняя роль оказалась самой трудной и трудоемкой. Ибо образ Ильинского, его эмоциональный мир, его философский взгляд на гоголевскую повесть просвечивает сквозь все три характера и соответственно окрашивает их.

Уже давно почила в бозе Пульхерия Ивановна, и нет уже на этом свете Афанасия Ивановича. Душевной тоской пронизаны последние страницы повести, а на заключительных ее строках лежит отсвет большой человеческой драмы. Уже не играет улыбка на устах Ильинского. И весь он сумрачен, и глаза его печальны. И он даже как-то осунулся, постарел. Видно, сильно пережила его душа все то, что случилось с героями повести. Голос его стал глуше и натужнее. Кажется, все труднее ему продолжать рассказ и вот-вот совсем иссякнут его силы. Наконец едва слышно он произносит последние слова и медленно уходит с экрана. А вместо него — снова знакомый уже нам силуэт одинокого павловского кресла. Возможно, это единственное, что осталось от наших скромных «владетелей отдаленных деревень»...

Я РАССКАЗАЛ о двух телевизионных гоголевских представлениях. Очень разных по существу и неравных по своим достоинствам.

Наше художественное телевидение, в сущности, еще молодо. Оно продолжает искать себя в самых различных направлениях. Одно из очень перспективных — экранизация классического наследия.

Только при этом не следует забывать об одной заповеди: каждый вид искусства имеет не только свой художественный язык, но и свои законы, пренебрегать коими безнаказанно никому не дано. Поэты-переводчики хорошо знают, как опасен перевод буквальный. И все они помнят классическую фразу Жуковского о том, что истинный стихотворец-переводчик — не раб, а соперник оригинала. Таким «соперником» должен стремиться быть и режиссер телевидения.

Опираясь на специфику телевидения, на его громадные технические и художественные возможности, он должен дерзнуть так прочитать классическое произведение, чтобы оно прозвучало как бы заново. Ведь всякий акт творчества есть так или иначе открытие.

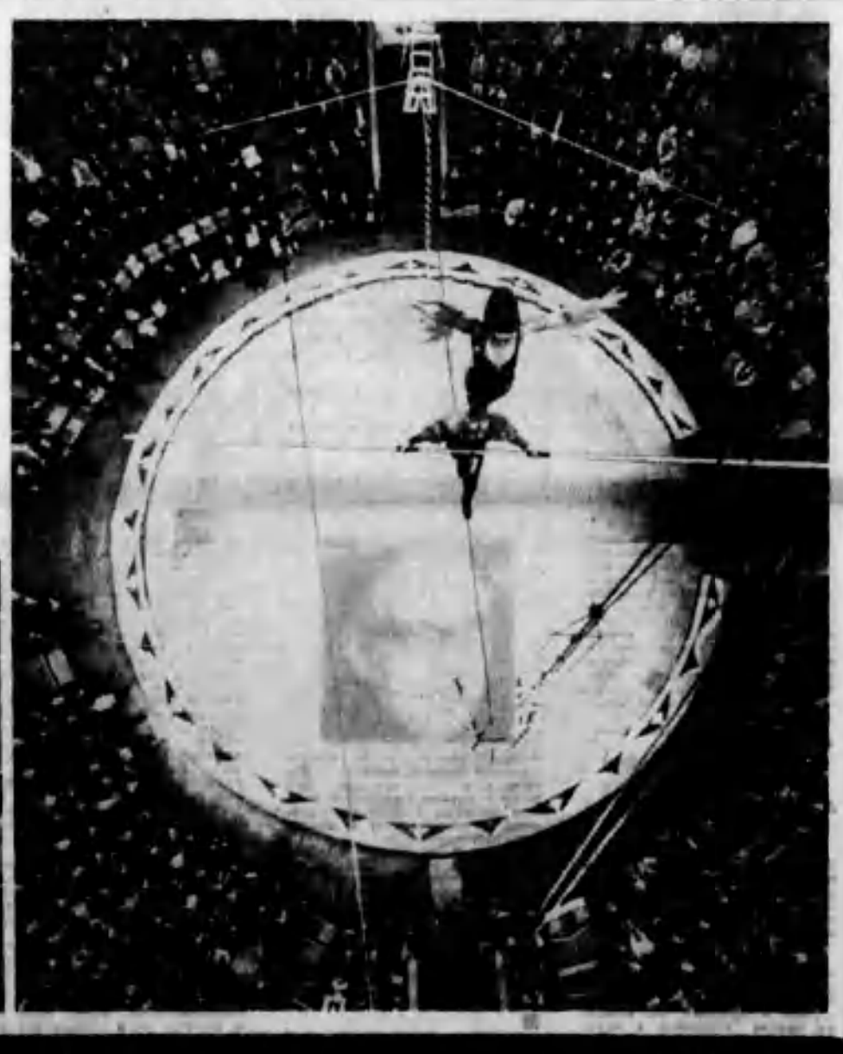
Мы все еще с умилением произносим: «голубой экран» и, кажется, слишком привязались к этому отдающему сентиментальной голубизной эпитету. Возможно, он и годился когда-то для периода первых восторгов и радостного удивления, которым предавались люди, неожиданно ощутившие блески мира в своей квартире. Но давно уже наступила другая пора, когда художественное телевидение должно разгореться всеми цветами радуги. Пусть же в ней найдут себе место самые разнообразные художественные краски — и сатирические, и трагедийные, и гротесковые. Эта многоцветная гамма куда больше соответствует потребностям искусства, чем один — благополучно-голубой.

# ПЕСНЯ ПОД КУПОЛОМ

**Фотоновелла Льва НИСНЕВИЧА**

*Лорита и Магомед встретились в цирке, и теперь у них одна фамилия — Магомедовы. Этой паре аплодировали на всех континентах. Их номер не имеет себе равных.*

*Они работают на высоте 12 метров. По наклонному канату поднимается Магомед с Лоритой на плечах. Она поет песню, специально написанную для этого номера. И пристально следит за ними сын...*



КРЕСЛО № 13

# «ГДЕ НИЧЕГО НЕТ, ТАМ НЕТ НИЧЕГО»

...И приснился мне сон. Как и всякие сны, он был лишен логики. Может, только у профессиональных драматургов и сценаристов она присутствует в снах — сказываются особенности профессии.

...Снилось мне, что я попал в какой-то очень красивый, старинный город. Чистенькие дома с лепными украшениями, башни, прелестные узенькие улочки. И по этим улочкам, взявшись за руки, как во многих наших кинофильмах, существующих, увы, в реальной жизни, прогуливались двое молодых людей с весьма незапоминающимися лицами. Естественно, что это были влюбленные...

Неожиданно в моем сне возникла верхушка башни, а на ней статуя какого-то Усатого Господина в латах и шлеме. Статуя вдруг ожила, заулыбалась и, шагая, как муха по стене, спустилась на площадь, где стояла масса мотоциклов, хозяева которых затеяли лихой танец, явно мешающий уединению влюбленных. Усатый Господин кинулся на ничего не подозревавших мотоциклистов с длинным мечом, и те, в страшном испуге, сильно дымя и грохоча, сразу умчались. А двое влюбленных и Усатый Господин в латах пошли на прогулку.

Дальше сон мой стал еще более путаным. Какие-то двое ученых, бросив на произвол судьбы рассматриваемую ими коллекцию старинных монет, с громкими криками «Украли! Украли!», на ходу цитируя древних авторов, помчались в погоню. Усатый Господин, явно не желая быть пойманным и водворенным обратно на башню, пытался спрятаться в каких-то подвалах.

Алогизм сна привел меня на набережную, где молодые люди в белых цилиндрах заиграли поп-музыку, вызывая неудовольствие старух и старичков, а потом и их, наоборот, удовольствию, маленькая девочка в белом, неуклюже топчась, голосом Рины Зеленой запела песенку про каких-то зеленых лягушат. А Усатый Господин все бегал по городу и беспрестанно теряя детали своих доспехов, а двое ученых-нумизматов тут же эти доспехи подбирали.

Потом я внезапно увидел парусное судно, на котором очень хорошо пел очень плохо одетый и загримированный ансамбль, а Усатый Господин в это время заряжал пушку ядром, не входившим в ствол.

Дальше сон мой начал уже терять последние остатки ассоциаций с реальной жизнью. Усатый Господин неожиданно оказался в театре. В артистке, поющей на сцене в окружении свисающих с колосников елочных украшений и гофрированных бумажных колбас, он признал свою возлюбленную Марию из шестнадцатого века. Спустя несколько минут Усатый Господин, теперь уже в модной водолазке и в рыжем пиджаке, очутился на празднике песни и очень рассердился, увидев в рядах участников парада своего двойника в латах и шлеме, но зато в пенсне. Помнится, потом он с ним помирился, но на этом не успокоился...

В конце концов, решив, очевидно, что хватит нас мучить, он побежал по крышам домов и, забравшись мухой по башенной стене на самый верх, застыл в напряженной позе. На этом месте сон мой прервался, и я открыл глаза...

...Э, нет, дорогие читатели! Не пришлось мне открыть глаза. Оказывается, я не спал. То есть, будучи приглашен на отборочный просмотр любительских кинофильмов для предстоящего смотра, вздремнул маленько, намаявшись за день, пропустил начальные титры и проснулся в самом начале картины, разбуженный уличной серенадой ночного гитариста. И, широко раскрыв глаза, не закрывал их до конца. И все рассказанное выше было не сном, а самым что ни на есть реальным зрелищем. То был «мюзикл».

...Я возвращался домой с просмотра и, в связи с увиденным, размышлял о путях нашего любительского кино. «Смотрите-ка, — думал я, — как лихо научились снимать наши самодеятельные операторы. С каким мастерством! Совсем как профессионалы высокого класса. И музыку какую хорошую раздобыли и спели как чисто и хорошо. И цветную пленку сумели достать. Но многое, многое ими еще не освоено из арсенала профессионального кинематографа... Да и режиссер фильма никак им не помог, только запутал, насмотревшись, вероятно, «Шербурских зонтиков» и перенеся автоматически внутрь с постановщиком танцев все их приемы в свой фильм. А уж про сценарий и говорить не приходится. Есть отдельные сценки с убогим юмором и вялым диалогом. Да, хорошая вещь творческие состязания кинолюбителей, но эту картину вряд ли можно рекомендовать на смотр...»

**Никита БОГОСЛОВСКИЙ**

P. S. Простите, дорогие читатели! Только что сейчас узнал, что я перепутал киноклубы и присутствовал на просмотре не любительского, а профессионального фильма (титры я ведь, каюсь, проспал). Но теперь у меня есть аннотация. Могу назвать имена его создателей.

СТУДИЯ «ТАЛЛИНФИЛЬМ» 1971
«УКРАЛИ СТАРОГО ТООМАСА»
Авторы сценария: ЭРИ КЛАС, ГРИГОРИЙ СКУЛЬСКИЙ, СЕМЕН ШКОЛЬНИКОВ
Постановщик СЕМЕН ШКОЛЬНИКОВ
Главный оператор ИГОРЬ ЧЁРНЫХ

Фильм дублирован на киностудии «Мосфильм».

Грустно, конечно. Жаль, что я не узнал в Усатом Господине старого Тоомаса. Но — увы! — «Где ничего нет, там нет ничего», как опрометчиво высказался участник фильма, один из тех двух ученых-нумизматов.

И. Б.

К 100-летию ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

ИЗДАН АЛЬБОМ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

**«Восставший Париж»**

*В альбоме более 800 документов и 53 репродукции. В большинстве еще неопубликованные, они отражают атмосферу и настроения бурной политической жизни Коммуны. Представлены портреты коммунаров, их письма, стихи, отрывки речей, заметки, официальные бумаги, факсимиле газет Коммуны, где сотрудничали Валлес, Курбе, Домье, Мане и другие. Воспроизведены гравюры, фотографии, афиши того времени, многочисленные карикатуры.*

*Цена альбома 10 рублей.*

Альбом можно приобрести наложенным платежом без задатка в следующих магазинах:

Москва, ул. Горького, 16, магазин «Дружба».

Ленинград, Невский проспект, 16, магазин «Мир».

Киев, Крещатик, 30, магазин «Дружба».

Ростов-на-Дону, ул. Энгельса, 13, магазин «Глобус».

**Декларация о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе, принятая на Пражском совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, продолжает оставаться в центре внимания мировой общественности.**

# СЕМЬ ДНЕЙ В ЯНВАРЕ...

## ПОСЛЕ ПРАГИ

Это было неделю назад, но в памяти сохранилась каждая деталь. Древний Пражский Град принимал делегации братских социалистических стран, прибывшие на совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Советская делегация во главе с товарищем Л. И. Брежневым была встречена здесь особенно сердечно. Впрочем, не только здесь, но и во всей Праге. И это понятно: вопросы европейской безопасности для нашего народа, живущего в центре Европы, имеют особое значение, а Советский Союз идет в авангарде борьбы за превращение европейского континента в континент мира.

В эти дни в редакцию газеты «Руде право», где я работаю, пришло много писем, авторы которых горячо одобряют Декларацию о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе.

### ПУТЬ К МИРУ

«Я внимательно следил за ходом совещания государств — участников Варшавского Договора, — пишет Р. Квятенский из Скутичко. — Мы горды тем, что у нас братские отношения с Советским Союзом — освободителем. Итоги совещания воодушевляют меня, как и всех наших людей».

Алоис Добржиховский, руководитель профессионального училища заводов «Тесла», заявляет:

— Меня, пережившего ужасы фашистской оккупации, особенно радует выраженная в Декларации поддержка справедливого требования нашей республики о том, чтобы мюнхенское соглашение было признано недействительным с самого начала.

Но наш народ понимает также, что на Западе есть силы, которые противятся миру, мешают укреплению взаимопонимания и сотрудничества в Европе. Об этом свидетельствуют и первые отклики, которые уже появились на страницах западной реакционной печати.

Враги мира, где бы они ни находились — в Пентагоне, в штабе НАТО или на Флит-стрит, — стремятся отравить атмосферу добрососедства и мира. Они всячески пытаются сорвать подготовку к общеевропейскому совещанию.

Тщетные усилия! Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС, Пражская декларация — могучее оружие в руках народов. Дело мира, безопасности и сотрудничества победит!

**Душан РОВЕНСКИЙ,**
чехословацкий публицист

ПРАГА. (По телефону)

## «ФИГАРО» В ОДИНОЧЕСТВЕ

Пожалуй, единственным органом парижской печати, позволившим себе открытые выпады против Пражской декларации, была газета «Фигаро». Но и оне вытащила не свет божий давно уже скомпрометированный прием: запугивание обывателя тем, что социалистические страны, призывая к скорейшему созыву европейского совещания, хотят, дескать, «вызвать раскол между его возможными западноевропейскими участниками».

Сегодня к такого рода «доводам» не относится серьезно ни один здравомыслящий француз. И «Фигаро», естественно, оказалась в одиночестве...

Сам тон пражских документов, их конструктивный характер очень импонируют французам. Они как бы вновь ощущают ту атмосферу надежды и исторического оптимизма, в которой проходил памятный визит в их страну Леонида Ильича Брежнева.

Газета «Комба», например, публикуя основные положения Декларации о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе, особо выделяет то место, где говорится, что европейская безопасность и сотрудничество требуют создания системы обязательств, исключающей всякое применение силы или угрозу ее применения в отношениях между европейскими странами.

Орган французских коммунистов «Юманите» дает отповедь группе американских экспертов, которые вновь прибегают к «доводу» о необходимости «тщательной подготовки» европейской конференции и под этим предлогом готовы отложить ее до греческих календ. «Юманите» замечает, что ни Советский Союз, ни другие социалистические страны не только не выступают против тщательной подготовки такого совещания, но, напротив, предлагают перейти от слов к делу — к многосторонней его подготовке.

Мне удалось на днях побеседовать с президентом-координатором только что созданного и уже активно действующего Французского клуба за безопасность и сотрудничество Луи Сайяном. Этот известный политический и общественный деятель, секретарь крупнейшего профсоюзного объединения французских трудящихся ВКТ выразил глубокое удовлетворение Пражской декларацией и подчеркнул, что она имеет первостепенное значение для превращения европейского континента в рай постоянного прочного мира и взаимовыгодного сотрудничества.

Реакция французской общественности на вести, пришедшие из Праги, свидетельствует, что миллионы французов одобряют и поддерживают благородную миссию мира, выполняемую социалистическими странами Европы.

**Олег ШИРОКОВ,**
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

ПАРИЖ. (По телефону)

## РЕЗОНАНС ЗА ОКЕАНОМ

Буржуазная американская печать, как известно, вообще не балует читателей сколько-нибудь серьезной информацией о событиях, связанных с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В арсенале пропагандистов-антисоветчиков «тактике умолчания» занимает одно из самых видных мест — по соседству с клеветой и фальсификацией.

Однако таков событие, как Пражское совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, капиталистическая пресса США все же не решилась замолчать. Даже некоронованная королева желтой прессы «Нью-Йорк дейли ньюс», хоть и в явно пересокращенном виде, все-таки опубликовала информацию из Праги.

*Кошмарный сон*

Рисунок из болгарской газеты «Работническо дело»

Газеты «посолиднее» поместили корреспонденции, в которых подробно изложено содержание пражских документов. Московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Г. Смит, в частности, выделил то место в декларации, где говорится, что созыв общеевропейского совещания не следует затягивать.

Не менее подробно рассказывает о пражских документах московский корреспондент «Вашингтон пост» Р. Кайзер. Он, впрочем, попытался навести «тень на плетень», заявив, что социалистические государства якобы отклонили предложение о сокращении войск в Европе. Но тут же ему пришлось все-таки признать, что, по мнению руководителей семи социалистических государств, сокращение вооруженных сил и вооружений в Европе соответствовало бы «интересам укрепления европейской безопасности»...

Мне остается сказать в заключение, что сообщения о новой мирной инициативе государств — участников Варшавского Договора производят на американцев тем большее впечатление, что эти сообщения они читают в своих газетах по соседству с материалами о продолжающейся грязной войне во Вьетнаме и о новых разоблачениях военных авантюр Пентагона.

**Эдуард БАСКАКОВ,**
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

## ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ

«Родники европейской инициативы бьют на Востоке» — к такому выводу приходят в эти дни многие западногерманские обозреватели, комментируя итоги работы Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Пражская декларация встречена здесь с подлинным энтузиазмом в демократических и миролюбивых кругах. Правление Германской коммунистической партии опубликовало специальное заявление, в котором говорится: «Каждая строчка Декларации о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе подчеркивает решительную политику мира социалистических государств, политику, которая соответствует интересам всех народов на континенте».

Социал-демократическая и либерально-буржуазная печать ФРГ по-деловому и обстоятельно комментирует итоги и документы Пражской встречи. Былой скепсис в некоторых газетах явно уступает место здоровому оптимизму: последовательная и аргументированная позиция социалистических стран обретает все новых сторонников.

На этом фона отклики правой печати звучат резким диссонансом. Оппозиционеры в бундестаге и бундесрате, в «черных» ландтагах, где правит большинство ХДС/ХСС, излагают свои очередные и внеочередные сомнения, опасения, страхи. И все это с единственной целью — исказить истинную позицию социалистических стран и спасти «атлантическую Европу».

Поскольку аргументов у правых явно на хватает, каждый изощряется как может. Шпрингеровская «Вельт» дала лишь короткое сообщение из Праги, причем воспользовалась услугами и формулировками даже не западногерманского агентства ДПА, а американского Ассошиэйтед Пресс. Зато «атлантической» речи посла Соединенных Штатов в Бонне Раша, отбывающего в Вашингтон, где он займет пост заместителя министра обороны, «Вельт» уделила куда больше места.

В Баварии в эти дни партия ХСС устроила цветное телепредставление из ландтага, где люди Штрауса метали громы и молнии против «восточных договоров», против разрядки напряженности в Европе. Аргументы? ХСС против «уступки германской государственной территории» Востоку, то есть иными словами, против признания существующих границ в Европе.

Если социалистические страны Европы, как вновь подтвердила Пражская встреча, единодушны в своем стремлении строить уже сейчас, без всяких проволочек и промедлений, континент мира, доверия и сотрудничества, то в ФРГ перед лицом этой проблемы происходит все более стремительное размежевание политических сил. Размежевание между теми, кто выступает за разрядку напряженности, ратификацию договоров с СССР и ПНР, исходит из национальных интересов страны, и теми, кто этими интересами пренебрегает.

Первых становится все больше. Вторых — все меньше. В этом — знамение наших дней.

**Владимир ЛОМЕЙКО,**
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

БОНН. (По телефону)

**30 января 1972 года войдет в историю Северной Ирландии как «кровавое воскресенье».**

**В этот день английские войска ураганным огнем обстреляли мирную демонстрацию в Лондондерри. Под пулями наемников-оккупантов пали 13 ирландцев. Несколько десятков человек были ранены.**

**— Я не видел за свою жизнь ничего подобного, — заявил член северноирландского парламента Айвор Кулер, принимавший участие в демонстрации. — Солдаты стреляли в беззащитных людей...**

**Трагедии Ольстера мы посвящаем сегодня материалы, публикуемые на странице 14-й.**

АТЛАС «ЛГ»

## ЗДРАВСТВУЙ, БАНГЛАДЕШ!

Как уже сообщалось, правительства Советского Союза и Народной Республики Бангладеш на прошлой неделе договорились об установлении дипломатических отношений на уровне посольств.

Новое государство, образовавшееся на полуострове Индостан, граничит с Индией и Бирмой (обе эти страны — а всего уже около двадцати — объявили о его признании). Территория республики чуть превышает территорию Греции, но по числу населения (75 миллионов человек) Бангладеш занимает восьмое место в мире и является одной из самых населенных стран Азии.

Евгений ЕВТУШЕНКО

### *Китайский матрос*

Я шел один Хайфонским
портом,
где кранов слышался
хорал,
где под китайским флагом
гордым
корабль надменно загорел.
Был на трубе плакатный
идол,
и проступало на борту
замазанное
«Мэйд ин Инглэнд»
сквозь ярко-красную
звезду.
Но я заметил, как человек
на верхнем деке, на краю
матросик вешал на веревку
тельняшку мокрую свою.
Был год до повса матросик,
матросик выглядел тощо —
полустарик, полуподросток,
но человек, живой еще.
Я сам не раз стирал
тельняшки,
и на авралах спину гнул,
и по моряческой замашке
ему вполглаза подмигнул.
Он огляделся воровато
и, убедясь, что никого,
мне подмигнул чуть
виновато —
мол, понимаешь, каково.
Потом лицо как бы
заснуло.
Он отвернулся и — молчок.
Но что-то в нем на миг
блеснуло,
как будто слабый маячок.
Я никогда в Китае не был —
не потому, что недосуг,
но мне матросик тот
не недруг,
хотя сейчас — увы! —
не друг.
Тот гордый флаг упал
так низко,
так складки все на нем
горьки,
когда по пальцам
пианистов
древком с размаху —
сопляки.
Неблагодарно оплевали
всю помощь Родины моей,
все то, что с кровью
отрывали
мы от своих — для их
детей.
И если был бы жив
Конфуций,
то, у обмана не в плену,
а каком бы горестном
конфузе
он оглядел свою страну.
Когда все молятся портрету
того, кто давит мысль
и честь,
единомышленников нету —
лишь соумышленники есть.
В аду казарменного рая,
где заморочили народ,
а народе правда вымирает,
но, умирая, не умрет.
Спасибо, худенький
матросик,
за твой опасливый подмиг,
за то, что ложь ресницей
сбросил,
пусть боязливо, пусть
на миг.
Народ ничто не уничтожит.
Проснется он когда-нибудь,
пока еще хоть кто-то
может
по-человечьи подмигнуть.

## ПЕКИН «НАВОДИТ ГЛЯНЕЦ»

**Пекинское руководство продолжает интенсивно готовиться к кульминационному пункту своего «нового курса» во внешней политике — визиту президента Никсона. Подготовка эта принимает такой лихорадочный характер, что зарубежные наблюдатели пишут о ней с нескрываемым сарказмом.**

*...Теперь в Пекине применяется новый способ исчисления времени: «до» или «после» визита президента Никсона. Китайские должностные лица по горло заняты приготовлениями. У дипломатических наблюдателей создается мнение, что все другие вопросы в данный момент решаются наспех или откладываются на более поздний срок.*

*Визит Никсона начнется всего лишь через несколько дней после весеннего праздника в Китае. Момент для визита выбран удачно, но это, конечно, рассчитано заранее. Всюду в Пекине, как и в Шанхае и в Ханчжоу, полным ходом идут приготовления, которые стараются представить в качестве обычной весенней «генеральной уборки». На Пекин будет наведен глянец, чтобы он стал максимально привлекательным. Так, например, в больнице, которая прежде называлась «Больницей борьбы против империализма», приемные для иностранцев обставлены замечательной старой китайской мебелью. На дверях — таблички с указаниями на английском языке, и даже медикаменты для этой секции больницы снабжены теперь английскими надписями.*

**Агентство ДПА (ФРГ)**

*За несколько недель до того, как президент Никсон должен прибыть в Пекин, примерно дюжине больших улиц в центре города потихоньку возвращены прежние названия, которые они носили в течение столетий до «культурной революции». Новая карта китайской столицы с названиями на китайском языке показывает, что все улицы, кроме двух, переименованные хунвэйбинами во время их шествия по городу осенью 1966 года, вновь получили старые наименования. Одна улица, которую должен увидеть президент, называется Ванфуцзин, или «Колодец резиденции принцев»: принцы императорской семьи обычно брали воду из находившегося на ней колодца. Сейчас эта улица — главная торговая артерия столицы, а на месте колодца находится здание газеты «Жэньминь жибао». Хунвэйбины назвали эту улицу Жэньминьлу («Народная улица»).*

*Только две улицы в городе — Антиимпериалистическая и Антиревизионистская — все еще сохраняют названия, данные им хунвэйбинами. Однако обе эти улицы не помечены на новой карте города: возможно, принято решение переименовать и их.*

*Посетителям в ряде ресторанов сообщили, что лучшие повара временно мобилизованы для того, чтобы готовиться к визиту Никсона.*

**«Крисчан сайанс монитор» (США)**

*Назначение на пост министра иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэя служит подтверждением существующего направления во внешней политике КНР, главным элементом которой является диалог с США. Новый министр играл первостепенную роль в подготовке визита Никсона в Пекин.*

**«Эко» (ФРАНЦИЯ)**

*— Нужно подмести: скоро гости придут...*

Рисунок из болгарского еженедельника «Стыршал»

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

**Как известно, на днях «лига защиты евреев» совершила в Нью-Йорке нападение на конторы известного импресарио Сола Юрока и компании «Каламбия артистс». В результате взрыва зажигательной бомбы погибла 27-летняя сотрудница Юрока — Айрис и 13 человек были ранены (сам Юрок пострадал от отравления ядовитым газом).**

## Говорит Сол ЮРОК

На другой день после бандитского налета сионистов наш корреспондент разговаривал с 83-летним С. Юроком по телефону.

— Как вы себя чувствуете, г-н Юрок?

— Спасибо, сейчас лучше, гораздо лучше!

— Кислородный прибор уже убрали?

— Пока нет, но я им уже не пользуюсь. Да, можно сказать, что я чудом избежал смерти.

— Если верить приметам, вы должны жить теперь до 150 лет.

— Я сделал бы это с удовольствием, как с удовольствием буду и дальше приглашать в Штаты советских артистов. Мне уже давно угрожали все те, кто против культурного обмена между нашими странами, — и «лига защиты евреев», и другие реакционные организации. Но то, что они сделали сейчас, это убийство, самое настоящее подлое убийство невинного человека. Я надеюсь, что убийц найдут и накажут. Во всяком случае, я получил заверения на этот счет и от городских властей, и от властей штата, и от госдепартамента. Мне звонят сотни людей, знакомых и незнакомых, пишут письма, присылают телеграммы, цветы. Квартира похожа на цветочный магазин. Все проклинают тех, кто совершил бандитское нападение...

— Насколько я понимаю, вы, не колеблясь, собираетесь продолжать свою работу?

— Несомненно. Я счастлив, что культурный обмен, который существует между нашими странами, не превращался, несмотря на бандитские выходки реакционных организаций. Мы работали вопреки всем угрозам. Американская публика знает теперь, что такое русское искусство, что такое искусство великого советского народа. Бандиты не смогли остановить нас, и я готов продолжить дело, пока у меня есть силы и пока я Советским Союзе хотят со мной работать. Если нужно, я готов прямо сейчас лететь в Москву договариваться о новых гастролях.

— Мы желаем вам скорейшего выздоровления и успехов в вашей благородной деятельности, г-н Юрок!

— Thank you! Спасибо!

**Генрих БОРОВИК,**
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

## Говорит Юрий ГРИГОРОВИЧ

Наш корреспондент И. Демьянкова попросила главного балетмейстера Государственного академического Большого театра Союза ССР Юрия ГРИГОРОВИЧА высказать свое мнение по поводу бандитского нападения «лиги защиты евреев» на Сола Юрока и его сотрудников. Вот что заявил Ю. Григорович.

— У меня не хватает слов, чтобы выразить свое возмущение в связи с этой вылазкой штурмовиков Кахане. Мой давний друг Сол Юрок во многом способствовал тому, чтобы балетная труппа Большого театра познакомила американцев с нашим искусством. Я неоднократно встречался с этим замечательным человеком. Его искренняя любовь к искусству, огромная энергия всегда вызывали и вызывают во мне чувство восхищения.

Соломон Израилевич, как мы называем его, вместе со своими сотрудниками всячески содействовал расширению советско-американских культурных связей. Именно благодаря Юроку американцы неоднократно встречались с ансамблем Игоря Моисеева, артистами ленинградского балета, не раз аплодировали советским солистам — Гизельсу, Вишневской, Когану, Ойстраху, Плисецкой и многим другим.

Юрок всегда сам присутствует на репетициях, просмотрах, он искренне волнуется вместе с актерами. Я припоминаю один характерный эпизод. Это было в 1966 году, когда я привез в Соединенные Штаты новую постановку «Щелкунчика». С каким нетерпением импресарио ждал откликов в газетах! И когда после спектакля прямо на банкете, куда были приглашены Васильев, Максимова и я, Юроку сообщили о блестящей рецензии на спектакль в «Нью-Йорк таймс», он, пожалуй, радовался больше, чем мы!

Мне говорили, что Юрок задумал провести предстоящим летом грандиозное мероприятие — своего рода фестиваль советского искусства. Тем самым он намерен и дальше способствовать укреплению советско-американских культурных связей.

Видимо, эта сторона деятельности Юрока и вызвала острую ненависть к нему со стороны сионистского хулиганья.

Теперь, судя по всему, молодчики Кахане решили запугать тех людей, которые содействуют расширению советско-американских культурных контактов. Этим и объясняется их бандитский налет на оффис Сола Юрока и компанию «Каламбия артистс».

Но я знаю Сола Юрока и его сотрудников: они не из пугливых.

## КОНЦЕРТЫ СОСТОЯТСЯ

Газета «Чикаго Сан-таймс» опубликовала следующее сообщение:

«Гастроли русских артистов в Чикаго состоятся, как запланировано, в феврале в оперном театре», — заявил антрепренер Гарри Зелзер. Он считает, что бомбы, брошенные в контору его нью-йоркского коллеги Сола Юрока, — дело рук «лиги защиты евреев», которую он назвал «фашистской». «На прошлой неделе два типа из этой «лиги» явились ко мне, — сказал Зелзер. — Я ответил отказом. Я заявил им совершенно категорически, что если кто-нибудь из них будет задержан в театре, то я подам на него в суд».

ХА-ХА!

## ДАЙТЕ ЕМУ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ!

В мире науки нарастает паника. Седовласые академики судорожно листают свои труды и при этом чувствуют себя полными профанами. Старших и младших научных сотрудников обуревают сомнения. Наука, а точнее — ядерная физика трещит по всем швам и стремительно скатывается в пропасть. Рушатся теории, стремглав падают концепции, в груду развалин превращаются формулы и принципы. Все смешалось в мире физики!

И причиной тому — одно лишь сообщение из Пекина: премьер Государственного совета КНР Чжоу Энь-лай заявил, что китайские ядерные испытания нисколько, ну даже на «мизинчик» (новый научный термин! — И. Г.), не засоряют атмосферу, так как китайская ядерная бомба абсолютно «чистая». Ну, а если на Японских островах возникла повышенная радиоактивность, так это «от лукавого». О радиоактивности китайской ядерной бомбы не может быть и речи!

Вероятно, на новое открытие Чжоу Энь-лаю будет выдан патент. Кто знает, может быть, ему даже присудят Нобелевскую премию. В конце концов, если Мао сумел перекрыть все рекорды по плаванию, то почему Чжоу не может сделать того же в науке?

**Иван ГЛЫБОВ**
(Из болгарской газеты «Народна младеж»)

**В наше время требования к хозяйственным руководителям неизмеримо выше, чем были прежде, и растут с каждым днем. «Жизнь непрерывно повышает требования и кадрам, — говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев. — Нам нужны люди, сочетающие высокую политическую сознательность с хорошей профессиональной подготовкой, способные со знанием дела решать вопросы развития экономики и культуры, владеющие современными методами управления».**

**Проблема непрерывного качественного улучшения управленческого состава в народном хозяйстве непроста и многогранна, пути ее решения различны. Один из таких путей — аттестация и систематическая переаттестация руководителей и специалистов. На важность этой работы Центральный Комитет партии указал еще два с половиной года назад. В его постановлении «О работе Иркутского обкома КПСС по повышению роли инженерно-технических работников в ускорении технического прогресса на предприятиях и стройках области», опубликованном осенью 1969 года, говорится: «Регулярно проводить переаттестацию инженерно-технических работников, оценивая их деятельность по эффективности выполненных разработок и организационно-технических мероприятий».**

**За это время накоплен известный опыт работы по переаттестации хозяйственных кадров, предприняты новые интересные начинания. В Ленинграде, например, учеными разработана и опробована на ряде предприятий система критериев оценки деловых качеств руководителей производства. Своеобразным методом переаттестации инженерно-технического и административного персонала является и система «Пульсар», предложенная львовскими учеными и экспериментально проверяемая сейчас на Львовском телевизорном заводе, о чем в свое время рассказывалось на страницах «Литературной газеты».**

**Публикуемая сегодня статья писателя А. Смирнова-Черкезова также посвящена этой проблеме. Возможно, некоторые наблюдения, суждения и выводы автора субъективны, спорны. Тем не менее, на наш взгляд, статья полезна для продолжения разговора на эту актуальную тему.**

# ЗОДЧИЕ

ФОТОРЕПОРТАЖ СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» АЛЕКСАНДРА УЗЛЯНА

**Можно ли, пользуясь стандартными строительными конструкциями, создавать великолепные произведения архитектуры! В Вильнюсе в Института проектирования городского строительства на этот вопрос отвечают утвердительно. Недаром работа зодчих института — авторов застройки микрорайона Жирмунай заслужила высшее признание — Ленинскую премию. Окрыленные успехом, литовские архитекторы, инженеры, конструкторы приступили к следующей работе. И вот уже в микрорайоне, который зовется Лаздинай, высятся кварталы красивых домов... И снова чертежи, и снова макеты. Рождается новый жилой массив Вильнюса — Караолинишкес.**

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ

# ПОДАВАЙТЕ ЗАЯВЛЕНИЕ, БОРИС ИВАНОВИЧ!

### СПОРНЫЕ ЗАМЕТКИ НА БЕССПОРНУЮ ТЕМУ

ВПЕРЕДИ, рядом с шофером, сидит Борис Иванович. Он все время молчит, неотрывно смотрит на дорогу, с утра хорошо расчищенную, а сейчас кое-где уже переметенную снегом. Я смотрю ему в спину, на его мохнатую шапку и думаю о нем.

От котельной, откуда мы едем, до Академгородка восемь километров. На такое расстояние она отнесена, чтобы не задымлять город сибирских ученых. Но не известно, надолго ли сохранится задуманная дистанция: все растет и растет Академгородок, и вширь и ввысь, отчего любовно сохраненные строителями широкие полосы девственного леса в нем уже не девственны, пооблысели, вдоль и поперек исчерчены дорожками. Смотришь, начнут строить дома и там, где божились не строить никогда...

Борис Иванович — главный инженер строительного управления. Он очень молод. Я вспоминаю себя в той же роли двадцать лет назад. Всего-то двадцать, а много нового у них появилось.

Нового?.. Сейчас вот ходил с ним по стройке, и мне вспомнился рассказ об индейском вожде. Привезли его в Чикаго и пытались удивить небоскребами и всякими там чудесами техники. Безуспешно. Ни один мускул не дрогнул на его каменном лице, как принято писать об индейцах. Но вдруг он увидел монтера с когтями на ногах, лезущего на гладкий телеграфный столб, и рот открыл от удивления. Так вот и я открыл рот, когда увидел, как здесь прогревают мерзлый грунт. Электропрогрев, паропрогрев, взрыв — на какие только дорогостоящие ухищрения не шли мы! А эти насыпали бурый уголь слоем 30 сантиметров, подожгли его и прогрели грунт на два метра в глубину...

Да, у меня тоже не дрогнул ни один мускул на лице, не знаю, каменном или там деревянном, пока не наткнулся на уголь, тлеющий под слоем шлака. Все здесь было, как и двадцать лет назад на работах по реконструкции заводских корпусов или таких же, как эта, котельных. Земля разворочена бессмысленно (так всегда кажется, если не знаешь проекта коммуникаций), а в траншеях и всюду, куда ни поставишь экскаватор, — люди с отбойными молотками и тысячелетней подругой строителя — лопатой. Тот же присохший бетон в дощатых ящиках, полураздавленных колесами самосвалов, та же щепа, тот же битый кирпич под ногами. Что тут нового?

А оно было. Признаюсь, знал о нем раньше, наблюдал на других стройках, а то бы пошире рот открыл. Не сравню его ни с чем другим новым в строительной технике. Ни с чем! Что там прогрев мерзлоты!

Новое на стройке было в том, как по ней ходил Борис Иванович и почему сюда приехал.

Зашел, например, в насосную, где еще не было насосов, да и вообще, кроме пола и потолка, ничего не было, и тотчас вышел.

— Тут запас сто дней, — сказал сопровождавшему его прорабу. — Пойдем, посмотрим вводы трубопровода, там запас нулевой.

Он ходил по «нулевым запасам времени»... Не так-то просто перевести этот новый строительный жаргон на общепонятный язык, но кое-что попытаюсь расшифровать, это нужно для дальнейшего.

Дело в том, что в Академстрое управляют производством по системе АККОРД. Создана она в одной из лабораторий Института гидродинамики Сибирского отделения Академии наук. Руководит этой лабораторией Юрий Александрович Авдеев, доктор технических наук.

Лет шесть тому назад Авдеев начал внедрять на стройках так называемое СПУ — сетевое планирование и управление. То была система, как говорят, «цельностянутая». В Америке ее называют PERT, во Франции — метод критического пути, есть и другие названия. Применял ее Авдеев на строительстве крупных объектов, и, надо сказать, часто с большим успехом.

Однако СПУ, как теперь ясно, — далеко не самая совершенная система. Во-первых, по сетевому графику можно было вести только один объект, а в строительных трестах их обычно десятки. Во-вторых, система не учитывала ресурсов треста — количества рабочих, механизмов, наличных и планируемых материалов и т. п. Ну, и довольно громоздкой была процедура обработки информации, необходимой для управления. Каждые две недели вычерчивали обновленные сетевые графики, размножали их, раздавали исполнителям целые бумажные простыни. А перед тем собирали информацию, передавали в лабораторию Авдеева, там кодировали ее, переносили на перфокарты и закладывали в электронную вычислительную машину, сокращенно — ЭВМ, что теперь, вероятно, и пояснять не нужно.

А вот АККОРД может охватить все объекты треста, находить наиболее экономичные режимы производства работ, для чего каждый ответственный исполнитель еженедельно получает оптимальный план. Одновременно сохраняются все достоинства СПУ, и из них главное — возможность сосредоточить внимание руководителей на работах, которые нельзя отложить на завтра (нулевой запас времени), если не хочешь опоздать к заданному сроку.

Та же котельная — объект очень небольшой для Академстроя, но и он «попал в сеть», а когда ЭВМ выдала нулевые запасы времени по некоторым работам, Борис Иванович был вынужден заняться ими, поэтому сюда и приехал.

И сама процедура пересчета сетевых графиков очень упростилась. Всю новую информацию передают по телетайпу прямо на ЭВМ, и в ответ она тут же печатает колонку цифр. Борис Иванович обсуждал их с прорабом, и я спросил: а где же сам сетевой график?

— Он там, остался в памяти машины, — сказал Борис Иванович. — А тут выписано из него все, что нам нужно.

Куда как просто!

По системе АККОРД, кроме Академстроя, работает такой мощный трест, как Челябметаллургстрой, по ней сооружают крупную атомную электростанцию под Ленинградом, есть и другие заказчики у Авдеева, не менее солидные. Система, таким образом, проверена практикой и, что особенно примечательно, действует без всякой помощи и опеки лаборатории.

В АКАДЕМСТРОЕ АККОРД — привычные будни, такая же естественная необходимость, как, скажем, телефон. И когда я спросил Бориса Ивановича, почему, по его мнению, АККОРД не привит на всех тех стройках, где применяют сетевые графики — а их сотни по статистике Госстроя СССР, — Борис Иванович только пожал плечами. Для него такого вопроса не существует, он инженер и делает свое инженерное дело. А я? Я журналист, и для меня такие вопросы — суть и смысл моего журналистского дела.

Так вот, со всей ответственностью я заявляю: непостижимо, что АККОРД не стал естественной необходимостью для всех трестов, подведомственных Госстрою СССР! Непостижимо, что Управление научно-исследовательских работ и новой техники Госстроя, не изучив опыта Авдеева, с порога отвергло АККОРД.

Неужели только потому отвергло, что оно нашенское? Не нашим, специально предназначенным проектно-исследовательским институтом — Гипротисом — разработан этот АККОРД, а поэтому — фи! ерунда какая-то! Неужели в столь важном государственном деле, на столь высоком уровне — столь мелкое, чванливое «сами с усами» — мол, кто там из провинции смеет поучать нас, многоопытных столичных инженеров! Нет, не верится мне, надо полагать, причина в другом. И, по-моему, — в непонимании. Увы...

Руководят управлением первоклассные инженеры. За плечами у них большой опыт руководства крупнейшими стройками страны, опыт разработки оригинальных строительных конструкций и технологических методов производства работ. Их авторитет в этих областях строительного дела бесспорен, и никто не скажет, что техническая политика Госстроя СССР отдана в неумелые руки. Но... Есть одно «но», уважаемые товарищи из Управления научно-исследовательских работ и новой техники. Занимайтесь на здоровье своей новой техникой, но новой строительной, а вот право решающего голоса в оценке новых кибернетических систем управления, право давать направление изысканиям и разработкам в этой области вы должны уступить. Набраться гражданского мужества и уступить другим людям.

Прошу прощения, что сошлюсь на себя. Ни в коем случае не осмелюсь поставить себя на одну доску с вами, но у меня тоже есть опыт работы на стройках и в проектных организациях, и не такой малый, почти двадцатипятилетний. Говорю это с единственной целью — сделать признание, не очень лестное для меня, зато откровенное и, я уверен, имеющее не только личное значение.

Вот уже много лет я наблюдаю за работами Авдеева и его сотрудников, с десяток раз ездил с ними на стройки, где они вводили сетевые методы управления, раз двадцать, если не больше, слушал лекции Авдеева, садился за книги по экономико-математическим методам, по кибернетике, освежал в памяти математику и изучал новые ее разделы. В результате как будто неплохо разбираюсь в сетевых графиках, но вот АККОРД понять не могу, чем всегда очень раздражаю Авдеева, человека довольно спокойного.

Не могу... Я видел АККОРД в действии, знаю, для чего он нужен, как им пользоваться, но, так сказать, внутренняя механика АККОРДа, его математическая подоснова лежат за порогом моего понимания.

О, этот порог! Как легко переступают его молодые умы, переступил тот же Борис Иванович — типичный представитель новой инженерии. Настолько типичный, что, будучи не вымышленным, подлинным лицом с этим именем, в моем воображении он сливается с десятками других молодых инженеров, с которыми я познакомился в последние годы на стройках и заводах. И вот отчетливо, внутренним зрением вижу то качество его ума, которое позволило ему легко, как к себе домой, войти во все эти автоматизированные системы управления, АСУ, где я, теперь уже до конца дней своих, буду чувствовать себя, как в доме чужом.

И обиднее всего, что мой жизненный и трудовой опыт, все, что я помню и знаю о производстве, о строительстве, ничем не может помочь мне. Наоборот, именно опыт и знания сковали мой мозг и не дают ему перестроиться на новый лад.

Единственно, чем могу похвалиться, — это пониманием, что новые системы управления не просто продолжение, не просто усовершенствование методов управления старых, традиционных. Ни в коем случае!

Если техника производства от рычага первого рода до автоматической линии, то есть с древнейших времен и до наших дней, развивалась в единственном направлении — усиления физической мощи человека, то с пятидесятых годов нашего столетия она пошла еще и по второму пути — по пути усиления мощи интеллектуальной. Открытие новой науки — кибернетики, изобретение ЭВМ произвели переворот в технике, в том числе и, возможно, в первую очередь — в управлении производством. Очень многие мои сверстники, однако же, такого переворота не желают признавать.

Впрочем, «не желают» не совсем те слова. Скажем, я вот признаю, а кому от этого жарко или холодно? Вот ежели бы я работал в каком-нибудь министерстве или в том же Госстрое, тогда иное дело. Тогда бы мне пришлось вслед за признанием переворота в технике управления перевернуть кое-что и даже многое в собственных мозгах. А я уже сознался, что не способен к этому, что мне уже безнадежно поздно совершать такие перевороты. И по моим наблюдениям, не многие специалисты проявляют такую способность после пятидесяти. Так что дело не только в желании или нежелании...

А теперь, уважаемые ветераны Управления новой техники, скажите, что у вас все иначе, чем у меня, что вы умеете пользоваться ЭВМ не хуже, чем логарифмической линейкой, что программу «Сигма» системы АККОРД вы прочли бы так же легко, как чертеж доменной печи, что математическая формализация процессов управления вам дается так же просто, как формализация нагрузок на подкрановую балку.

Если вы скажете это, я соглашусь с тем, что вы поступаете правильно, отвергая АККОРД. Соглашусь и с тем, что было просто наглостью мое утверждение, будто для руководства внедрением автоматизированных систем управления нужны другие люди.

И еще скажите, пожалуйста, уважаемые товарищи, что на ваших стройках применяют сетевые графики по системе, разработанной Гипротисом и более передовой, чем АККОРД. Если вы скажете и это, то... Нет, теперь уже я с вами не соглашусь. Извините, не могу. Потому что никакой системы Гипротиса нет. Есть та же самая «цельностянутая» кибернетическая система, из которой... выброшено все кибернетическое.

Поэтому стройку, имеющую сетевой график на стене, внести в приятную статистику, показать в отчете о применении новых, научных методов управления, конечно, можно, но вот утверждать, что они принесли там какую-то пользу, было бы некоторым преувеличением. Впрочем, степень такого преувеличения никто измерять не станет. Да и невозможно измерить.

...В заключение обращусь к вам, Борис Иванович. Поведаю, о чем я думал, едучи с вами в «газике». Послушайте, подайте заявление в Госстрой СССР. Вас наверняка примут туда на работу. Скажем, на должность начальника Управления строительной кибернетики. Там, правда, такого управления пока нет, но, думаю, создадут, не могут не создать! Ну и что ж, что вы молоды? Научно-техническая революция требует притока свежих, молодых сил, новых талантов, людей, по-современному образованных, понимающих суть тех проблем, которые эта революция перед нами ставит...

Подавайте заявление, Борис Иванович!

# УКРОЩЕНИЕ БУМАЖНОГО ПОТОКА

### ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, КАК ПОЛЕЗНО РУКОВОДИТЕЛЮ ЗАДАТЬСЯ ВОПРОСОМ: «ПОЧЕМУ И ЗАЧЕМ ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?»

ЭТИ заметки меня побудила написать статья доктора экономических наук В. Терещенко «Руководитель и пять «почему» («ЛГ», № 36, 1971). Интересно было читать, и прав автор, говоря, что для борьбы с «управленческим «отложением солей» руководителю следует почаще себя спрашивать: «Почему и зачем это делается?».

В частности, очень важно освобождать руководителя от той работы, которую его помощники могут выполнить быстрей и квалифицированней. Да, и квалифицированней. Не побоюсь утверждать, что помощники по управлению каждый в своей области должны быть более компетентными, чем даже их начальник. И плох руководитель, если он не умеет или опасается подбирать и воспитывать таких людей.

Динамичность производства все возрастает, и видеть его «от ворот до ворот» руководителю уже не под силу. «Окно» для личного обзора, личного наблюдения за ходом производственных событий сужается. Зачастую компенсировать это обстоятельство пытаются примитивно. Усложняют оперативные сводки, увеличивают их объем. Даже новейшие табло в системах автоматизированного управления нередко несут избыток необобщенной информации. Новое вино вливается в старые мехи...

Но есть ли иные пути «обуздания» информационных потоков? Да, есть, и тут я хочу рассказать о весьма перспективном поиске таких путей на Калужском комбинате синтетических душистых веществ. Руководитель предприятия Е. Г. Золотарев решительно поддержал энтузиастов этого поиска.

На комбинате отказались от традиционных директорских сводок, наполненных сотнями показателей. При всем множестве цифр они зачастую не показывали сложных и важных взаимосвязей, вследствие которых вчерашние хорошие результаты могут завтра превратиться в плохие. Давать на основе такой сводки оценку производственным событиям — это и непосильный, и малоэффективный для руководителя труд.

Попробовали иначе. Теперь на директорский стол кладется лишь краткая информационная справка. Она предельно лаконична. Это не «мешок» с данными, характеризующими производство, а интегральное целое — итоговая оценка состояния производства. Используются новые понятия «норма», «нормально». Причем в понятие «норма» входят не только «100 процентов и более», но и «100 процентов и менее», если отклонение несущественно и если в ближайшее время оно будет исправлено и ничто не мешает дальнейшей *успешной* работе. Однако если цех вынужден работать по графику, согласно которому требуется ежедневное выполнение плана на 101 процент, то стопроцентное выполнение не будет оценено как «норма».

Информационная справка, поступающая к директору, имеет, для примера, такой вид: «Прибыль, реализация, сырье, цеховые показатели — норме. Продукт «А» с начала периода — норма, текущее производство — минус 3 процента: из-за задержки подачи кислоты». Коротко и ясно.

Интересно, что иначе стали работать и помощники. В нашем примере руководитель службы снабжения уже не ждет от директора запроса «в чем дело?», а сам докладывает, допустим, так: «К полудню положение будет исправлено». Или: «Нужно ваше распоряжение транспортной службе».

Право на передачу «вверх» информационной справки имеют только действительно квалифицированные помощники, наделенные доверием руководителя. Они принимают на себя ответственность не только за итоги, но и за вероятное развитие событий. У них укореняется привычка самостоятельно решать вопросы, входящие в их компетенцию, а не ждать запросов и решений сверху по любому, даже мелочному поводу.

Как теперь складывается рабочий день директора? Он приходит с тяжелым «портфелем» забот и планов, новыми исканиями, замыслами. Дел очень много. Утренние часы наиболее производительны, их надо использовать рационально. Познакомившись с краткой информационной справкой — оценкой производственных событий, руководитель использует дальнейшее время по своему усмотрению, по обдуманному плану. Ему не нужны сумбурные совещания с массой людей, которые в течение часа или двух пытаются «настроить» производство, сидя подальше от него на кабинетных «планерках», или «пятиминутках».

Подробные материалы поступают к директору вместе с очередными докладами заместителей и руководителей отделов раз в 5—10 дней — судя по обстановке. Конечно, развернутую сводку можно передать директору и раньше, но только в виде приложения к информационной справке. Он заглянет в сводку, если в том возникнет нужда.

Схема такой оценки производственных ситуаций и событий была предложена Калужским комплексным отделом Государственного института по проектированию предприятий жировой промышленности (Гипрожир) и внедрена благодаря энергичной помощи управления комбината, сотрудники которого удачно нашли критерии для оценки «норма». Причем поначалу информационные справки на всякий случай дублировались традиционными сводками. Когда же директор полностью убедился в преимуществах нового метода, надобности в этом уже не стало.

**К. КУСМАУЛЬ,**
главный специалист института Гипрожир

КАЛУГА

# КНИГА СТА АВТОРОВ

**Воздух места познаешь в то мгновенье, когда выходишь из самолета на трап. Помню за последние месяцы внезапный запах хвои на аэродроме Сыктывкара, дуновение полыни в Нукусе и газовый привкус Кузбасса. Там, в индустриальном сердцевине Сибири, мы сильно потеснили природу. Именно там-то и возникла нужда в такой книге: «Свидание с природой». Пастораль флейты среди гудения меди и грохота ударных.**

**Я только что видел в Кузбассе первоклассные заводы, образцовые клиники, стеклянные двери в отелях. Грандиозна панорама Запсиба: гигантские черные конструкции на снежном просторе, слепящие клубы пара сквозь летучее мерцанье мороза. А кругозор с горы, от выщербленных стен Кузнецкой крепости! Внизу новый мост через Томь, над домиком Достоевского — мельканье электричек, по горизонту сплошь огни и трубы. Но трубы источают дым, и он стелется над многоквартирным жильем человека.**

**Человек раскрывает эту книгу и читает о тихих заводях на Томи, о тетеревиной охоте в тайге, о весенних рощах, о цветах на балконе. Отвлечение, напоминание — и призыв к разуму! Не скупитесь же на газоуловители, фильтруйте вредные воды, не вырубайте лесá, взрастите сады!**

**Книга, на мой взгляд, составлена отлично. Ее написали краеведы, ученые, журналисты, педагоги, инженеры, лесничие, садоводы, охотники — сто авторов, сто нежных душ. Очерки и статьи, заметки и советы, стихи и справки, фотографии и схемы — все это смешано остроумно, но строго. Ничто не затянуто, и ничто не навязано. Ничто не манерно, и ничто не скучно. Полноценный и пленительный образ сибирской природы.**

**Призыв сдержанный — и тем более действенный. Книга не твердит прописи: «Берегите природу». Не укоряет. Она молчит о наших грехах. Но это очень громкое молчание.**

**Н. Н. МИХАЙЛОВ**

**«Свидание с природой». Составитель Н. Зеленин. Кемеровское книжное издательство. 1971.**

МАГАЗИН № 84
«Дом политической книги»
ПРЕДЛАГАЕТ
следующие издания
Смирнов А. Д. [illegible] хозяйственного [illegible] (Очерки теории). «[illegible]ономика». [illegible]. Цена [illegible] к.
Основы научной организации труда. «Экономика». 1971. Цена [illegible].
Изучение [illegible] личные семьи. [illegible] Волкова [illegible]
[illegible]
Адрес магазина: Москва, [illegible]

# ОПЕРАЦИЯ «ЗЕЛЕНЫЕ ГЛАЗА»

А. РУБИНОВ

## БИОГРАФИЯ ПАССАЖИРА

8 декабря 1971 года в 18 часов 06 минут на Ульяновской улице, возле Астахова моста, произошло событие особенное. Ехавшая на большой скорости с зеленым огоньком новая «Волга», увидев глядевшего на нее прохожего с поднятой рукой, проворно перестроилась из третьего ряда, подкатила к тротуару. Водитель, не задавая вопросов, позволил пассажиру усесться и, судя по всему, готов был ехать в любом направлении. В любом!..

Не случайно оказавшийся здесь ответственный работник Управления таксомоторного транспорта пришел в восторг, просил корреспондентов «Литературной газеты», находившихся здесь также не случайно, записать номер машины и фамилию водителя. Корреспонденты тоже умилились и стали записывать в два блокнота, а «виновник» торжества имел вид нового чемпиона, у которого нет больше сил скрывать радости, или выглядел капитаном команды КВН, которая на глазах у миллионов стала победителем.

Корреспонденты с опозданием спохватились: а чего выдающегося совершил таксист-чемпион? Выказал готовность исполнять свой служебный долг? Эка невидаль! Совсем остыв, корреспонденты обнаружили, что победитель даже не исполнил наставления: не ответил на «здравствуйте» нашего пассажира, хотя именно водителю предписывается произносить приветствие первым... (Другое дело, что этот пункт «Памятки по культуре обслуживания пассажира» не кажется нам вполне уважительным по отношению к шоферу: в конце концов первым здоровается тот, кто входит в дом, а не хозяин.)

Это был первый и единственный случай, когда участники операции «Зеленые глаза» дали волю своим эмоциям. На протяжении всего месяца, с 7 декабря по 7 января, пока длился эксперимент, они, изучая работу московского такси, старались быть спокойными и объективными, как футбольные рефери, которые ни за кого не болеют и, конечно же, никому не подсуживают.

Великодушно забыв свои обиды на таксистов и неблагодарно вычеркнув из памяти те случаи, когда они нас выручали, мы вышли на московские улицы,

как марсиане из старых фантастических романов, которые не знают, что такое автомобиль в шашечку по бортам, и которые не читали в газетах умилительных заметок о «машинах с зеленым глазком».

Прежде чем приступить к операции, мы провели предварительный эксперимент: узнали, кто пользуется такси и в каких случаях им пользуются. На пяти самых бойких стоянках, которые нам назвали в Главной диспетчерской, — на Комсомольской площади, у Малого театра, во Внуковском аэропорту, у ГУМа и на площади Курского вокзала, — мы, представившись, спросили ожидавших: почему из всех видов транспорта они выбрали такси?

Вот десять первых ответов, оставшихся на магнитной ленте:

**1. На видите, что ли: с чемоданами. С поезда. Как с ними в Бескудниково дотащиться?**

**2. Заболел что-то... Сердце... Автобусом тяжело.**

**3. Ой, ужасно волнуюсь. Понимаете: ребенка оставила с соседной. На работу ездила — отпуск продлить. А мне кормить скоро. Уже, наверное, проснулся. Такси! Такси!..**

**4. Ты лучше скажи: до Рязанского вокзала сколько денег будет стоить?.. Напротив?.. Там же написано: «Казанский»... Говоришь, все одно? А не шутишь?.. Настя, слышь, Настя, не надо ехать. Вон он, вокзал, напротив. Через дорогу. Бери узлы.**

**5. На совещание. Опаздываю.**

**6. На самолет. В Ташкент лечу.**

**7. Проспал. Пятнадцать минут до смены осталось. А до «Красного Октября» знаете каково ехать!**

**8. В Москву. Гостиница заказана — «Будапешт». На такси и легче, и интересней. Первый раз в Москву. На окна посмотрю.**

**9. Черемушкинский рынок. Мне на Центральный. По дорогу решу. У меня товар нежный — цветы. Мороза боится.**

**10. Ха-ха-ха!.. И вы напечатаете, куда я спешу? Ха-ха.**

Нам показалось, что у каждого пассажира были веские причины, чтобы избрать самый скорый и удобный вид городского транспорта: у заболевшего человека и проспавшего работника, у гостя и кормящей матери, даже у того, кто спешил на свидание... Почему, действительно, не спешить на свидание?

Потом у ста будущих пассажиров (по двадцать на каждой из пяти стоянок) мы спросили их профессию. Машину ожидали: 36 рабочих, 32 инженерно-технических работника, 11 колхозников, 9 служащих, 7 пенсионеров, 3 домашние хозяйки, 2 студента.

Иными словами, и наш опрос подтвердил, что такси пользуются все. Впрочем, об этом еще убедительнее говорит официальная статистика: в Москве такси перевозят в год 200 000 000 пассажиров. Всего лишь втрое меньше, чем старый друг трамвай! Именно то, что такси является общественным транспортом миллионов, обязывает дать оценку тому, как этот вид транспорта работает, — основываясь не на личном опыте и собственных эмоциях, не судя поспешно по отдельным случаям, а при помощи объективных измерений.

## ЖЕНЩИНА С РЕБЕНКОМ

«Литературная газета» не стала делать секрета из своего намерения. Об операции «Зеленые глаза» было поставлено в известность Управление таксомоторного транспорта и легковых автомобилей. Больше того, оттуда был приглашен полномочный представитель. Вместе с ним 7 декабря в 17 часов еще четверо участников выехали на московские улицы.

...На морозном ветру возле входа в сад ЦДСА на площади Коммуны стояла припорошенная снегом женщина с ребенком. Она сошла с тротуара и с поднятой рукой двигалась навстречу каждой машине с зеленым глазком. Женщину с грудным ребенком нельзя было не заметить — пренебрегая опасностью, она временами выходила на середину дороги.

Чтобы никто не упрекал нас в том, что мы ради эксперимента не щадили в ненастье грудного младенца, надо сразу сказать, что

ребенка не было... «Подставная» женщина бережно держала пустое одеяло.

Первой по голой площади мимо одиноко стоящей на дороге зябнущей женщины с «ребенком» промчалась свободная машина 45-66 ММЛ. Она сделала лихой разворот и скрылась на Селезневской улице. То же самое повторили водители машин 12-45 ММТ, 22-00 ММЛ.

Последний водитель рискованно пронесся буквально перед носом, словно бы говоря: не суйся — задавлю. Четвертая машина остановилась — 07-49 ММТ, но шофер вместо положенного «здравствуйте» сказал запрещенное: «Куда надо?»... На тротуаре, наблюдая за происходящим, стояли участники эксперимента. Когда промелькнул десяток «зеленых огоньков», все сели в редакционную «Волгу» и, озябшие, неподатливыми пальцами составили и подписали акт № 1:

**«С 17 часов 35 минут по 17 часов 50 минут 7 декабря, находясь на площади Коммуны, возле входа в сад ЦДСА, женщина с ребенком пыталась остановить свободную машину такси. Согласно правилам уличного движения остановка автомашин в этом пункте допускается.**

**Из десяти проехавших свободных машин такси остановились 5 машин:**

| | |
|---|---|
| **07-49 ММТ** | **05-00 ММТ** |
| **03-14 ММТ** | **38-37 ММЛ** |
| **19-09 ММЛ** | |

**Проехали мимо, не остановившись 5 машин:**

| | |
|---|---|
| **45-66 ММЛ** | **58-42 ММТ** |
| **12-45 ММТ** | **66-64 ММЛ».** |
| **22-00 ММЛ** | |

Акт подписали шофер Э. Д. Стоянов, заместитель начальника службы движения управления таксомоторного транспорта и легковых автомобилей Т. М. Горбунов, сотрудник «Литературной газеты» С. Миткин и автор этой статьи.

Забегая вперед, должен сказать, что по меньшей мере половина шоферов, оказавшихся в поле эксперимента, нарушила свою обязанность, о которой говорит пункт № 20 Инструкции шоферу легкового такси: **«Во всех случаях следования с невключенным таксометром при поднятии пассажиром руки остановить автомобиль для обслуживания, не нарушая при этом Правил движения».**

Половина шоферов нарушает правила? Нам показалось это неправдоподобным, случайным, и, отступив от плана, решили опыт повторить.

На этот раз женщина с «ребенком» стояла на Новослободской улице, возле дома № 12. Первая же машина — 86-70 ММТ — остановилась. Но водитель В. И. Шаталов не поглядел в сторону возможных пассажиров. Запер дверцу и ушел. Его остановили: «Не повезу — мне в ателье...»

Вопреки ожиданиям акт № 2 дал еще худший состав «десятки». Остановились четыре машины, но готовы были принять пассажира с ребенком всего три водителя — один спросил запрещенное «куда?», другой пошел в ателье, и вовсе промчались мимо пять: 64-73 ММЛ, 19-91 ММЛ, 17-17 ММЛ, 03-19 ММТ, 32-80 ММЛ.

30 процентов? Ну, если не придираться — сорок? Мы постояли еще немного. Подошла машина 12-86 ММЛ, но шоферу не захотелось ехать к Библиотеке имени Ленина, и вместо женщины с «ребенком» он взял юношу и девушку, которые устраивали его больше. Водитель машины 18-01 ММТ, узнав про мечты о библиотеке, вообще ничего не сказал, со стуком захлопнул дверь и поехал, напрасно соблазняя «зеленым глазом».

Итого 4:8 не в пользу пассажира...

Третья же «десятка» была прекрасной — 10:0! Все десять свободных машин, остановленных пассажиром-мужчиной на Комсомольском проспекте (на стороне, ведущей к центру), готовы были ехать вперед, к Библиотеке имени Ленина. Нас это очень обрадовало, но, по правде сказать, несколько беспокоило то, что наши интересы целиком совпадали с интересами водителей — был тот час (с 19 ч. 25 мин. до 19 ч. 45 мин.), когда машины, отвезя с работы пассажиров на Юго-Запад, мчались по опустевшим улицам. Нигде не видно было «голосовавших», машины томились на ближних стоянках.

Допустить такой вывод позволяет четвертая «десятка». На этот раз наша группа стояла там, где у водителей был выбор, куда ехать, — на Садовом кольце, у дома № 8 на Мало-

Колхозной площади. Возле осевой бешено неслись «зеленые огоньки» — мы их не считали: не успевали даже прочесть номер. Из десяти свободных машин, проехавших поблизости, остановилась лишь одна — 1:9. А в этот час, как сообщили по телефону из Главной диспетчерской, по Москве курсировало 10 600 такси. С нами вместе полчаса голосовали настоящие пассажиры — не участники эксперимента. Надеясь, что машина затормозит, они кидались к ней наперегонки. Возвращались раздосадованные: «зеленые глаза» проносились мимо них горделиво, как курьерский поезд минует какие-то мелкие пригородные дачные платформы, где стоят люди с цветами.

## «ПОГОНЯ»

А почему «зеленые огоньки» проносятся мимо? Может быть, у них есть на то свой резон, который пассажир напрасно не принимает во внимание? Выяснению этого была посвящена та часть операции, которую можно назвать «Погоня». Решено было идти следом за свободным такси, которое не взяло пассажира, чтобы узнать, почему водитель оставил его на тротуаре. И пользоваться тем же методом «десяток». 8 декабря состоялось десять «погонь».

В 14 часов 30 минут на Цветном бульваре машина 02-02 ММТ, чуть не задавив выбежавшего ей навстречу человека, проскочила мимо. Мы помчались следом. Надо отдать должное таксисту: он ехал превосходно! Ловко пробирался в междурядье, срезал углы, мгновенно реагировал на малый шанс и — ушел от нас. Мы предположили: поехал в парк. И действительно, такси со знакомым номером мы застали в парке у мойки, где огромные щетки мыльным раствором в мгновение ока начищают грязные машины до первозданного блеска.

Тут выяснилось, что шофер Н. И. Фоменков не имел решительно никакого права проехать мимо человека, который столь настойчиво давал ему сигнал остановиться: оказывается, водителю захотелось уйти домой пораньше больше чем на час. Интересно, что бы он сказал, если булочная, ателье, метро тоже вдруг решили бы «пошабашить» на час с четвертью раньше? Н. И. Фоменков оправдывался неуверенно: «Не заметил».

Обо всем этом был составлен очередной, пятый акт, который подписали все те же. Надо наконец отметить роль представителя управления — заместителя начальника службы движения Т. М. Горбунова: понимая, что это наносит урон его учреждению, он, однако, был беспристрастен, справедлив и не пытался выгораживать виновников. Конечно же, ему труднее всех было скреплять акты своей подписью.

Вот о чем рассказывают следующие акты. Водитель Я. Ф. Матвеев (23-73 ММЛ) на Неглинной улице не взял пассажира, которому надо было ехать к Земляному валу, но выбрал другого, подходившего ему: на Ленинский проспект. Причина? Хотел заскочить в парк, отвезти документ. Можно ли было это сделать сегодня утром или завтра вечером? Да...

Шофер В. Г. Тимощев (28-42 ММТ) тоже «не заметил» пассажира на Кадашевской набережной и тут же поехал к гостинице «Россия». Видимо, лучше идти порожняком, но зато

найти более подходящего пассажира. Тут выяснилась любопытная деталь: водитель оканчивал работу в 18 часов, а на лобовом стекле сообщалось другое: в 17 часов. О том, как попал к нему столь удобный для отпугивания нежеланного пассажира трафарет, водитель, конечно, не знал...

Почти на час раньше прекратил свой рабочий день Ю. И. Колотов (64-24 ММЛ). За два часа до конца смены не захотел ехать в Кузьминки, но выбрал пассажира, которому нужна Беговая улица, тов. Калачев (37-98 ММТ). Больше чем на час раньше «пошабашил» А. А. Луценко (80-21 ММТ). С машины 59-50 ММЛ милиция справедливо сняла номер (хотя это надо было ради безопасности на дороге сделать гораздо раньше) — потерлось, стало непрозрачным ветровое стекло, и потому шофер Н. Н. Дубовиков, напрасно светя зеленым, возвращался раньше времени в парк. Водителя В. Я. Логинова (63-09 ММЛ) не интересовали пассажиры с улицы Горького — сделав холостой пробег, он приехал за более подходящими пассажирами на Белорусский вокзал.

Не глядя по сторонам, бойко ехала в прекрасной новой «Волге» А. А. Колосова (55-41 ММТ). Оказывается, через полтора часа после выезда она решила пообедать. Почему бы не сделать это до работы? Ведь в 18.40 такой спрос на такси! А. А. Колосова дала объяснение гурмана: она 22 года обедает «нигде, кроме как в «Закусочной» на Пушкинской улице возле Столешникова переулка, а та в 19.00 закрывается». Это объяснение было бы даже элегантным, если бы оно оказалось правдивым: «Закусочная» закрывается в 21 час. И работает по такому расписанию чуть ли не столько лет, сколько там, и «нигде, кроме», обедает А. А. Колосова.

Десятой была машина 02-89 ММТ. Она с «зеленым глазком» уверенно промчалась по Сретенскому бульвару мимо леса поднятых рук. Потом «походка» «Волги», за которой мы неслись след в след, стала на какое-то время неуверенной — то нам показалось, что шофер норовит вырваться влево, то, почудилось, вправо. Потом «почерк» опять стал твердым — и до самой бензоколонки на Трубной улице. Поздним вечером, когда в баках еще оставалось горючего на добрых сто километров, водитель решил пополнить запас бензина. Похвальная предусмотрительность молодого водителя В. М. Жильцова... Все, однако, быстро разъяснилось: стоявший рядом шофер того же парка тов. Хубецов (01-44 ММТ), к которому у нас особых претензий нет (был лишь несколько грубоват), все объяснил:

— Из газеты? А мы вас ждали завтра...

Нас узнали... Но к тому времени нам было известно, что все десять «зеленых огоньков», которые пренебрегали возможным пассажиром, не имели на это права.

## КАК НАБИРАЮТ ЭКИПАЖИ

Нас узнавали еще многомного раз. Но этого, вероятно, было не избежать. Третьей частью эксперимента явилась анкета, которая сделала проверку совсем открытой.

На уже упоминавшихся пяти самых бойких стоянках мы раздали стоявшим в очереди по сто анкет, отпечатанных на почтовой открытке с адресом газеты.

**Уважаемый товарищ!**

**Редакция «Литературной газеты» проводит широкое изучение работы такси, надеясь этим содействовать улучшению обслуживания пассажиров. Вы окажете нам помощь, если ответите на следующие вопросы:**

**1. Долго ли Вы ожидали такси? . . . . минут.**

**2. До какого пункта от (название стоянки), где наши сотрудники вручили Вам открытку, Вы ехали? . . . . . (пожалуйста, укажите название улицы или магазина, вокзала, театра и т. д.)**

**3. Сколько Вам эта поездка стоила? . . . руб. . . . . коп.**

**Ответив на вопросы, опустите, пожалуйста, эту открытку в почтовый ящик.**

**Заранее признательны.**

Анкету принимали поразному: одни — с интересом, другие — с недоверием, но самый большой интерес неизменно проявляли к ней почему-то те, кто заключал очередь. Этими последними всегда были мужчины, и стояли в очереди они как-

то необычно — почти совсем рядом, но не сливаясь. Подходившие спрашивали:

— Вы последний?

Один за всех тоже спрашивал в ответ:

— А вам куда?

И тут же кто-то из этих последних уходил с новичком прочь от стоянки.

То оказались шоферы. Орудуя в хвосте очереди, они выбирали подходящих пассажиров, набирая «экипажи».

Пятьсот анкет небольшими частями раздавались в течение всего месяца. Распредели мы их в один раз — анкета, возможно, отразила бы какую-нибудь исключительную ситуацию. Мы отлично понимали, что анкета и без того несовершенна. Некоторые измученные ожиданием пассажиры взбадривались, откровенно обещали путать анкетой водителя: дескать, возьмешь лишнего — напишу. И помахивали открыткой. Да и не могли водители не обратить внимания на белые карточки в руках каждого пассажира. Наверняка среди них были и просто общительные люди. Один водитель 4 января похвастался нам, что пассажиры подарили ему две анкеты. Нельзя было рассчитывать, что все 500 открыток придут в редакцию. Для обычных обстоятельств социологи считают нормой возвращение одной трети анкет. Но мы раздавали их на вокзалах, в аэропорту — всем подряд, иногда их получали перегруженные вещами, уставшие от дороги транзитные пассажиры, не знающие московской географии.

Тем не менее почти треть анкет все же вернулась. На первый вопрос они в состоянии дать верный ответ.

Самый скорый, самый удобный городской транспорт приходится ожидать больше всего! Дольше всего томятся люди у Курского вокзала и ГУМа (где лишь в последнее время сняли трафарет, но стоянка по-прежнему действует). У вокзала ни один пассажир не уехал раньше, чем через десять минут. Три четверти ждали на морозном ветру полчаса и больше. Здесь поставлен и абсолютный рекорд — два часа! Средняя продолжительность ожидания у ГУМа — сорок минут. Здесь немало тех, кто ждет машину больше часа. У Малого театра надо стоять в среднем 30 минут, на Комсомольской площади — 25.

При всех несовершенствах анкеты можно сделать и второе заключение, подсказанное ответами на два остальных вопроса. Большинство таксистов работают честно и добросовестно, но не так мало и тех, кто берет лишнее, иногда просто безбожно.

Дорога от Курского вокзала до Комсомольской площади обошлась одному нашему анкетируемому в 1 рубль 50 копеек, с ним в машине ехали еще трое, и каждый уплатил столько же. Вместо 40 копеек — 6 (шесть) рублей! Другому пассажиру та же дорога обошлась в два рубля — в пять раз дороже, чем следует. Третьему — в шесть раз: 2 рубля 50 копеек. До Внукова один из шоферов взял 18 рублей — рублей 14 лишних. До Белорусского 2 рубля 50 копеек — втрое дороже. Некоторые брали сверх положенного не так рвачески — «всего» рубль до Казанского вокзала, но это тоже в два с половиной раза больше. Иные просто не давали сдачи. Один автор сообщает: ждал сорок минут, ехал до Трубной площади, уплатил рубль — «по счетчику

0 руб. 60 коп., водитель сдачу не предложил, мне требовать было неудобно».

Нередки грубые обсчеты тех, кто сел в такси с Комсомольской площади, — здесь три вокзала и много приезжих, не знакомых с городской географией, и тех, кто ехал из Внуковского аэропорта, где тоже много гостей. Реже платят лишнее те, кто сел в такси у Малого театра — там главным образом знающие дорогу москвичи.

Уже одни эти факты могли бы внушить беспокойство. Но это далеко не все. На каждой стоянке, которую мы посещали, из машин, презрев инструкцию, выходили таксисты, сновали в конце очереди, подыскивая попутчиков. Все наоборот: выбирает не пассажир, а шофер!

Во Внукове на стоянке томилась очередь, а при выходе из зала на людей с вещами набрасывались водители: «Куда?», «Кто со мной в Домодедово?», «В Шереметьево вот тот берет, что в кепочке». Всегда на месте находился дежурный с голубой повязкой, время от времени двигалась машина с надписью «Линейный контроль такси», но все равно «зеленые глаза» свободных машин светились отовсюду. Стоянка по большей части была пуста, а в стороне стыли машины с поднятым капотом, потом подходил шофер во главе мобилизованного «экипажа». Поднятый для нехитрой маскировки капот без всякого ремонта опускался, и машина немедленно откатывалась. Водители не обращали никакого внимания на своего дежурного, вели торговлю на его глазах голосисто, уверенно. Боюсь, но необходимо сказать: и нагло...

После бесконечных поездок на стоянки, после знакомства с анкетами невольно начинаешь сомневаться: да можно ли считать такси комфортом? Полчаса ждешь, как мальчишка, бежишь за ним, когда он соблаговолит остановиться, а потом пять минут едешь. Неужели и вправду есть такие, которые по всякому поводу берут такси? Вот бедняги-то!

## «НЕВЕСТЫ» И «ЖЕНИХИ»

Надо сделать существенную оговорку: нет, ни в коем случае нельзя думать, что столь бесцеремонны, наглы, бесчестны все таксисты. Наоборот, таксисты заслуживают доброго слова. Нет шофера лучше, чем таксист — проворный, на бешеном ходу мгновенно реагирующий на любое изменение ситуации. Это настоящие мужчины. С каким достоинством держатся многие из них! Каким царственно-насмешливым взглядом смотрят они на дающих чаевые! Хозяева города, его полномочные представители, по ним, наверное, судят приезжие о москвичах.

И все же, и все же... Каждый читал или слышал о таксистах, которые, не зная покоя, искали владельца забытого чемодана или не взяли денег с того, у кого их вдруг не оказалось, но мы, однако, не можем выбросить из памяти и встретившегося ловкача, который ложкой дегтя портит всю бочку меда.

Московское такси в последнее время, конечно, стало работать лучше. Но почему так долго — годами — и так часто почти все газеты о нем пишут плохо? Вот и совсем недавно в «Правде» писалось о рваче, действующем «по принципу Дай-Дай». Кстати, некоторые из руководителей управления по этой причине рекомендовали «Литгазете» повременить с выступлением: дескать, во всех парках статью о «Дай-Дай» обсуждали, виновника заклеймили... Но почему, однако, и через месяц после этого по-прежнему некоторые «Дай-Дай» орудуют у выходов на вокзалах и в аэропортах, ищут «выгодных» пассажиров, грубо обсчитывают?

Неужели в Управлении таксомоторного транспорта не знают о существовании оскорбительной классификации, в которую включены все мы, пассажиры? «Парашютисты» — пусть меня простят за то, что приходится произносить такие прозвища! — так вот, «парашютисты» — это те, которых предпочитают больше всех: несмелый приезжий люд с узлами и чемоданами. «Парашютист» не знает города, и с него можно взять втридорога. Потом идет деревенский парень, не знающий городского комфорта, безденежный, застенчивый, поэтому платящий, как миллионер. На третьей ступеньке «пиджак» — смышленый иногородний гость-горожанин, с которым надо быть немного осторожнее. И заключает оскорбительную

иерархию «шляпа» — москвич, которого лучше не возить: и права знает, и дорогу.

Неужели в управлении не знают, что наибольший произвол худшая часть таксистов творит поздним вечером, и еще больший — ночью, а пуще всего — в ночь с субботы на воскресенье и с воскресенья на понедельник, когда контролеров вообще не видно.

Тогда армада «зеленых глаз» собирается возле Большого театра — у остановки экспресса, прибывающего из аэропортов. Игнорируя стоянку возле соседнего Малого театра (помните, там одни знающие дорогу и цену «шляпы» — москвичи?), разбитные парни, выходя из своих машин, что им настрого запрещает инструкция, и торгуясь, завлекают «парашютистов», куражатся над «шляпами». Метро уже не работает, покинули улицы автобусы — такси хозяйничают в городе. «Комсомольская площадь? Три рубля». «Измайлово? Туда не ходим!», «Белорусский вокзал? По рублю с каждого. С грудных младенцев тоже».

Почему это прощается и продолжается? Да если в тот же час, когда не работает не только метро, но и булочная, кто-нибудь станет продавать городскую булку не за ее семь копеек, а за двадцать, стакан газировки не за три копейки, а за пятнадцать, такого назовут жуликом и осудят! А тут вымогают не копейки — рубли. И нагло, насмехаясь, безнаказанно.

В Управлении таксомоторного транспорта и легковых автомобилей проявили к операции «Зеленые глаза» усердный интерес и — тем нарушили ее план...

Мы отнюдь не склонны были думать, что нам поразительно «везло» и в экспериментальные «десятки» попадали одни нарушители, и только они, эти исключительные люди. В управлении же решили, очевидно наоборот. По ходу дела нам тут же сообщали, что виновники вызваны, наказаны. Среди прочих (вот курьез!) и шофер контрольной машины самого управления, который занимался у ГУМа отнюдь не контрольной деятельностью. Эти поспешные меры словно бы говорили, что недобросовестные водители уже отстранены — остались одни старательные. Но каждый новый день операции говорил, что это отнюдь не так.

Нам же, наоборот, хотелось, чтобы таксистов, замеченных в мелких и грубых нарушениях, в этот единственный раз никто не наказывал... Нет-нет, не для потворства разгильдяям! Мы предполагали созвать их в редакции и поговорить откровенно, начистоту. Скажем, подвергнуть обсуждению сомнительные, но ходячие представления, что таксист будто бы вынужден ловчить, поскольку в парках его окружают одни мелкие взяточники: двугривенный — сторожу, пятиалтынный — мойщице, побольше — диспетчеру... В это не верится. Недобросовестным людям просто выгодно выставить себя не хищниками, а жертвами. И даже если это действительно так, то неужели управление годами не в силах справиться с проблемой сторожа-двугривенничника? Парков-то всего 17!

Хотелось откровенно поговорить и о другом, кому-то выгодном представлении: о том, что нормы холостого пробега губят все дело. Это они, дескать, мешают спокойно перевозить пассажира. И на этот счет у нас сомнения: почему же пришлось совершать «погони» как раз за пустыми машинами, в которые с тротуара так просились люди?

Однако можно ли рассчитывать на откровенность предполагавшейся беседы за «круглым столом», где

будут сидеть и наказанные люди, и те, кто их наказал? Наверняка все сведется к обычной проработке. Надо же бороться не со следствием, а с причиной!

Не запросит ли управление для исследования и наказания и наши анкеты? Но мы сознательно не задали в ней вопрос: «Номер машины, в которой вы ехали?» Без него ответы анкеты не дают повода для «персональных дел». Вдобавок, если газета могла провести это скромное и несовершенное исследование, разве не долг управления сделать подобное, но гораздо шире, основательнее и повторять время от времени — ведь там не два журналиста, а сотенный аппарат, да еще и общественники. Нам, например, не удалось (и не дано на то права) узнать, почему у входа в аэропорты и вокзалы пассажиры примчавшихся машин рассчитываются зелеными и даже красными купюрами. Да за десять рублей Москву можно объехать поперек два раза!

Думается, что можно рассчитывать и на читателей «Литературной газеты» — не сообщат ли они свои факты, предложения? Очень важно услышать голос пассажира! Это необходимо не только для Московского управления таксомоторного транспорта. Нередки сходные жалобы на работу такси в Тбилиси, Баку, Свердловске...

Любопытно проследить по ежегодникам ЦСУ, как стремительно растет число пассажиров такси: с 21 миллиона в 1940 году до 1 миллиарда 144 миллионов в 1970-м. Это добрый признак: растет благосостояние, и все больше людей пользуются самым удобным транспортом.

Такси вошло в наш быт. Оно перестало быть роскошью. Поэтому так важно, чтобы оно работало столь же безупречно, как, скажем, наше метро. Чтобы пассажиры не выглядели старыми девами на ярмарке невест, а такси этакими заносчивыми женихами, которые захотят — выберут, а не соблаговолят — мимо глаз пропустят. Каждый прохожий имеет право на свободное такси. Оно служит ему, создано ради него. Не случайно так далеко, подавая надежду, светится бегущий к тебе зеленый луч. Он не должен обманывать!

Этот долг за нами всегда

ВЕТЕРАНЫ ВОЙНЫ

Фото А. УЗЛИНА

И. С. КОНЕВ, Маршал Советского Союза

# СЛОВО О ВЕТЕРАНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ТРИДЦАТЬ лет, как загремела великая битва под Москвой и мы отбросили врага от столицы. Впереди было Сталинградское сражение, Курская дуга, изгнание врага с советской земли, освобождение стран Европы и, наконец, разгром немецко-фашистских войск наголову в Берлинской операции. Сейчас это история. Написано немало книг, сняты кинофильмы, создается летопись Великой Отечественной войны...

История... Она сохранит для потомков основные события, даты, имена героев. Но солдату, прошагавшему четыре года по дорогам войны, памятен каждый день, каждый бой, как будто это было вчера, как будто не прошло долгих тридцати лет.

Идут годы. Подрастают новые поколения. Все меньше становится тех, кто в суровые дни Великой Отечественной войны с оружием в руках отстаивал наше будущее. И люди всегда в неоплатном долгу перед теми, кто навечно остался на полях войны, и перед теми, кого война отметила на всю жизнь. Я говорю об инвалидах.

Еще болят раны войны. Только люди могут помочь забыть боль. Добротой своей, вниманием, теплом.

Мы, советские военачальники, считаем своей священной обязанностью вновь и вновь напоминать нынешнему поколению о неоплатном долге перед отцами, старшими братьями и сестрами — всеми, кто в грозный сорок первый встал на защиту Родины и принял на себя всю тяжесть войны. Нам никогда не будет безразлична судьба солдата, старого фронтовика, товарища-однополчанина, с которым война обошлась особенно жестоко. Он и сегодня в строю, в постоянном сражении за жизнь.

Я внимательно слежу за выступлениями «Литературной газеты» об инвалидах Великой Отечественной войны. Под рубрикой «Этот долг за нами всегда» печатаются взволнованные статьи писателей, письма фронтовиков, сообщения о мерах, которые приняты и будут приняты для улучшения их жизни, быта и условий труда.

Проявляя постоянную заботу об инвалидах Отечественной войны, партия и правительство, как известно, приняли ряд важных решений. Они касаются жилищных вопросов, медицинского обслуживания, трудоустройства. В Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы сказано: «Увеличить сеть домов-интернатов для инвалидов и престарелых. Улучшить обеспечение инвалидов средствами передвижения и протезно-ортопедическими изделиями».

Сделано много, но когда речь идет об инвалидах Великой Отечественной войны, долг каждого—сделать все, что в его силах, чтобы воин, отдавший за счастье людей свое здоровье, постоянно чувствовал заботу и уважение народа, и особенно — молодежи.

К сожалению, это бывает далеко не всегда. До сих пор продолжают поступать письма от инвалидов войны. Они приходят в Министерство обороны СССР, в Советский комитет ветеранов войны, в «Литературную газету» и другие органы печати. Получаю такие письма и я. Нередко ветераны рассказывают о том, что порой нарушаются на местах постановления правительства о льготах инвалидам войны, в этих письмах немало горечи, боли, обиды... Сообщается о недостатках в медицинском обслуживании, о низком качестве протезов, о нарушениях порядка распределения мотоколясок и автомашин.

Для некоторых инвалидов Великой Отечественной войны не потеряла остроты проблема жилья. Мне известны такие факты по Черниговской, Брянской, Ивановской и некоторым другим областям. А ведь Постановление правительства о выделении инвалидам Отечественной войны 10 процентов жилой площади во вновь выстроенных домах было принято еще в 1945 году. Напомню и то, что Постановлением от 6 марта 1965 года «О расширении льгот инвалидам Отечественной войны и членам семей военнослужащих, погибших в Великую Отечественную войну» Совет Министров СССР обязал Советы Министров республик, министерства и ведомства, исполкомы местных Советов обеспечить жилой площадью инвалидов войны, а также семьи погибших военнослужащих, нуждающиеся в улучшении жилищных условий.

Идут годы. Все чаще приходится инвалидам обращаться за помощью к врачу. Но и здесь они порой не встречают достаточно внимательного отношения. Совсем недавно комиссия Московского городского управления здравоохранения совместно с представителями Советского комитета ветеранов войны обследовала медицинские учреждения Тушинского района. Комиссия столкнулась с многочисленными недостатками. В частности, не выполняется приказ Министерства здравоохранения СССР о том, чтобы инвалиды были взяты на особый учет, отсутствует картотека, истории болезней не маркированы, из 350 больных рентгенологическому обследованию подверглись только 5.

Не все благополучно и с распределением санаторно-курортных путевок. Санаторно-курортное лечение получает только часть нуждающихся в нем инвалидов Отечественной войны.

До сих пор еще ветераны предъявляют большой и обоснованный счет протезной промышленности. Речь идет о несвоевременном и некачественном выполнении заказов на протезы и ортопедическую обувь. Поступают жалобы на Свердловский, Курский, Новосибирский, Челябинский заводы. Можно понять горечь и обиду инвалида, которому по 6—8 месяцев приходится ждать, пока выполнят его заказ. Поэтому он долгое время лишен возможности передвигаться самостоятельно.

Едва ли можно переоценить значение инвалидной коляски или автомашины для человека, потерявшего ногу. Государство обеспечивает ветеранов хорошим транспортом, а вот отремонтировать автомашину или приобрести необходимые детали в некоторых городах сегодня, к сожалению, почти невозможно. Специальных станций по ремонту транспорта инвалидов мало. Благородную инициативу проявил Московский Совет, начав строительство централизованной ремонтной базы для «инвалидного» транспорта. Только вот беда — все сроки сдачи этой базы в эксплуатацию срываются, и когда строительство будет закончено — неизвестно.

Я назвал ряд проблем, жизненно важных для инвалидов войны. Разумеется, я не исчерпал вопросов, которые всех нас волнуют и должны волновать.

Десятилетия отделяют нас от героических лет Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. «Война, — говорил Л. И. Брежнев, — причинила народу горе, от которого и поныне скорбят сердца у миллионов матерей, вдов и сирот... Тяжела была горечь утрат. Но рядом с ней в душе каждого советского человека жило радостное чувство—чувство победы. Подвиг павших вдохновлял живых».

Мы всегда должны помнить о солдате, который в суровые годы испытаний самоотверженно защищал социалистическое Отечество, проявлял воинскую доблесть и героизм.

Мы всегда должны помнить о солдате, который отдал Великой Отечественной войне, делу победы над фашизмом здоровье и лучшие годы своей жизни.

В МИНИСТЕРСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РСФСР

## МЕРЫ ПРИНИМАЮТСЯ

**Статья писателя А. Борина «Второе ранение» («ЛГ», № 48, 1971) вызвала большое количество читательских откликов. Среди авторов немало инвалидов, потерявших в годы войны здоровье, чья судьба сходна с судьбой Веры Алексеевны Г. и Федора Лаврентьевича К., о которых шла речь в статье.**

**С поступившими письмами редакция ознакомила Министерство социального обеспечения РСФСР. Начальник Управления врачебно-трудовой экспертизы Минсоцобеса К. Трофимов сообщил:**

**— Все письма читателей, в которых содержатся какие-либо жалобы, предположено, по распоряжению министерства взяты нами на особый учет. Специально выделенному ответственному работнику управления поручено принять по ним необходимые меры. Каждое письмо будет тщательно проверено, по каждому будет принято правильное, справедливое решение.**

**Читательская почта поставила перед нами и ряд настоящих проблем. Руководители министерства поручили управлениям изучить эти проблемы и представить свои предложения.**

**Могу сообщить о мерах, которые уже применяются.**

**Так, по обращению в Центральный научно-исследовательский институт экспертизы трудоспособности и трудоустройства с просьбой подготовить научное обоснование влияния полученных на фронте ранений, контузий и других увечий на развитие в последующие годы некоторых заболеваний. Эти данные необходимы для решения вопроса о причинах инвалидности.**

**В ближайшее время мы свяжемся и со многими другими организациями и ведомствами, имеющими отношение к судьбе инвалидов Великой Отечественной войны.**

# «ТАБЕЛЬ УСПЕВАЕМОСТИ» ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ

Р. ШАКУРОВ, кандидат психологических наук

**Как объединить педагогов в слаженный, бодрый, работоспособный коллектив? В какой мере достижение этой цели зависит от фигуры руководителя — директора школы, стиля его работы, склада его личности?**

**На материалах конкретного социологического исследования эту проблему рассматривает заведующий отделом социальной психологии Научно-исследовательского института психологии Министерства просвещения УССР.**

### СМЕШЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Согласно древней легенде, бог заставил людей говорить на разных языках, чтобы разобщить их и не дать им достроить Вавилонскую башню...

Смысл аналогии, которая приходит в голову, ясен: совместная работа возможна лишь тогда, когда ее участники находят «общий язык». И, очевидно, успех дела особенно зависит от того, есть или нет подобное взаимопонимание между руководителями и подчиненными. Одна из главных задач исследования, проведенного в Научно-исследовательском институте психологии Министерства просвещения УССР, заключалась в том, чтобы выяснить условия этого взаимопонимания.

Лаборатория нашего института обратилась к группе учителей, директоров школ и заведующих отделами народного образования с вопросом: какие качества более всего необходимы директору школы (исследование Г. Долинского)? Предлагалась анкета — опрашиваемые должны были оценить по пятибалльной шкале степень важности для руководителя тех или иных (в общей сложности пятидесяти) качеств. Затем все эти качества были выстроены в «престижные ряды» по мере уменьшения присужденных им баллов.

Как и следовало ожидать, в ответах в зависимости от категорий опрошенных отчетливо выявились зоны согласия и разногласия. Так, если учителя поставили умение директора беречь труд и время педагога на 7-е место, склонность доверять людям — на 13-е, умение замечать в них хорошее — на 16-е, а незлопамятность и отходчивость—на 18-е место, то директора расставили эти же качества соответственно лишь на 38-е, 35-е, 34-е и 36-е места. Аналогичную «девальвацию» у руководителей школ претерпели и такие черты личности, как выдержка и самообладание, умение советоваться с коллективом, такт и вежливость. Зато к некоторым другим чертам директора отнеслись с явной симпатией, особенно — к умению ставить перед коллективом актуальные задачи, контролировать и настойчиво требовать, внедрять передовой педагогический опыт.

Налицо расхождение в ценностных ориентациях опрошенных: подчиненные хотят чуткости, внимания, доверия, большего участия рядовых педагогов в принятии решений, а директора подчеркивают важность требовательности, контроля, инструктирования.

Каковы последствия этого расхождения в оценках?

### ШКАЛА ОЦЕНОК

Нам назвали около тридцати лучших педагогических коллективов. Замысел заключался в том, чтобы путем сравнения передовых (1-я группа) и обычных (2-я группа) школ выяснить наиболее существенные психологические черты личности и методы деятельности руководителей. Всего исследованием было охвачено 73 школы.

Учителям предлагалось анонимно заполнить три анкеты. В первой надо было определить степень выраженности у директора 36 различных личностных качеств, в другой — ответить на два вопроса: «Каковы наиболее сильные стороны личности директора вашей школы?» и «В каких отношениях, с Вашей точки зрения, директору следовало бы измениться?» В третьей анкете учителей просили назвать трех директоров, с которыми они предпочли бы вместе решать деловые и личные проблемы.

Предполагалось, что максимальные различия между двумя группами директоров обнаружатся как раз в тех качествах, которые и определяют успех деятельности руководителя.

Оказалось, директора первой группы превзошли своих менее удачливых коллег буквально по всем «статьям». Правда, по некоторым показателям — требовательности, настойчивости, трудолюбию, решительности, уверенности в себе — разница оказалась незначительной. Зато в ряде других отношений («Выдержан, сгоряча не накричит на учителя», «Если нужно подтянуть кого-то, умело опирается на помощь коллектива», «Бережно относится к труду и времени учителя», «Если видит, что распорядился неверно, не упрямится, а исправляет допущенную ошибку» и т. д.) дистанция получилась весьма солидная.

В ответах на вопрос «Каковы наиболее сильные стороны личности вашего директора?» максимальная разница между двумя группами директоров опять-таки обнаружилась в основном по коммуникативным качествам.

Итак, обязательные атрибуты руководителя — трудолюбие, настойчивость, взыскательность, умение выступать перед людьми... Высокий уровень развития этих качеств, отмечаемый как в первой, так и во второй группе директоров, свидетельствует о том, что без них не может обойтись ни один организатор жизни школы. Эти свойства личности руководителя — ее фундамент. Далее по степени важности следует профессионально-деловая компетентность (ведь почти все директора преподают тот или иной предмет). А «верхними этажами» служат коммуникативные качества. И главный водораздел между директорами двух групп проходит на этом «верхнем этаже»: очевидно, именно эти личностные особенности помогают руководителям привнести в коллектив тот дополнительный заряд творческой активности, который сообщает успех всей работе школы.

В психологии давно известно, что степень совершенства личности нельзя оценивать лишь путем измерения ее отдельных качеств, что они важны в своем взаимодействии. Оказывается, качества руководителя, взятые в комплексе, порождают устойчивые особенности поведения: стиль, решающим образом влияющий на успех организаторской деятельности. В чем он проявляется?

### ЛИЧНОСТЬ И СТИЛЬ

Итак, согласно анкетам, умение воздействовать на личность через коллектив — вот «сердцевина» стиля работы директора. Ближе всего к этой «сердцевине» располагаются все те же коммуникативные качества: терпимость к критике «снизу», умение советоваться с людьми и пр.

Сказанное означает, что коллективистский стиль работы вырастает прежде всего на основе комплекса коммуникативных качеств личности.

А если руководитель страдает отсутствием или недостатком коммуникативности — что тогда? Что же, в этом случае чаще всего он добивается активности подчиненных административными методами. Главное оружие такого руководителя — «железная» требовательность, угрозы, наказания, апеллирующие к чувству страха и беспокойства.

Далеко не все «авторитарные» руководители отличаются грубостью и импульсивностью. Среди них встречаются и люди спокойного нрава, большой выдержки. Но их роднит холодность, властность, стремление сосредоточить в своих руках все рычаги управления.

Очевидно, административное давление на подчиненных — неизбежное следствие недостатка доброжелательности и взаимного уважения между руководителем и коллективом. В условиях психологической разобщенности, отсутствия духовного единства в коллективе «мягкие» средства не дают отдачи. Это побуждает руководителя искать все более и более «острые» меры воздействия на «непослушных», прибегать к грозным приказам, запугиванию, что ведет лишь к дальнейшей его изоляции и делает членов коллектива безразличными к школьной жизни: став простым исполнителем чужих распоряжений и приказов, учитель «уходит в себя», превращается в пассивного урокодателя.

Разумеется, сегодняшний «авторитарист» не вамыкается в своем кабинете. Он регулярно проводит педагогические советы и совещания, призывает учителей к активному участию в обсуждении поставленных вопросов. Но беда в том, что люди не откликаются на его призывы. Опасаясь бестактного окрика или обидной иронии, сознавая невозможность изменить существующее положение, члены коллектива предпочитают молчать или же скрывать свои сомнения и сокровенные мысли. К тому же подобный руководитель с упорством, достойным лучшего применения, подчеркивает недостатки и недоработки своих подчиненных, что еще более сковывает их активность: «виноватым» лучше помалкивать, а если и говорить, то лишь с целью «самообороны». Критиковать коллег уже не хочется, их и так критикуют слишком много.

Надо сказать, что неумение замечать в людях хорошее, своего рода «дальтонизм» на светлые тона — одна из наиболее характерных особенностей личности некоммуникабельного руководителя.

Другое существенное отличие между двумя типами директоров — в степени коммуникативной устойчивости их личности. «Коллективисты» обладают высокой «пластичностью»: они уважительны, тактичны, объективны в общении со всеми людьми независимо от склада их личности.

Неизменная выдержка и доброжелательность в конце концов внушают уважение и доверие к руководителю со стороны всех членов коллектива, даже самых неуживчивых. В таких школах учителя поразительно единодушны в оценке достоинств директора. А в других — мнения, бывает, существенно расходятся, порой до такой степени, что образ одного директора, нарисованный разными учителями, столь разнится, словно речь идет о двух противоположных характерах. Это говорит об ограниченности коммуникативных возможностей директора школы.

Наконец, лучших директоров - коллективистов отличает иммунитет к формализму и «показухе» в работе. Очевидно, увлечение мероприятиями ради отчетности и погоня за дутой славой подрывают авторитет руководителя и мешают ему сделать коллектив своим единомышленником. По-настоящему сплачивает людей лишь живое, конкретное дело, необходимость которого ясна каждому.

### СТИЛЬ И КОЛЛЕКТИВ

Как показывают исследования нашей лаборатории (А. Полякова), стиль руководства накладывает глубокий отпечаток на все стороны жизни и деятельности коллектива. В школах, возглавляемых руководителями, опирающимися на коллектив, учитель публично одобряется втрое чаще, а выставляется перед лицом общественного мнения в невыгодном свете почти в столько же раз реже, чем его коллеги из школ, руководимых директорами противоположного типа. Причем в школах первой группы преобладает «умеренное» осуждение, тогда как во вторых критика часто приобретает характер «разноса», третирования личности.

Вопреки нашим ожиданиям, среднее число выступающих на одном педагогическом совете в «авторитарных» школах оказалось даже несколько выше, чем в «коллегиальных». Но подавляющее большинство этих выступлений (80—90 процентов) относится к категории «запрограммированных», заранее подготовленных администрацией. Еще одна деталь. На педагогических советах «коллегиальных» школ чаще всего обсуждаются вопросы дальнейшего повышения профессионального мастерства учителя, а в «авторитарных» — проценты успеваемости и посещаемости, отчеты о проведенных мероприятиях, оформление документации, иначе говоря, здесь внимание общественного мнения приковывается прежде всего к формальным показателям и результатам работы, а не к «технологии» педагогического процесса, определяющей успех дела.

Особенно велико влияние стиля руководства на удовлетворенность учителей своим трудом (В. Островерх). Значит, стиль руководителя прочными нитями связан не только с нравственно - психологической атмосферой в коллективе, но и существенно сказывается на отношении людей к своей профессии.

Стоит ли после этого удивляться, что все ярко выраженные руководители-коллективисты — их в наших исследованиях 27 — находятся в числе руководителей школ первой группы, а директора, склонные к административным методам, «населяют» главным образом вторую, менее эффективную группу школ.

КАКИЕ выводы можно сделать из нашего исследования?

Если стиль — выражение личности руководителя, если принцип коллективного руководства может быть эффективно реализован лишь коммуникативным типом личности, то это диктует необходимость подбора руководящих кадров с учетом их коммуникативных способностей.

Но это не единственный вывод из наших исследований.

Требования к стилю обусловлены не только содержанием деятельности коллектива, но и уровнем его развития. Как показывает опыт, в неорганизованных коллективах, раздираемых внутренними противоречиями, на первых порах лучшие результаты достигаются с помощью жестких методов. Задача руководителя в том и состоит, чтобы постепенно преодолеть эту фазу и внести в деятельность коллектива организованность и порядок, все шире развертывая в нем участие всех и каждого в управлении.

В том, собственно, и заключается сила руководителя-коллективиста, что стиль его работы складывается из разнообразных форм и способов воздействия на людей, как будто бы даже исключающих друг друга: мягкости и твердости, единоначалия и широкой коллегиальности, умения требовать и выполнять требования подчиненных, контролировать и доверять, быть официальным и в то же время по-товарищески близким с людьми, приказывать и просить, убеждать и внушать, улыбаться и сердиться, — из богатой гаммы выразительных средств, сливающихся в единую симфонию общения, тогда как стиль руководителя, склонного к жесткому администрированию, основан на «монотонном» бюрократическом распорядительстве и стандартизации способов общения.

Таким образом, в «табеле успеваемости» директора школы решающими оказываются те оценки, которые относятся к «профилирующей дисциплине»: умению правильно строить отношения с людьми.

# ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ СНОВА СТАТЬ ДЕТЬМИ?

**Творческий человек — кто он? «Это взрослый ребенок», — полагает известный английский ученый Десмонд Моррис, главу из новой книги которого мы публикуем сегодня в сокращенном виде. Хорошо бы, по его мнению, «законсервировать» в человеке детские качества на всю жизнь.**

**Концепцию Д. Морриса опровергает известный советский специалист в области психологии ребенка, заведующий лабораторией Института психологии Академии педагогических наук СССР В. Давыдов.**

**Итак, спор — о социальных, психологических и педагогических предпосылках формирования творческой личности.**

Фото В. МОРЕШКОВА и Б. ХАСЯНОВА

Десмонд МОРРИС,
зоолог, доктор философии

## ЭТОТ СТАНДАРТНЫЙ ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК...

НАД ТАЙНОЙ творчества ломали голову многие. Я считаю, что по сути творчество есть не более как проекция детских качеств на жизнь взрослого.

Детские игры во многом сходны с поведением взрослых, но есть и разница. У взрослых один из способов поведения — выдумывание новых шаблонов. В игре этот элемент выражен куда сильнее. Буквально каждое действие растущего ребенка представляет собой, для него самого, изобретение. Все для него в новинку. Каждая игра — путешествие первооткрывателя.

Открытия и изобретения детства обычно тривиальны и эфемерны. Сами по себе они почти ничего не значат. Но если бы процессы, с которыми они связаны — чувство удивления и любопытства, тягу к пробам, поискам и находкам, — можно было предохранить от возрастного увядания, если бы можно было добиться того, чтобы они преобладали в поведении взрослого, тогда мы бы победили в важной битве — битве за творчество.

Ребенок задает новые вопросы; взрослый отвечает на старые; детоподобный взрослый находит ответы на новые вопросы. Ребенок изобретателен, взрослый производителен; детоподобный взрослый изобретательно-производителен. Ребенок исследует окружающую среду; взрослый ее организует; детоподобный взрослый организует свои исследования и вносит в них порядок. Он творит.

К этому феномену стоит присмотреться повнимательнее. Если ребенка или детеныша шимпанзе поместить в комнату, где есть только одна игрушка, то он некоторое время поиграет ею, а потом утратит к ней интерес. Если предложить ему не одну игрушку, а, допустим, пять, то он поиграет сначала одной, потом другой и т. д.; когда он вернется к первой игрушке, она опять покажется ему «свежей» и достойной игрового внимания. Если же предложить детенышу совершенно новую и незнакомую игрушку — она немедленно привлечет к себе его внимание и вызовет мощную реакцию.

Эта «реакция на новую игрушку» — первейшее необходимое условие для творчества, но это лишь одна фаза процесса. Сильная тяга к исследованиям, свойственная нашему биологическому виду, вынуждает нас всесторонне рассмотреть новую игрушку и испробовать ее столькими способами, до скольких мы можем додуматься. Как только наши изыскания закончатся и незнакомая игрушка станет знакомой, включится наша изобретательность, помогая нам пользоваться новой игрушкой и тем, что мы о ней узнали, помогая ставить и решать новые проблемы. Если мы, сочетая и перестраивая опыт, накопленный на материале разных игрушек, можем извлечь из них больше, чем вначале, значит, мы вели себя творчески.

В ДЕТСТВЕ все мы прошли через процессы исследования, изобретательства и творчества, но конечный уровень творчества у взрослых разительно меняется от индивидуума к индивидууму. В худшем варианте, если быт чересчур затягивает нас, мы довольствуемся ограниченными, хорошо знакомыми видами деятельности. Мы не отваживаемся на новые эксперименты.

Изыскания влекут за собой неопределенность, а неопределенность пугает. Лишь в двух ситуациях можем мы побороть в себе свои страхи. Ситуации эти противоположны: первая — беда, вторая — значительное повышение обеспеченности. Например, крыса, которой надо взрастить потомство, находится под тяжким давлением «быта»; она неустанно работает, следя за тем, чтобы детеныши были накормлены, ухожены и защищены. У нее нет времени на изыскания. Но если случится несчастье — если ее нору затопит, — она будет вынуждена заняться паническими изысканиями. С другой стороны, если она успешно взрастит свое потомство и накопит значительное количество съестных припасов, то внешнее давление ослабевает, и теперь крыса может уделять время и энергию исследованию окружающей среды.

То же самое у людей. В хаосе и тяготах войны человеческое сообщество вынуждено проявлять изобретательность, чтобы выстоять в беде. Точно так же и преуспевающее, процветающее сообщество бывает высокоизыскательским, действуя с позиций особой обеспеченности. А вот сообщество, которое едва-едва сводит концы с концами, характеризуется малой или нулевой тягой к изысканиям.

По идее, в процветающем обществе все граждане должны быть потенциальными «изобретателями». Почему же столь немногие из них занимаются активным творчеством, тогда как остальные только смотрят на этих немногих по телевизору или же играют в примитивные игры и занимаются спортом, где сфера приложения изобретательства весьма ограниченна? Почему не все развивают в себе неуемную детскую любознательность?

Частично разгадка в том, что дети подчинены взрослым. Господствующие животные неизбежно норовят взять под контроль поведение своих подчиненных. Как бы взрослые ни любили своих детей, они не могут не усматривать в них угрозы своему господству. Они знают, что рано или поздно вынуждены будут уступить доорогу детям, но делают все возможное, чтобы такой день настал как можно позже. Поэтому наблюдается ярко выраженная тенденция подавлять изобретательский дух в младших членах сообщества. Борьба неравна. К тому времени, как новое поколение достигает зрелости и представители его могли бы дать волю изобретательству в качестве детоподобных взрослых, они уже обременены тяжким грузом конформизма. Борясь с этим грузом изо всех сил, они в свою очередь сталкиваются с угрозой нового молодого поколения, спешащего им на смену, и процесс подавления повторяется. Лишь те редкие личности, детство которых было в этом смысле необычным, достигают высокого творческого уровня, став взрослыми.

В чем именно должна заключаться необычность детства? Одно из двух: либо подрастающего ребенка надо подавлять так, чтобы он по-настоящему восстал против традиций старшего поколения (многие из величайших наших творческих личностей были так называемыми малолетними правонарушителями), либо его надо до такой степени не стеснять, чтобы тяжелая рука конформизма только слегка прикасалась к его плечу. Если ребенка строго наказывать за изобретательство (которое в конце концов по природе своей мятежно) то, став взрослым, он постарается наверстать упущенное. Если же ребенка усиленно поощрять за изобретательство, то он никогда не утратит способности к нему, какие бы давления ни испытывал впоследствии. Оба типа воспитания могут оказать огромное влияние на состав общества взрослых, но второй, пожалуй, все же предпочтительнее.

СОВРЕМЕННОЕ образование делает большие успехи в деле поощрения изобретательства, но оно еще далеко от того, чтобы полностью избавиться от тенденции подавлять творчество. Престарелые профессора неизбежно усматривают угрозу в лице способных студентов, и нужен великий самоконтроль, чтобы учителя преодолели это в себе. Их природа как господствующих самцов построена таким образом, что поразительно, как они вообще ухитряются сохранять самообладание.

В большинстве школ превосходство учителя над учениками, социальное и интеллектуальное, выражено ярко и непосредственно. При помощи большего жизненного опыта он справляется с их большей изобретательностью. Мозг учителя, пожалуй, не так гибок, как у учеников, но эту свою слабость он скрывает, сообщая им в огромных количествах «упрямые» факты. Аргументации нет, есть лишь поучения.

На университетском уровне картина меняется. Фактов там надо преподнести неизмеримо больше, но они не столь «упрямы». От студента ожидается, что он будет их оспаривать, оценивать, а в конце концов — генерировать собственные идеи.

Однако и в школе, и в университете подспудно происходит нечто такое, что имеет мало общего с поощрением интеллектуальной активности.

В некоторых примитивных племенах детей отнимают у родителей и заставляют пройти суровые испытания, зачастую связанные с пытками или увечьем. Делаются операции на гениталиях, тела детей покрываются шрамами, ожогами, облепливаются муравьями. Одновременно детей посвящают в тайны племени. По окончании ритуалов их считают взрослыми членами общины.

Для чего все это делается? Главным образом, вот для чего. Насильственный характер эмоционального опыта, сопутствующего такому «обучению», помогает запечатлеть в мозгу все детали племенных навыков. Подобно тому, как мы не можем забыть детали перенесенной автомобильной катастрофы, посвященный до самой смерти хранит в памяти тайны, которые были сообщены ему в тот страшный день.

Пусть в современных школах и университетах не сажают учеников в муравьиные кучи, приемы, которыми пользуется нынешняя система просвещения, во многом поразительно сходны с ритуалами племенной инициации. Буквально вся современная система просвещения зиждется на мощной и внушительной церемонии, которая именуется «экзаменами». Экзамены проводятся в грозовой атмосфере высокой ритуальности. Пытка усиливается строгим ограничением времени, а также тем, что всевозможные экзамены по разным предметам втиснуты в короткий срок — несколько дней или недель.

Когда позади остаются последние экзамены, выдержавшие их студенты принимают участие еще в одном ритуале, так называемой церемонии вручения дипломов в присутствии академических старейшин.

Обычно студент обучается в университете несколько лет, а это долгий срок. Для иных студентов даже чересчур долгий. Оторванность от родительской помощи и отрадной социальной среды родного дома, в сочетании с дамокловым мечом экзаменационной пытки, зачастую оказывается слишком сильной стрессовой нагрузкой для юнца, посвящаемого во взрослые. В университетах Англии приблизительно 20 процентов студентов в тот или иной период обучения обращаются к психиатру. В Оксфорде и Кембридже процент самоубийств в 7—10 раз выше, чем по стране в целом.

Описанные пытки просвещения, подобно церемониям инициации в первобытных племенах, явно направлены на то, чтобы внушить причастность к племени. Как таковые они играют важную объединяющую роль, но развитие творческого интеллекта — вопрос совершенно другой.

СПОРУ нет, нынешняя система образования неизмеримо превосходит прежние методы обучения, и тем, кто устоит в испытаниях, она дает немалую «исследовательскую» подготовку. В сегодняшних сверхплеменах насчитывается гораздо больше преуспевших детоподобных взрослых, чем когда бы то ни было. Но, несмотря на все это, во многих сферах все еще царит гнетущая атмосфера эмоционального сопротивления радикально новым изобретательским идеям. Поощряется изобретательство по мелочам, в виде новых вариаций на старые темы, но изобретательство по большому счету, ведущее в совершенно новые области, встречает сопротивление. Примером могут служить хотя бы попытки усовершенствовать автомобильный двигатель, вместо того чтобы создать нечто принципиально новое.

Впрочем, такая близорукость в исследовательском поведении взрослых обусловливает ненадежность мирного общества. И, возможно, в конце концов мы влетим на такие вершины племенной безопасности или же рухнем в такие бездны племенной паники, что будем все в большей мере становиться исследователями, изобретателями, творцами.

В. ДАВЫДОВ,
доктор психологических наук

## ...НЕТ, ЗРЕЛАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

ТОТ ФАКТ, что человеческая личность в современном буржуазном обществе находится как бы под прессом, испытывает давление невиданной силы, деформируется, нивелируется, уничтожается, так или иначе признает большинство западных публицистов, философов, ученых.

Кто же или что же давит на человека? Тут уже нет единого мнения. Большинство пишущих на эту тему склонно обвинять во всем... Машину, то есть технику, бурное развитие которой для каждого очевидно.

У Десмонда Морриса, отрывок из книги которого публикуется сегодня, иная концепция: подавление индивидуальности, творческого потенциала в человеке начинается в раннем детстве — взрослыми и продолжается до тех пор, пока он занимает подчиненное, в связи с возрастом, положение; в дальнейшем он уже сам «давит» на младших, так что «функция пресса» передается от поколения к поколению, как эстафета; таким образом, в обществе постоянно присутствует туман, неотвратимая сила — «взрослые» — как бы извне давящая на «детей», то есть на всех, для кого выбор между самостоятельным творчеством и бесконечными бдениями у телевизора еще является существенным.

Авторы различных технократических теорий подавления личности в буржуазном обществе послушно следуют за внешней видимостью происходящих процессов, не решаясь заглянуть глубже.

В действительности личность подавляет не Машина сама по себе, а условия существования в капиталистическом мире, где общественные отношения противостоят человеку как чуждая, неподвластная ему сила.

Что касается Десмонда Морриса, он вообще биологизирует эти процессы.

По мнению Морриса, основная активная единица стихии духовного подавления — «учитель», «профессор» — предстает в роли стареющего самца, который смертельно опасается соперничества молодежи. Но общество — отнюдь не стадо. Наивность этой стародавней биологизаторской концепции вполне очевидна и доказательств в 70-е годы XX века не требует. Еще меньше «поведение» общества напоминает примитивные реакции отдельного животного, например крысы.

Моррис пишет, что в кризисной ситуации, «ситуации беды» общество должно быть «высокоизобретательским», творческим. На первый взгляд, такое умозаключение представляется вполне логичным. Но, во-первых, что означает слово «беда» в применении к обществу? Эксплуататорское общество, как известно, антагонистично, так что беда для одной его части может обернуться триумфом для другой. Может быть, беда — это угроза гибели государства, исходящая откуда-то извне? Но такая угроза, как правило, возникает достаточно быстро, — Моррис же речь ведет о воспитании творческого поколения. Наконец, может быть, беда — это хронический застой, хроническое отставание общества в развитии. Однако отставание и есть результат низкого развития творческих, производительных сил.

Впрочем, отставание может быть также результатом искусственного сдерживания творческих сил народа, страны. При этом действительно возможны взрыв, революция, венец которой — полное раскрепощение духовного и физического потенциала людей. Однако, чтобы этот взрыв произошел, одного отставания мало — нужны многие другие предпосылки. В любом случае революционная ситуация в обществе бесконечно далека и по форме, и, главное, по содержанию от ситуации, когда нору крысы или какого-либо другого животного затопляет вода.

Что касается второго варианта «творческой» ситуации, о котором пишет Моррис, — варианта «повышенной обеспеченности», благосостояния, — тут рассуждения автора еще менее убедительны. Обеспеченность нельзя признать ни главным, ни абсолютно необходимым условием для расцвета творчества. Вспомним хотя бы период истории нашей страны, последовавший непосредственно за Октябрьской революцией. 20-е годы: невиданный творческий энтузиазм народа на фоне голода и разрухи. Этот же период дал нам блестящую плеяду ученых — физиков, биологов, психологов, — писателей, художников, артистов.

С другой стороны, обеспеченные слои буржуазного общества отнюдь не обладают каким-то повышенным творческим потенциалом. Скорее наоборот: они всегда изобиловали бездарями, бездельниками, прожигателями жизни.

Совсем недавно лауреат Нобелевской премии Фрэнсис Крик, отвечая на анкету «Литературной газеты», сетовал, что обеспеченная молодежь на Западе сплошь и рядом «проявляет нежелание работать: она предпочитает жить легкой жизнью, множить свои удовольствия, заниматься пустяками».

Одним словом, если ограничить круг факторов, определяющих творческий потенциал общества, самыми главными (а в принципе таких факторов достаточно много), ими, вероятно, следует считать наличие у общества высокой цели при условии социального раскрепощения, свободы. Ни того, ни другого — ни свободы, ни цели — нет в странах капитала.

ТЕПЕРЬ — непосредственно о воспитательной стороне концепции Морриса, о дурном влиянии взрослых на ребенка.

Самый надежный способ оградить ребенка от «давления» взрослых — вообще устранить их из его жизни, предоставить его самому себе. Представим себе такую фантастическую ситуацию: ребенок изолирован от родителей, бабушек и дедушек. Он смотрит на мир широко раскрытыми глазами, любопытствует, ищет — одним словом, творит и через творчество развивается...

Увы, ни творчество, ни развитие в таких условиях невозможны. Без взрослого ребенок не только не сможет ответить ни на один вопрос, но вообще не будет их задавать — превратится в животное.

Тот поразительный интеллектуальный взрыв, который каждый человек переживает в детстве, обусловлен не столько той «программой», которая заложена в нем природой, но главным образом тем, что он овладевает языком, приобщается к безбрежному океану человеческой культуры. В этом и заключается отличие ребенка от детеныша животного.

Во всем мире известно исследование советского зоопсихолога Н. Н. Ладыгиной-Котс. В течение нескольких лет она воспитывала совместно своего ребенка и детеныша шимпанзе, наблюдала за ними, фиксировала их реакции. В дневнике, который она впоследствии опубликовала, отчетливо видно, как мало заметная поначалу разница в поведении ребенка и молодой обезьяны со временем все увеличивается; причем разрыв связан именно с тем, что ребенок овладевает речью, орудиями и т. д.

Но освоение языка, культуры не может происходить иначе, как через общение ребенка со взрослыми, а в дальнейшем — через книги, произведения искусства, созданные «взрослыми».

Основной тезис Десмонда Морриса: творчество — это проекция детских качеств на жизнь взрослого. Так ли это?

Разумеется, детские игры — творческий процесс, психологи давно заметили это. Однако нельзя, как это делает Моррис, отождествлять творчество ребенка и творчество взрослого. Основные моменты творчества зрелого, сформировавшегося человека — сознательный выбор цели и настойчивое стремление к ее достижению. При этом психологическое побуждение к творческому поиску — неодолимая тяга к новому.

Детское творчество также немыслимо без тяги к новому. Но возникает эта тяга не сама по себе, а при определенных условиях. В ребенке пробуждается исследователь лишь тогда, когда взрослые, осознавая или не осознавая значение этого, в процессе так называемых сюжетно-ролевых игр демонстрируют ребенку круг определенных предметов — хорошо знакомые всем нам игрушки.

Правда, игрушка игрушке рознь. Как установлено, развитию творческих способностей не может служить ограниченный круг предметов, которые представляют из себя уменьшенные копии простейших орудий труда — маленький лук, маленькое веретено, маленький нож, — до сих пор применяемые для детских игр у некоторых народов. По сути дела, эти предметы непосредственно готовят ребенка к тому, чтобы он как можно быстрее смог занять место в достаточно простой и неизменной системе производства. Роль детской игрушки в условиях современной цивилизации совсем иная.

Мы часто восхищаемся детской игрой, ее свободой и раскованностью. Но, несмотря на внешнюю привлекательность детского творчества, главный его недостаток — отсутствие целенаправленности. Более того, даже тогда, когда у ребенка есть определенный замысел, он не располагает ни предметными, ни логическими способами его осуществления.

Именно от взрослых, овладевая языком и письмом, приобщаясь к безграничному океану человеческой культуры, ребенок перенимает способы целенаправленного творчества. И в этом смысле творчество взрослых — качественно иная по сравнению с творчеством ребенка способность. Формируется она в подростковом и юношеском возрасте. Это можно сказать достаточно определенно, хотя для современной психологической науки еще не вполне ясны условия формирования творческих начал у человека.

Итак, дети приобщаются к творчеству не вопреки взрослым, а благодаря им. Значит ли это, что «подавления» детей взрослыми вообще не происходит? Часто бывает: школьник о чем-то спрашивает учителя и в ответ слышит: «Не задавай глупых вопросов!» Или еще: представляя коллеге своих подопечных, преподаватель так отзывается о ком-то из учеников: «А это у нас двоечник». Ясно, что и в том, и в другом случае такое «давление» непременно снижает побуждение школьника к творческому мышлению.

Моррис прав, когда отмечает, что воздействие школьной системы в ее классическом виде на детей противоречиво: с одной стороны, она поощряет изобретательство, с другой — в ней глубоко заложена тенденция к «подавлению» творчества школьников. Действительно, школьников в основном ориентируют на запоминание готовых, «упрямых» фактов. Давайте вспомним свои школьные годы: для иных учителей «любимым» (читай: «удобным») учеником был тот, кто хорошо пересказывал учебник. Между тем сейчас мы хорошо понимаем, что «учить творчеству» — значит прежде всего учить аргументации, вырабатывать у детей приемы аналитического мышления.

Однако у Морриса этот парадокс системы образования оборачивается неким неумолимым роком, угрожающим человечеству как биологическому виду. На самом же деле такая система массового образования сложилась исторически, когда классовому обществу нужны были простые исполнители. Думали и решали за них другие. Задача советской школы принципиально иная — воспитать гармонически развитую личность, самостоятельно мыслящую, инициативную. И методы такого воспитания непрерывно совершенствуются. Кстати, сам же Десмонд Моррис косвенно признает, что развитие творческих способностей у детей существенно зависит от социальной организации их обучения, а не от абстрактно понимаемых отношений «взрослые — дети».

В социалистическом обществе нет места «господству» старших над младшими. И не секрет, что в нашей стране, стране подлинного равенства, все же есть «привилегированный класс» — дети.

Фотомонтаж В. ВАХЧАНЯНА

Колониализм — 1972

# ТРАГЕДИЯ ОЛЬСТЕРА

**ЛЬЕТСЯ КРОВЬ В ОЛЬСТЕРЕ... ЗЛОВЕЩИЕ ОТСВЕТЫ ПОЖАРИЩ, ГЛУХИЕ ОТЗВУКИ ВЫСТРЕЛОВ, КЛУБЫ ОТРАВЛЯЮЩЕГО ГАЗА, ИСКАЖЕННЫЕ УЖАСОМ ЛИЦА ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ. ЛЬЕТСЯ КРОВЬ В ОЛЬСТЕРЕ.**

**АНГЛИЙСКИЕ ОККУПАЦИОННЫЕ ВОЙСКА ОГНЕМ И СВИНЦОМ ПОДАВЛЯЮТ ДВИЖЕНИЕ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ПОЛИТИКИ РЕПРЕССИЙ И ПРОИЗВОЛА, ПРОВОДИМОЙ ПРАВЯЩИМИ КРУГАМИ ЛОНДОНА И БЕЛФАСТА.**

**АНГЛИЯ, ВСЕГДА КИЧИВШАЯСЯ СВОИМИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ИНСТИТУТАМИ», ГРУБО НАРУШАЕТ ПОЛОЖЕНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, ПРИНЯТОЙ В 1948 ГОДУ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ И ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДЛЯ ВСЕХ ГОСУДАРСТВ.**

**НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ МЫ ПУБЛИКУЕМ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ ПРЕССЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О ТОМ, КАК ПРАВЯЩИЕ КРУГИ АНГЛИИ ПРЕСТУПНО ПОПИРАЮТ ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА НАСЕЛЕНИЯ ОЛЬСТЕРА.**

## РУИНЫ БЕЛФАСТА ОБВИНЯЮТ...

— ...Многих наших соседей арестовали, подвергли пыткам, держат в концентрационных лагерях. Многих уже нет в живых. Среди них были борцы, знавшие, что они умирают за Ирландию. А иные погибли просто так...

Мой собеседник, пятидесятилетний часовщик Сэм Боггз, говорит медленно, в такт движениям рук, укладывающих кирпичи в разрушенную стену. Разговор происходит среди руин одного из кварталов католического гетто. Раньше здесь лепились друг к другу одинаковые домики из красного кирпича, а сейчас стоят пустые, почерневшие от огня кирпичные коробки. Крыши рухнули... Над нашими головами в сером небе то и дело пролетают армейские вертолеты.

— Они сожгли сто девяносто четыре дома, — продолжает Сэм Боггз. — Прикатили сюда на броневиках и вышибли в домах двери. Люди вскочили с постелей — кто в чем был. Всех — мужчин, женщин, стариков, детей, больных и здоровых — выгнали на улицу. А потом притащили канистры с горючим, все облили и стали бросать в дома гранаты. А нас заставили стоять и смотреть — мы должны были понять, на чьей стороне сила. Многие из нас работали всю жизнь, чтобы приобрести скромное имущество, которое горело теперь на наших глазах. ...Они смеялись...

Сэм Боггз подправляет только что уложенный кирпич. Вместе с ним здесь работают другие добровольцы, среди которых группа студентов во главе со священником. Они приходят сюда в свободное время — по субботам и воскресеньям. Понадобится, наверное, не меньше двух лет, чтобы восстановить эти дома...

А вот что рассказывает Джозефина Макадори:

— Они ворвались к нам ночью. Было, наверное, часа три. Они так барабанили в дверь, что, казалось, дом рухнет. Я встала, накинула халат и хотела спуститься вниз, чтобы открыть, но они уже успели высадить дверь и поднимались по лестнице. Я прижалась к стене, а один из солдат приставил к моему горлу штык. Они увели Дэниэла, моего мужа. Ему не дали даже обуться. Помню, что хотела закричать, но не могла — от страха потеряла голос. Когда они ушли, я подбежала к окну. Было светло, как днем: они подожгли соседние дома. Весь квартал был оцеплен. Солдаты заходили в дома, выволакивали арестованных и заталкивали их в свои «джипы». Отовсюду неслись крики, плач. Я никак не могла понять, в чем наша вина, за что нам такое наказание... В ту ночь они арестовали больше тысячи человек. Увели моего брата Фрэнки и его двадцатилетнего сына. Увели наших соседей — Тома Ларджи, Пэта Мэйли, Джо Кунгли...

**Джузеппе ГРАЦЦИНИ**
«Эпока» (ИТАЛИЯ)

## *Эдвард КЕННЕДИ:* ЭТО АНГЛИЙСКИЙ ВЬЕТНАМ

*(Из выступления в американском сенате)*

На протяжении столетий народ Ирландии вынужден был вести непрерывную и тяжелую борьбу за свободу и равенство. Разлад и отчаяние стали уделом этой страны. Она была лишена исконного права наций на самоопределение. Часто, предоставленные самим себе, не имея никакой поддержки, доблестные мужчины и женщины Ирландии жертвовали своими жизнями во имя принципов, которые были им дороги. Миллионы людей лишались родного очага, им приходилось покидать любимую родину и начинать жизнь сызнова...

Сейчас ирландцы опять поднялись на борьбу... Теперешний кризис особенно серьезен, потому что накопившаяся горечь и ненависть проявляются в новых, самых крайних формах. Ольстер — на грани гражданской войны, грозящей охватить всю Ирландию. Правительство Ольстера действует с помощью штыков, не останавливаясь перед кровопролитием. Но в гетто Лондондерри люди борются ныне за свободу и право на самоопределение, за принципы, которые все, кто называет себя свободными людьми, считают своим прирожденным правом.

За последние месяцы мы были свидетелями ужасающих вспышек гражданских междоусобиц в Северной Ирландии — худших за пятьдесят лет, минувших с тех пор, как Ирландия была разделена. Число убитых, число жертв всяческих насилий продолжает расти, и никто не в силах положить этому конец. В магазины бросают бомбы. Фабрики закрываются. На улицах, на каждом углу — заграждения из колючей проволоки. Жертвами перестрелок становятся ни в чем не повинные люди, дети...

Я уже и в прошлом много раз говорил, что основной вопрос в Северной Ирландии — это вопрос о правах человека. Пока меньшинство не будет пользоваться равными правами с большинством, мир в Северной Ирландии не наступит. Равноправие — это единственное средство покончить с ненавистью, взращенной годами страха, репрессий и недоверия... Необходимо немедленно вывести из Ольстера английские войска и создать Объединенную Ирландию. Без твердого обязательства вывести войска и объединить Ирландию мира в Северной Ирландии быть не может. Убийства и нетерпимая эскалация насилий будут продолжаться.

Тем, кто заявляет, что неизбежным результатом вывода войск будет превращение Северной Ирландии в кровавую бойню, я отвечу, что кровь там льется уже теперь, и с каждой неделей бойня становится все более кровавой.

Трагично, что правительство Великобритании не понимает того, что присутствие английских войск в Ольстере ведет лишь к росту насилий, вместо того чтобы способствовать миру.

Давно уже не было более яркого примера в подтверждение хорошо известной истины: те, кто не помнит своих прежних ошибок, обречены на их повторение. Все это Англия уже видела, и трагедия Ольстера — это лишь еще одна глава в разворачивающейся на наших глазах трагедии Британской империи. Это, как всюду и везде, борьба людей за основные права человека, за свободу и право на самоопределение.

В другом смысле трагедия Ольстера — это то же, что трагедия Америки в Индокитае. Ибо Ольстер становится английским Вьетнамом. Действительно, сейчас Англия начинает в Северной Ирландии с того же, с чего Америка начинала в Юго-Восточной Азии...

«Конгрешиэл рекорд» (США)

## ЛОНДОН ВЕДЕТ ВОЙНУ

Правда состоит в том, что война, которую Англия ведет в Северной Ирландии, стала такой же широкой по своим целям, как и война во Вьетнаме, а в свое время на Кипре и в Адене... Тут нет только артиллерии и напалма.

Такие, придуманные англичанами, эвфемизмы, как «беспорядки», или «чрезвычайное положение», или, того хуже, «ирландский вопрос», сейчас уже никого не могут ввести в заблуждение. Ясно, что Соединенное Королевство ведет открытую войну в пределах своих границ и что это война между группами его граждан.

...Сегодня вечером, когда я бродил среди английских солдат на Кэндиш-роуд в Белфасте, прислушиваясь к металлическому треску пулеметов и щелканью выстрелов снайперских винтовок за маленьким магазинчиком на углу с рекламой мороженого, я думал: «Неужели это действительно честь британских островов? Знают ли английские министры и члены парламента, какая война ведется здесь?».

Сейчас уже утро, и над рабочими кварталами Белфаста нависли клубы дыма, как когда-то над Лондоном во время бомбардировок.

Ардойн — это передовая линия боев нынешней недели. В районе Фаррингдон-гарденс сожжены целые улицы, там царит мертвая тишина, лишь время от времени можно видеть то отблеск пламени, то какого-то беженца, обычно ребенка, который пытается найти в пепле что-то принадлежавшее его семье.

Подходит мальчик, таща за собой дымящийся матрац. За ним идет его мать, бормоча что-то под нос. Она остановилась, и у обочины дороги ее стошнило.

— Куда вы идете? — спрашиваю.

— Не знаю, — отвечает мальчик.

— Уходим! — говорит его мать.

На Крамлин-роуд страх ощущается почти физически. Почти на каждом доме видны следы пуль. Из-за углов переулков, из-за изуродованного автобуса группы молодых людей внимательно наблюдают за нами. К нам подходит священник. Это патер Мартин Клаффи, и он говорит, что будет лучше, если он вместе с нами пойдет на Оукфилд-роуд, которая была взорвана не всем своим протяжением и у жителей которой нет причин испытывать дружеские чувства к англичанам...

Г-жа Элис Маклолин живет в дома № 25. Она вдова, и ей уже за 60. В четыре часа утра в прошлый вторник ее дом подвергся обстрелу, и в окне ее спальни можно насчитать девять аккуратных пулевых отверстий. Одна пуля попала в стену над ее кроватью, другая прошла через две двухдюймовые двери, после того как пробила дыру в кухонной стене. Г-жа Маклолин говорит, что это сделал патруль армии, пытавшийся попасть в уличный фонарь.

— Я больше не могу выносить все это, — говорит она. — Я больше так не могу...

Мы выходим из ее дома, и нас уже поджидает группа людей.

— Откуда вы? — спрашивает один из них.

— Из «Дейли миррор» («Ежедневное зеркало»).

— Видите, что сделали с зеркалом вчера? Вы, негодяи, все против нас! — Он отворачивается, ходит вокруг меня, подбирая разбитые осколки зеркала.

— Нам лучше удалиться, — говорит патер Клаффи.

Когда мы хотели уйти, в одном из домов по другую сторону улицы открылась дверь, и оттуда выбежала женщина с лицом красным, как рак.

— О, помогите мне! Помогите! — кричит она. И через несколько секунд уже все бегут. Патер Клаффи начинает заикаться от страха.

— Вот видите, — говорит человек с осколками зеркала, — вот что вы делаете с нами! У ее мужа то, что вы вежливо могли бы назвать нервным припадком. А попросту говоря, он сходит с ума, как все здесь, в кого стреляют денно и нощно, как наши дети, которые выросли в таких условиях. Здесь нет ни одного нормального ребенка.

— Английского солдата здесь ненавидят, — говорит патер Клаффи. — Я не могу даже сказать вам, как его ненавидят. Сохрани вас бог.

**Джон ПИЛДЖЕР**
«Дейли миррор» (АНГЛИЯ)

THIS MAD, MAD, MAD WORLD

## ПРИМЕТЫ БЕЗУМНОГО МИРА

### «ИХ СБРАСЫВАЛИ С ВЕРТОЛЕТА...»

Один мой друг привез из Ирландии заверенные копии письменных показаний, которые были даны под присягой Ассоциации по охране правосудия в Белфасте. Там указываются имена, фамилии, возраст и место жительства. Эти показания заверяли, как правило, католические священники...

Людей арестовывали — сплошь и рядом ночью — под такими предлогами, как проживание на улице, население которой дружественно настроено по отношению к ИРА, принадлежность к стрелковому клубу, хлопанье крышкой мусорного бака при выбрасывании помоев (этот звук можно спутать с намеренным хлопаньем крышкой — условный сигнал, которым принято предупреждать соседей о том, что солдаты проводят обыск).

Как обращались с задержанными? Их часами заставляли стоять навытяжку с поднятыми руками, отчего люди нередко теряли сознание; им отбивали почки; канатом привязывали к вертолету, поднимали на высоту четырех половиной метра и сбрасывали вниз; их заставляли бегать босыми по камням и битому стеклу; их били палками по голове и лицу, порой так жестоко, что люди возвращались с допроса на четвереньках; их избивали кастетами.

**Дэвид КРЭГ**
(Выдержки из письма читателя в редакцию английского журнала «Лиснер»)

### БЕДНОСТЬ И БЕСПРАВИЕ

В Северной Ирландии обстановка ухудшается. Каждый день гибнут люди. Речь идет не о религиозной войне, а о социальном конфликте.

Все, с кем я беседовал, независимо от того, к какому лагерю они принадлежат, стремились подчеркнуть, что нынешняя война и партизанские действия не являются конфликтом религиозного характера. Действительно, католики выступают против протестантов, но вовсе не по причинам, связанным с религиозными догмами.

«Это война против привилегий, — объясняет мне приходский священник Мэрфи в очень бедном католическом квартале Фолс-Роуд. — 25 процентов моих прихожан — безработные, а наш квартал еще не самый бедный из всех кварталов Белфаста. В Болливэрфи люди живут еще беднее, и число безработных там составляет 45 процентов. Ничего подобного нет среди протестантов».

Чтобы вскрыть корни дискриминации, которой подвергаются католики, необходимо вернуться на три века назад, когда вступили в силу законы, лишающие католиков их земель. С тех пор уделом католиков стали бедность, безработица, отсутствие возможности жить в приличных жилищах, дать образование своим детям.

Три года назад был принят избирательный закон, устанавливающий определенный имущественный ценз для лиц, имеющих право участвовать в выборах. В соответствии с этим законом католики бедных районов часто оказывались лишенными права голоса...

«Вуа уариер» (ШВЕЙЦАРИЯ)

### ЖЕРТВЫ СЕГРЕГАЦИИ

При виде солдат и полицейских, забаррикадировавшихся в настоящих укрепленных лагерях, и часовых, которые держат палец на курке, вспоминается Сайгон в самый разгар войны. Заблудиться, находясь за рулем автомашины, в Белфасте очень опасно, поскольку просто не знаешь, какому святому и где надо молиться. Здесь протестанты, там католики...

В Белфасте, как и во всем Ольстере, царит полнейшая сегрегация. У каждой общины свои школы. Для католика немыслимо ходить в протестантскую школу, и наоборот. Это продолжается уже очень давно. Чтобы узнать, к какому лагерю принадлежит тот или иной житель Белфаста, достаточно задать один-единственный вопрос: «В какой школе вы учились?» Ибо все начинается в школе. Там маленькие католики изучают историю по-своему, то есть узнают, что англичане — эксплуататоры, что Ирландия — их страна, что их история — это история восстаний против оккупанта, а сейчас идет последний бой, который приведет к окончательному уходу англичан и к воссоединению всей Ирландии.

У протестантов все наоборот. Здесь поддерживается культ короля Вильгельма, колонизировавшего Ирландию. Протестанты — ярые патриоты. Здесь вам толковывают элементарные расистские понятия. Католики? Это грязные, лукавые, ленивые люди...

Политическую жизнь в Ольстере фальсифицируют, а выборы устраивают таким образом, чтобы вся власть оказалась в руках протестантов, то есть в конечном итоге — верхушки предпринимателей и крупных помещиков. На заводах, в учреждениях протестанты занимают большинство ключевых постов. Эта сегрегация удивляет всех, кроме самих жителей Ольстера.

«Нувель обсерватер» (ФРАНЦИЯ)

### ОХОТА НА ЛЮДЕЙ

Беспорядки, настоящие сражения, хриплые крики, автоматные очереди... В Белфасте и Лондондерри каждый день происходят столкновения протестантов и католиков, отрядов ИРА (Ирландская республиканская армия) и британских патрулей. Почти каждый день — убитые в том и другом лагере. Пожары, грабежи, взрывы. Гражданская война, партизанская война в городах: стрелки ИРА берут на мушку преследующих их протестантов и солдат. Бутылки с горючей смесью превращают улицы в пылающие костры. Квартал Фолс-Роуд в Белфасте, как и Богсайд, католическое гетто в Лондондерри, ныне — обгоревшие развалины, разрушенные баррикады...

Время для примирения прошло. Еще менее вероятны политические решения. Католики покидают свои кварталы. Около 8000 бежали через границу в Ирландию. Можно было видеть, как в Дублине, перед тем, как их поселили во временных лагерях, монастырях и школах, беженцев восторженно встречала толпа. Протестанты тоже эвакуируются из смешанных зон Белфаста и Лондондерри, где они жили бок о бок с католиками: они сотнями бегут в Ливерпуль. Что касается британской армии, то ей не удается взять положение под контроль, несмотря на охоту на людей, «прочесывание территории» и обыски с целью обнаружения тайников оружия.

«Лурнуа па?» (БЕЛЬГИЯ)

**Безымянный уличный перекресток... Таких много в лабиринте городов Ольстера, охваченных пламенем освободительной борьбы. Фотокорреспонденту английского журнала «Санди таймс магазин» удалось заснять — кадр за кадром — один из эпизодов, характерных для уличных боев. Казалось бы, это всего-навсего деталь, частица грозных будней Ольстера. Но деталь эта глубоко символична. С одной стороны — автоматы, металлические каски, пуленепробиваемое обмундирование, щиты английских солдат-оккупантов. С другой — юноша, еще недавно сидевший за школьной партой, отважно вступает в неравный бой с силами беззакония и произвола... Эти снимки обошли всю мировую печать.**

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

## Анна ЗЕГЕРС: ВЕРИТЬ В ЗЕМНОЕ!

**Недавно в ГДР вышли новые книги мастера современной немецкой прозы Анны Зегерс: «Верить в земное. Эссе четырех десятилетий», трехтомник «О произведениях искусства и действительности» и «Письма к читателям».**

В этих сборниках писательница как бы приглашает совершить интересное путешествие в свою творческую лабораторию, поразмышлять вместе с думающими и взыскательными читателями о призвании писателя, о его высокой гражданской миссии. Рассказывает ли А. Зегерс об истории возникновения своих романов или пишет о немеркнущем наследии Толстого и Достоевского, или о судьбах своих современников и коллег, она стремится показать читателю, что писатель не может творить вне жизни общества, вне борьбы своего народа. Художественно-публицистические статьи Анны Зегерс, представленные в сборнике «Верить в земное», позволяют читателю составить четкое представление об эстетическом кредо писательницы.

Журнал «Нойе дойче литератур», поместивший рецензию на эти сборники, напомнил, что Анна Зегерс, как прежде Бехер и Брехт, не раз отмечала, что иной читатель, берущий с книжной полки уже законченное художественное произведение, подчас склонен рассматривать процесс литературного творчества упрощенно. Анна Зегерс выступает решительно против любых упрощений творческого облика писателя, против вульгаризаторских суждений о сложном процессе творчества.

Духовное развитие А. Зегерс как писателя нашло свое отражение и на 700 страницах строго документированного трехтомника «О произведениях искусства и действительности». Опубликованные здесь речи и выступления Анны Зегерс на съездах, международных писательских встречах и конференциях добавляют новые штрихи к творческому облику Зегерс — писателя и общественного деятеля ГДР, гражданина социалистической страны, спорящего с аполитичными, обывательскими суждениями о сути писательской профессии. На страницах этих книг она утверждает, что писатель капиталистической страны только тогда способен создать значительные произведения искусства, когда он критически осмыслит социальные явления и преодолеет ту изолированность, на которую его стремится обречь буржуазное общество.

Некоторые из публицистических статей А. Зегерс написаны в форме диалога, подобно «Маленькому сообщению из моей лаборатории» или «Разговору с ребенком о Ленине». Вся публицистика Анны Зегерс — это, в сущности, своеобразный, всегда актуальный диалог с современником.

Ее энергичное, непосредственное общение с читателем запечатлено в «Письмах к читателям», где собрана многолетняя переписка с читателями разных возрастов и профессий. И здесь эпистолярный жанр под пером А. Зегерс становится, в сущности, жанром публицистическим. Письмо используется А. Зегерс как своеобразная форме выражения ее мыслей по разнообразным проблемам литературы, политики, теории и практики художественного творчества. В этом убеждают опубликованные в сборнике письме А. Зегерс к многим зарубежным коллегам.

Три новые книги Анны Зегерс, крупного мастера литературы социалистического реализма, несомненно, обогатят сокровищницу художественной и политической публицистики социалистических стран.

# В ГОРОДЕ «КАРЛСОНА», КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ»

А. МУАЯРЧИК

**В декабре прошлого года по приглашению общества «Швеция — СССР» Стокгольм посетила делегация СП СССР во главе с Даниилом Граниным. Мы публикуем статью члена делегации кандидата филологических наук А. Муярчика.**

ВЫПУСК вероятных бестселлеров, «книг года», обычно приурочивается в Швеции к началу зимы. По утверждению представителей ведущих шведских издательств, на ноябрь и декабрь приходится до 60 процентов всей годовой продажи книг. Когда мы были в Швеции, наибольшими шансами получить это «звание» обладали роман Пера-Улофа Энквиста «Напарник», сборник рассказов Артура Лундквиста «Антиподы» и перевод «Островов в океане» Э. Хемингуэя.

Однако субботнее столпотворение в магазинах (в том числе и книжных) не способно заслонить заботы, которые возникают у каждого, так или иначе затронутого нынешним экономическим спадом в Швеции. «Пытаясь снизить цены на нашу продукцию, мы берем твердый курс на уменьшение числа публикаций», — говорит Георг Свенссон, заместитель главного редактора книгоиздательского отделения крупнейшего концерна «Боньер». Этот маневр фирма проводит в расчете на увеличение тиражей, но меньше названий — значит, меньше рабочих мест для редакторов, помощников редакторов, корректоров. «Да, — соглашается доктор Свенссон, — за последнее время дирекции пришлось переместить несколько десятков наших сотрудников». «Переместить» означает также и уволить: не каждый согласится добровольно уйти на пенсию и освободить свое место.

Мрачные предчувствия томят и Артура Лундквиста, видного прозаика, известного у нас по книгам «Говорящее дерево», «Вулканический континент», «Жизнь и смерть вольного стрелка».

В Сульне, к северу от основной части Стокгольма, недалеко от знаменитого стадиона Росунда, нас гостеприимно встретили у себя Лундквист и его супруга, поэтесса Мария Вине.

— Швеции грозит пресыщенность, гедонизм, — говорит писатель. — Особенно беспокоит меня молодежь. В своей новой работе — это будет поэма в прозе — я хочу указать на оборотную сторону безудержной погони за наслаждением. Вспомните Босха, его картину об удовольствиях «Демоны рая», — и Лундквист берет альбом с репродукциями картин знаменитого художника. — Моя будущая книга получит, я думаю, то же название.

Разнообразна культурная и литературная жизнь Стокгольма. В течение лишь одной недели газета «Афтонбладет» напечатала большое интервью с Даниилом Граниным, состоялся прием по случаю приезда французского писателя Пьера Эммануэля, Пабло Неруде была вручена Нобелевская премия по литературе за 1971 год. Не редкость в Стокгольме и вечера поэзии. Их устраивают для сбора средств в помощь народу Вьетнама, жертвам стихийных бедствий и военных конфликтов: шведские писатели пытаются внести свой посильный вклад в решение сложных вопросов современности.

ХУДОЖНИК и время... Такого пункта не было в официальной повестке дня пленума Союза писателей Швеции, собравшегося в скромном особнячке, на тихой и пустынной улице города. Однако эта проблема всякий раз возникала по обоюдной инициативе в наших беседах с участниками пленума. Профессиональное объединение литераторов существует в Швеции с конца прошлого века, но лишь недавно оно было преобразовано в широкий писательский союз, членами которого состоят не только беллетристы, но и очеркисты, переводчики, критики.

— Наш пленум должен «подчистить» некоторые организационные огрехи, — говорит председатель союза Ян Гелин, — установить должную степень централизации, подумать о дальнейшей защите экономических прав писателя.

Подавляющее большинство писателей по-прежнему вынуждены совмещать служение литературе с каким-нибудь более «прибыльным» занятием. Наш собеседник Ян Гелин — судья по гражданским делам и в то же время даровитый прозаик. В своем последнем романе «Паутина» он продолжает историю Рагнара Аспа, честолюбивого чиновника, героя его нескольких предыдущих книг. Однако больше всего Гелина занимает сейчас, по его собственным словам, проблема молодежи. В диалоге с нею видит он важнейший способ влияния писателя на настоящее и будущее нации.

— Молодежь читает для формирования взглядов, для участия в выработке курса страны, — говорит Гелин, и тут мне слышится невольная *полемика* с пессимизмом А. Лундквиста.— Им уже *недостаточно быть нейтральными в политике, они тянутся к социализму* и, несмотря на индивидуалистическую браваду, чувствуют свою ответственность за судьбы мира. Вам это, наверно, покажется смешным, но мой сын недавно порвал на себе одежду и решил ходить в лохмотьях, демонстрируя тем самым свою солидарность с несчастными бенгальцами.

Нет, в горячности молодого шведа, на мой взгляд, не было ничего удивительного. Плакаты, призывающие на митинги в защиту угнетенного Ольстера, бородатые юноши с кружками, собирающие на перекрестках деньги в фонд помощи борющемуся Вьетнаму, — все это неотъемлемые приметы сегодняшнего Стокгольма. И не только Стокгольма — об антивоенных настроениях в университетской Упсале рассказал нам удивительно похожий на гофманского Ансельма студент института по изучению славянских языков.

— Вьетнам стал своего рода лакмусовой бумажкой для шведской интеллигенции, — продолжил свой рассказ Ян Гелин. — И мы, писатели, не остались в стороне. Книга Ларса Форселя «Почему мы молчим?», напечатанная в 1966 году, всколыхнула всю страну. *Колокол зазвонил: последовали манифестации, сотни тысяч подписей под петициями. Но главное — это помогает всем нам избавиться от сознания шведской исключительности.* Однако эмоциональный порыв, к сожалению, еще не программа действий. Молодежи по-прежнему не хватает большой цели, яркого идеала.

Что касается проблем мировой политики, то к ним шведские писатели относятся по-разному... Прозаик Вильгельм Муберг, например, уже давно стоит на реакционных позициях; сын известного экономиста Гуннара Мюрдаля, поэт и новеллист Ян Мюрдаль внезапно объявил себя поклонником маоизма.

В чисто профессиональных вопросах единый писательский союз осуществляет разные начинания. Уже несколько лет работает в Гетеборге Кооперативное издательство, выпускающее ежегодно свыше 50 названий: с 1967 года существует Писательский центр, своеобразная посредническая организация, призванная облегчить контакты писателей с разнообразными группами их потенциальных слушателей. Школы, лицеи, библиотеки, фабрики — вот неполный список адресов «клиентуры» Писательского центра. Принимал он и советских поэтов — Е. Евтушенко, Р. Рождественского. По словам встретившего нас здесь Якоба Брантинга, Писательский центр оказывает помощь и начинающим литераторам. Именно здесь зародились «Записки уборщицы», принесшие их автору, простой работнице Майе Экелеф, европейскую известность.

— ВАМ, наверно, интересно было бы узнать, где находится тот самый дом, откуда родом и Малыш, и Карлсон, который живет на крыше? — и Астрид Линдгрен, одна из самых популярных писательниц у себя на родине и за ее пределами, сообщает точный адрес: — Вулканусгатан, 12.

На коленях у Линдгрен — разграфленный лист плотной бумаги — перечень названий 40 книг в переводе на 25 языков. И вот заполнена еще одна клеточка — только что в Советском Союзе издана на русском языке ее повесть «Мы — на острове Сальткрока».

— Письма приходят ко мне отовсюду, — рассказывает Линдгрен,— и почти в каждом спрашивают, существует ли на самом деле Карлсон. Ну конечно же, существует! Совсем недавно я его снова встретила, но он сделал вид, что не узнал меня, и промчался мимо. И не удивительно: взрослых Карлсон недолюбливает, все его симпатии отданы детям. И все-таки мне стало кое-что известно о его новых проделках — об этом я написала в книжке под названием «Карлсон, который живет на крыше, снова подкрадывается».

Но следить за неугомонным Карлсоном — не единственная забота Астрид Линдгрен. Своей любимой книгой она считает повесть «Эмиль», написанную отчасти под влиянием знаменитого романа Руссо, а также повесть «Пеппи — Длинныйчулок», недавно экранизированную и показанную на Московском кинофестивале. Весь прошлый год Линдгрен работала над книжкой для самых маленьких — о самолюбивой Лотте, которая хотела доказать всем-всем-всем, что она умеет-таки ездить на велосипеде.

— Теперь у меня стало больше времени, появилась возможность попутешествовать, — говорит писательница. — Будущей весной я хотела бы побывать в Советском Союзе, откуда мне шлют так много писем и чудесных рисунков.

Мы снова встретились с Астрид Линдгрен через несколько дней на приеме в советском посольстве. Сюда съехались видные деятели культуры, издатели и журналисты. Разговор вновь зашел о литературе: с Петером Вайсом о его творческих планах, с известным прозаиком Сиваром Арнером о его только что завершенном романе под ироническим заголовком «В мире все хорошо». Среди тех, с кем мы успели подружиться за двенадцать дней в Швеции, в тот вечер не было, пожалуй, лишь одной — Сары Лидман. Коротко остриженная, с живым взором, выразительными жестами и голосом прирожденного оратора, она выделялась в любой аудитории и была готова дискутировать до поздней ночи. Автор «Бесед в Ханое» и знакомой советским читателям книги репортажей «Шахта», подчеркнуто антибуржуазных драм «Марта, Марта», и «Дикие лебеди», Сара Лидман активно выступает против социальной и политической несправедливости. Мы знали, что сейчас она работает над новой пьесой о жизни рабочих, хотели расспросить ее о дальнейших творческих планах, но Лидман не было в это время в Стокгольме. По поручению Комитета действий в поддержку Вьетнама она выступала на митинге в провинции, тем самым демонстрируя живую связь лучших представителей шведской интеллигенции с прогрессивными устремлениями нашей эпохи.

СТОКГОЛЬМ—МОСКВА

ФЕЛЬЕТОН

# УДУШЕНИЕ БУКВОЙ «У»

**«УБИЙСТВА И УЖАСЫ В УГРЮМОЙ УСАДЬБЕ» — ТАКОВА УНИВЕРСАЛЬНАЯ ФОРМУЛА СОВРЕМЕННОГО «ГОТИЧЕСКОГО» РОМАНА.**

**Как сообщает журнал «Нью-Йорк таймс бук ревью», ежемесячно в США выходит пятьдесят романов из серии так называемых «готических». Термин этот претерпел значительные изменения со времен «Замка Отранто» Горацио Уолпола, написанного в 1764 году. Современный «готический» роман — популярное чтиво весьма низкого качества. Мэри Стюарт, Виктория Холт, Кэвлен Маккиннес и масса других авторов, пишущих под женскими псевдонимами, издают свои книги миллионными тиражами. Кто же их читает? В основном мещанская аудитория, молоденькие девушки, пожилые дамы. «Это основные покупательницы, — замечает один критик, — они разом берут три-четыре произведения, подобно тому как их мужья, удовлетворяя другую властную потребность, заказывают тройную порцию виски».**

**О характере этой низкопробной книжной продукции — одного из средств, с помощью которого буржуазия стремится духовно подчинить потребителя, увести его от больших вопросов, — рассказывается в публикуемом фельетоне американского писателя Гарри Дженнингса.**

ПОДОБНО большинству мальчишек, я хотел стать таким мужчиной, который внушал бы женщинам восхищение и обожание. Но лишь недавно я наконец установил, как именно женщины представляют себе совершенного мужчину, и ознакомился с исчерпывающим его описанием.

«У него волевой рот с полной нижней губой, говорящий о вспыльчивости и чувственности, руки, привыкшие подчинять себе горячую лошадь, капризного ребенка или женщину. Он раздражителен с иностранцами, высокомерен, уверен в себе, неожиданно добр и нежен. Он пылкий любовник».

Цитата почерпнута из моря романов, в которых рисуется дамский идеал мужчины. Эту обширную ветвь литературы я обнаружил совершенно случайно. Мне некоторое время пришлось пожить в крохотном городке за границей, где вскоре я стал раздражителен с иностранцами, высокомерен и зол — главным образом потому, что мне нечего было читать. И тут вдруг выяснилось, что в городке имеется небольшая английская библиотека, в отдел художественной литературы в ней представлен полкой с двадцатью одним романом того сорта, который носит название «готический».

Прилагательное «готический» берет свое начало от архитектурных особенностей древнего обветшалого господского дома или замка, в котором происходит действие. Лица, недостаточно осведомленные в архитектуре, легко могут опознать «готический» роман по преобладанию в нем слов с буквой «у», как то: луна, угрюмая усадьба, убийства, ужас, неумолимая судьба.

Все эти книги на «у» снабжены сумрачными, жуткими названиями, вроде «Тайна Равенкрофта», «Ключи Кидрасена» или «Замок Равенбург». Эти романы похожи друг на друга и больше ни на что. Происходит ли действие на утесе или в усадьбе, сюжеты, действующие лица, эпизоды и диалог остаются идентичными и взаимозаменяемыми.

Героиня — будь то невеста, молодая вдова или гувернантка — приезжает в очередной Равенсгрейв либо в качестве юной супруги владельца поместья, либо как наследница этого поместья, либо для того, чтобы воспитывать осиротевших детей.

На протяжении почти всей книги ничего не происходит — но все время что-то грозит, нависает, мерещится, таится и подстерегает. Старинные портреты вдруг начинают подмигивать и морщиться. С балок капает кровь. Из запертой комнаты в башне доносится вампирический хохот — «мм-буа-ха-хааа!».

Мужчину, читающего подобный роман, не может не смущать одно обстоятельство, которое, по-видимому, нисколько не расхолаживает поклонниц этой литературы,— все эти повествования обычно ведутся от первого лица, то есть от лица самой героини, зажатой в тисках неведомых опасностей. Таким образом, с самого начала ясно, что вопреки всем «мм-буа-ха-хааа!» призраки и прочая нечисть никак ей не повредили. А это несколько ослабляет «леденящий ужас», который сулит каждая суперобложка.

Упомянутым романам свойственна еще одна стилистическая особенность — стоит чему-нибудь произойти (или, наоборот, не произойти, что бывает куда чаще), как повествование прерывается и задремавшего читателя встряхивают с помощью «краткого изложения предыдущих событий». Для этого героиня обычно удаляется в свою комнату и в одиночестве создает ретроспективный обзор при помощи искаженного синтаксиса, бесчисленных вопросительных знаков. Вроде следующего:

«Я мысленно обозрела историю женщин, принадлежавших к роду Лавендов, которые так часто умирали, не достигнув двадцати одного года. Не суждено ли и мне стать одной из них? Была ли попытка удушить меня подушкой? А молоко в тот вечер содержало в себе такую дозу снотворного, что не будь здесь Эдварда и не приведи он ко мне без промедления местного врача, то я, конечно, умерла бы?»

Впрочем, мы отнюдь не намерены заниматься стилистическим анализом, вам все-таки хочется выяснить, каким именно авторы-женщины представляют себе идеал мужчины. Итак, предположим, будто вы собираетесь следовать образцу, предложенному вам в «готических» романах. Не считая обязательных персонажей — героя и злодея, прочее мужское население таких книг состоит из дядюшек, имеющих плантации где-то за океаном, преданных слуг и крестьян. Начните с вопроса: «Кому из этих добрых молодцев я намерен подражать?»

Однако увлечь нас должен все-таки герой, и потому рассмотрим его, а заодно и способы, с помощью которых мы могли бы при желании преобразиться по его образу и подобию. Начать следовало бы с момента рождения, так как герой в идеале рождается или вне уз брака, или под гнетом фамильного проклятия. К тому же это дало бы нам возможность при крещении получить подлинно геройское имя. В этих романах герой зовется либо англо-библейским именем (Джон, Джонас, Джонатан), либо романтическим (Руперт, Макс, Рудольф), либо на манер фирмы, выпускающей дешевые пианино (Сен-Клер Ле Гран), — такое имя я видел своими глазами. В изученных мною двадцати одной книге подавляющий перевес был на стороне имени Джонатан, а Робин и Ноэль прочно занимали второе место.

Однако вашу попытку перекроить себя в героя, возможно, придется отложить на время, потребное для того, чтобы разобраться, кто из двух главных действующих лиц мужского пола — герой, а кто — злодей. На протяжении всей книги героиню равно влечет к обоим — вплоть до развязки на предпоследней странице, когда полоумный в башенке оказывается самим стариком Ле Граном, настоящим владельцем поместья «Ле Равен сюр Байю».

Одолев десяток «готических» романов, вы убедитесь, что рассортировать героев и злодеев очень даже просто. Тот, кого зовут Джонатан, кто был зол, угрюм и невыносим со второй страницы,— тот и герой. Добродушный же розовощекий великан, вроде Ричи («ясные синие глаза, излучающие веселье, густая шевелюра — не морковно-рыжая, а скорее темно-золотистая»), непременно окажется убийцей, самозванцем, растлителем беззащитных невольниц.

Распределяя привычки и манеры среди своих персонажей, дама-романистка награждает злодеев и мямлей всевозможными гнуснейшими пристрастиями — к убийствам, извращениям, горячему пуншу, сигаретам, тогда как герой превращается в носителя всего, что восхищает авторшу. Он рекламирует ее любимые ткани, смокинг фирмы «Сулка», купальный халат фирмы «Джаггер». Он ездит в ее любимой машине — сером «роллс-ройсе» и т. д.

Но вот настал момент, и вам предстоит сообщить героине о своих к ней пылких чувствах. Поглядим, как это делается.

Во-первых, будьте откровенны:

«Я не могу больше молчать. С той минуты, как я увидел вас, застывшую в печальной неподвижности там, на кладбище, признаюсь, я был глубоко взволнован».

Говорите властно:

«Эстер... Эстер! — шептал он. — Неужели вы думаете, что я откажусь от вас? Нет, нет... вспомните, я тоже — Ле Гран. Ничто не отторгнет у меня того, что принадлежит мне».

Говорите глупости.

Обещайте ей все, что угодно.

Дядюшкам, конечно, дозволено испускать смешки, а призракам — хохотать во всю глотку, но если герой посмеет влюбиться радостно, героиня отшатнется, как будто ей в нос ударил скверный запах. Нет-нет, помните, что любовь — дело серьезное, грустное и мрачное.

Скажите ей следующее:

«Когда меня захватывает чувство, я могу удавить вас, и вам покажется это жестоким. Вы ошибаетесь, если ждете, что я всегда буду ласков».

Она поймет:

«Так значит, это и есть любовь — боль, страдания?»

Некоторые энергичные герои иногда сопровождают свое угрюмое объяснение в любви физическим контактом. Наилучшие результаты, насколько я мог понять, дает неуклюжее объятие:

«...прижал ее к себе, и его неуклюжие и нежные движения неожиданно тронули ее».

Тронуло ее, по-видимому, и некое электричество, которым обладают как герои, так и отдельные виды морских угрей:

«...его пальцы сомкнулись на моей руке, и одно мгновение я ощущала в этом пожатии биение грозовых сил, таившихся в этом человеке».

«Когда он внезапно шагнул ко мне и положил худые сильные руки мне на плечи, я задохнулась. Я ощущала их теплоту и силу сквозь материю моего платья».

Хорошо, если бы дамы-писательницы вовремя делали патент и сообщали нам, обыкновенным мужчинам, каким образом достигается тот электротепловой аффект, что проникает сквозь любую ткань. Надо ли худыми сильными руками похлопывать ее плечи? Или сжимать их? Или мять? Иногда авторши прерывают свое повествование, но лишь для того, чтобы обратить наше внимание на материю и фасон вышеупомянутого платья: «васильково-синий муслин с золотистыми полумесяцами. Пышный корсаж, и от талии — два волана до нижней оборки».

Но бог с ними, с руками. Все эти кривые носы, скрюченные пальцы и неразвитый интеллект ничто в сравнении с главным достоинством представителя мужского пола! Ну как, не угадали, что я имею в виду?

Вы имеете полное право спросить, а зачем это все? Зачем прочитывать всю эту белиберду, которая не стоит и клочка белой бумаги?

Ну, хорошо, я вам отвечу и даже открою один секрет. Библиотекарша, у которой я брал все эти «готические» романы, очень и очень мила. Я ей нравлюсь, а может быть, и больше, чем нравлюсь. Но не потому, что я обладаю качествами героя. Просто у нас с ней сходятся литературные вкусы.

*Поэт вдохновенный*

*. . . застенчивый*

# ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ ФРАНСА МАЗЕРЕЕЛЯ

*. . . нищий*

*. . . сентиментальный*

**Гравюры Франса Мазерееля подобны рентгеновским снимкам. Это как бы просвеченные куски жизни. Черное и белое на них не просто оттеняют друг друга, а обнаруживаются как закономерность, как возникшие у разных сторон действительности свойство запечатлеваться в черном или белом цвете. К причинам, порождающим эти свойства, и приковывает наше внимание художник, уча простейшему и самому необходимому: как отличать черное от белого.**

Творческое наследие Франса Мазерееля, известие о смерти которого с глубокой болью отозвалось в сердцах его многочисленных друзей, поистине огромно. Вдохновенный художник, он был и неутомимым тружеником, уже вначале своего творческого пути прочно связавшим свою судьбу с газетным листом. С 1917 по 1920 год его рисунки ежедневно появлялись на страницах швейцарской газеты «Ля Фёй», с 1920 по 1928 год он сотрудничал в издававшейся Анри Барбюсом «Кларте». Таков был старт.

И уже о том, что было создано только в эти годы, Стефан Цвейг без колебаний написал: «Все может погибнуть, все книги, памятники, фотографии и документы. Но если останутся ксилографии, созданные Франсом Мазереелем за последние десятилетия, то по ним одним можно будет восстановить наш современный мир». И это не преувеличение. Однако в своем большинстве сами работы Мазерееля обладают, если так можно выразиться, не восстановительной, а разрушающей, обличительной силой. На них, пронизанных антивоенным, антифашистским пафосом, запечатлены те черты буржуазной цивилизации, которые заставляли и заставляют лучших писателей и художников Запада обращаться к своему времени со словами: «Я обвиняю».

Прочные нити дружбы связывали Мазерееля с художниками слова. Он иллюстрировал произведения Ромена Роллана, Леонгарда Франка, Эмиля Верхарна, Уолта Уитмена, Льва Толстого, делал эскизы декораций к комедиям Бернарда Шоу.

А одна из серий гравюр, созданных Мазереелем в последние годы его творчества, является своего рода «поэтической сюитой»: в ней символически запечатлены разные облики поэтов. Здесь — на гравюре, названной «Вдохновенный», — можно почувствовать и отсвет духовного горения самого Мазерееля, художника, который белым по черному и черным по белому писал о борьбе сил мрака и сил света и ко всему творчеству которого лучшим эпиграфом могла бы служить пушкинская строчка: «Да скроется тьма!».

Н. РАЗГОВОРОВ

## КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ТИР «КЛУБА ДС»

# ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ

**Александр и Лев ШАРГОРОДСКИЕ**

В прошлом месяце наша фабрика игрушек здорово недовыполнила план... Ну там по куклам, по мишкам, по зайцам... А также по отдельным видам волчков. Премию нам, естественно, не дали.

Газета так и писала:

**«Вам не стыдно, товарищи руководители фабрики игрушек?»**

Расстроились мы тут страшно, и в следующем месяце совсем план провалили. Премию нам, естественно, не дали.

Газета так и писала:

**«Позор руководителям фабрики игрушек!»**

Тут мы просто в отчаяние впали.

Как вдруг телеграмма приходит:

«Дорогой дядя директор! Спасибо, что ты больше не выпускаешь заек, артикул 10-38! Миша и Сережа из Урюпинска».

Обрадовала она нас и даже, честно признаться, настроение подняла... Правда, незначительно. Все-таки не премия. Но тут как раз вторая телеграмма:

«Любимые тети и дяди! Как замечательно, что не стало ваших мишек. Теперь мы больше ничего не боимся, не плачем и спокойно спим ночью. Наши мамы готовы вас за это расцеловать.

Катя — 5 лет.
Надя — 4 года 3 месяца».

Тут нам так хорошо стало, как будто мы премию получили. Но мы, естественно, ничего не получали...

А письма и телеграммы шли сплошным потоком. От всех слоев населения. И все благодарственные...

И тут нас возмущение просто охватило!

Думаем: «Что же это получается? Когда нас народ не хвалит — нам премию дают, а когда благодарит — так не дают!» Ну и рассердились, и пошли мы с этим в Главк.

— А-а, — говорят, — пришли, голубчики.

И всыпали нам за срыв плана.

Отвечаем:

— Извините, — и корреспонденцией потрясаем.

Тут нам еще больше дали прикурить. А премию, естественно, не дали.

Тогда мы ужасно разозлились и выполнили план в следующем месяце на 121 проц. Одних заек, артикул 10-38, более полумиллиона выпустили. Газета так и написала:

**«Особенно хочется отметить успех фабрики игрушек».**

Правда, письма почему-то приходить перестали. Ну так что?

Зато премию нам, естественно, дали.

ЛЕНИНГРАД

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

## РОГА И КОПЫТА

**● ДОСРОЧНО!**

Из мест заключения досрочно выпущен Сидор Козлов, отбывший наказание за хулиганство. Коллектив фабрики торжественно отметил это событие. В своей речи И. В. Соловьев подчеркнул высокую сознательность С. Козлова, который уже в третий раз выходит на волю досрочно.

**● К ЗАВЕТНОЙ ТЫСЯЧЕ**

Двести пятьдесят голов не хватает игроку футбольной команды гор. Новостаровска Николаю Булдырину до знаменитого рекорда Пеле.

— Мы верим в Колю, он догонит, — любовно говорят товарищи по команде о своем вратаре.

**● В НОГУ С ВЕКОМ**

Интересное новшество введено в ресторане «Космос». Через каждые 10 минут швейцар, одетый в легкий скафандр, входит в зал и докладывает публике о работе вестибулярного аппарата.

**Американский писатель Курт Воннегут-младший — автор шести романов и сборника рассказов. На русский язык переведены его романы «Утопия-14», «Колыбель для кошки» и «Бойня номер пять».**

**Курт Воннегут известен также и как автор юмористических и сатирических произведений. Его последняя работа — сборник рассказов «Милости просим в обезьянний вольер» — представляет собой своеобразные притчи о человеческой глупости, написана легко, с мягкой иронией, в ней тесно переплетены выдумка и реальность, фантазия и достоверность.**

**Мы предлагаем вниманию читателей рассказ, взятый из этого сборника, «Лохматый пес Тома Эдисона», который знакомит с Воннегутом-юмористом.**

Курт ВОННЕГУТ (США)

ПЕРЕВОДЫ

# ЛОХМАТЫЙ ПЕС ТОМА ЭДИСОНА

Собака В. БАХЧАНЯНА

ПРЕКРАСНЫМ солнечным утром два старичка сидели на скамейке парка в городе Тампа, во Флориде. Один из них упорно пытался читать книгу — как видно, она ему очень нравилась, а другой, по имени Харольд К. Баллард, рассказывал ему историю своей жизни хорошо поставленным, звучным и отчетливым голосом, словно вещая через громкоговоритель. Под скамейкой растянулся огромный ньюфаундленд Балларда, который усугублял мучения молчаливого слушателя, тыкаясь ему в ноги большим мокрым носом.

Перед тем как уйти на покой, Баллард преуспел во многих областях, и ему было приятно вспомнить столь содержательное прошлое. Но он столкнулся с проблемой, которая так осложняет жизнь каннибалов, а именно — с невозможностью использовать одну и ту же жертву несколько раз кряду. Стоило кому-нибудь провести некоторое время в обществе Балларда и его пса, и уж больше он никогда не садился на одну с ним скамейку.

Потому-то Баллард и его пес ежедневно отправлялись в парк на поиски новых жертв. В это утро им повезло: они сразу же наткнулись на этого незнакомца. Видно было, что он только что прибыл во Флориду.

— Да-а, — произнес Баллард примерно через час, подводя итог первой части своего повествования, — за свою жизнь я успел пять раз сколотить и потерять состояние.

— Это я уже слышал, — ответил незнакомец, имени которого Баллард так и не спросил. — Эй, потише, приятель! Фу, фу, фу, слышишь?! — сказал он псу, который все настойчивее добирался до его щиколоток.

— Два состояния на недвижимости, два — на железном ломе, одно — на нефти и еще одно — на овощах.

— Охотно верю, — сказал незнакомец. — Простите, пожалуйста, вы не могли бы убрать куда-нибудь своего песика? Он все время...

— Он-то? — благодушно сказал Баллард. — Добрейшее существо в мире. Можете не бояться.

— Да я не боюсь. Просто у меня лопнет терпение, если он будет вот так принюхиваться к моим ногам.

— Пластик, — сказал Баллард и хихикнул.

— Что?

— Пластик. У вас там есть что-то пластмассовое на подвязках. Сам не знаю, в чем тут загвоздка, а только он вам разнюхает эту пластмассу где угодно — отыщет мельчайшую крошку. Витаминов ему не хватает, что ли,— хотя, ей-богу, питается он получше меня. Однажды слопал пластмассовую плевательницу — целиком.

Пес наконец-то обнаружил пластмассовые пуговицы на подвязках и, просовывая голову то справа, то слева, примеривался, как бы получше запустить зубы в это лакомство.

— Прошу прощенья, — вежливо сказал незнакомец. Он захлопнул книгу, встал и отдернул ногу от собачьей пасти. — Мне уже пора. Всего хорошего, сэр.

Он побрел по парку, отыскал другую скамейку, опустился на нее и принялся за чтение. Дыхание его только-только успело прийти в норму, как вдруг собачий нос, мокрый, как губка, снова уткнулся ему в ноги.

— А, так это вы! — сказал Баллард, усаживаясь рядом. — Это он вас выследил. Вижу — он взял след, ну, думаю, пускай себе идет, куда хочет. Да, так что же это я вам говорил насчет пластика? — Он с довольным видом огляделся. — Правильно сделали, что перешли сюда. Там было душновато. Ни тебе тени, ни ветерка.

— А может, он уберется, если я куплю ему плевательницу? — спросил незнакомец.

— Неплохо сказано, совсем неплохо сказано, — добродушно заметил Баллард. Внезапно он хлопнул незнакомца по коленке. — Эй-эй, а вы сами-то случайно не занимаетесь пластиками? Я тут, понимаете, разболтался о пластиках, и вдруг выходит, что это ваше прямое дело!

— Мое дело? — медленно произнес незнакомец, откладывая книгу. — Простите, я никогда не занимался делом. Я стал бездельником с девяти лет, с тех самых пор, как Эдисон устроил лабораторию в соседнем доме и показал мне анализатор интеллекта.

— Эдисон? — сказал Баллард. — Томас Эдисон, изобретатель?

— Можете считать его изобретателем, если угодно, — сказал незнакомец.

— То есть как это, если угодно? Только так, и не иначе! Он же отец электрической лампочки и бог знает чего еще!

— Можете считать, что он изобрел электрическую лампочку, раз вам так нравится. Это никому не повредит. — И незнакомец снова уткнулся в книгу.

— Эй, послушайте, вы меня разыгрываете, что ли? Какой это еще анализатор интеллекта? В жизни о таком не слыхал.

— Еще бы! Мы с мистером Эдисоном поклялись держать все в тайне.

— А... этот самый.. ну, анализатор интеллекта... Он что, анализировал интеллект?

— Нет, масло сбивал, — отвечал незнакомец.

— Ну, послушайте, давайте серьезно... — стал уговаривать Баллард.

— А не лучше ли и вправду поделиться с кем-нибудь? — сказал незнакомец. — Тяжко носить в груди тайну, молчать долгие годы, без конца, год за годом. Но могу ли я быть уверен, что она не пойдет дальше?

— Слово джентльмена, — торопливо заверил его Баллард.

— Да, крепче слова, пожалуй, и не найдешь, — задумчиво сказал незнакомец.

— И не ищите, — сказал Баллард. — Полная гарантия, чтоб мне помереть на этом месте!

— Прекрасно. — Незнакомец откинулся на спинку скамейки и прикрыл глаза, словно отправляясь в далекое путешествие во времени. Он безмолвствовал целую минуту, и Баллард почтительно ждал. — Это было давно, осенью тысяча восемьсот девяносто седьмого года, в поселке Мэнло Парк, в Нью-Джерси. Я был тогда девятилетним мальчишкой. Некий молодой человек — все считали, что он колдун, не иначе, — устроил лабораторию в соседнем доме; оттуда доносились то взрывы, то вспышки, и вообще там творилось что-то неладное. Я не сразу познакомился с самим Эдисоном, а вот его пес Спарки стал моим неразлучным спутником. Он был очень похож на вашего пса, этот Спарки, и мы с ним частенько носились друг за другом по всем дворам. Да, сэр, ваш пес — вылитый Спарки.

— Да что вы говорите? — Баллард был польщен.

— Святая правда, — отвечал незнакомец. — Так вот однажды мы со Спарки возились во дворе и как-то очутились у самой двери эдисоновской лаборатории. Не успел я опомниться, Спарки как турнет меня прямо в дверь, и — бамм! — я уже сижу на полу лаборатории, уставившись прямо на мистера Эдисона.

— Вот уж он разозлился, это точно! — сказал Баллард, просияв.

— Я перепугался до полусмерти — вот это уж точно. Я-то подумал, что попал в пасть к самому сатане. У него за ушами торчали какие-то проволочки, а спускались они к ящичку, что был у него на коленях! Я было рванул к двери, но он изловил меня за шиворот и усадил на стул.

— Мальчик, — сказал Эдисон. — Тьма гуще всего перед рассветом. Запомни это хорошенько.

— Да, сэр, — сказал я.

— Вот уже больше года, — поведал мне Эдисон, — я ищу нить для лампочки накаливания. Волосы, струны, стружки — чего я только не перепробовал, и все впустую. Пытался думать о другом, решил заняться тут одной штукой — просто чтобы стравить пар. Собрал вот это, — и он показал на небольшой черный ящичек. — Мне пришло в голову, что интеллект — всего лишь особый вид электричества, вот я и сделал этот анализатор интеллекта. И представляешь — действует! Ты первый это узнаешь, мой мальчик. А почему бы тебе не быть первым? В конце концов именно твое поколение увидит грандиозную новую эру, когда людей можно будет сортировать проще, чем апельсины.

— Что-то не верится, — сказал Баллард.

— Разрази меня гром! — сказал незнакомец. — Прибор-то работал. Эдисон испытал его на своих коллегах, только не сказал им, что тут к чему. И чем умнее был человек — клянусь честью! — тем больше стрелка на шкале маленького черного ящичка отклонялась вправо. Я разрешил ему попробовать прибор на мне. Стрелка не сдвинулась с места, только задрожала. Но как бы я ни был глуп, именно в тот момент я в первый и единственный раз в жизни послужил человечеству. Как я уже говорил, с тех пор я пальцем о палец не ударил.

— Что же вы сделали? — взволнованно спросил Баллард.

— Я сказал: «Мистер Эдисон, сэр, а что если попробовать его на собаке?» Хотел бы я, чтобы вы своими глазами видели, какое представление закатила собака, как только я это сказал. Старина Спарки залаял, завыл и стал царапаться в дверь, чтобы выбраться вон. Когда же он смекнул, что мы не шутим и что выбраться ему не удастся, он бросился, как коршун, прямо к анализатору интеллекта и вышиб его из рук Эдисона. Но мы загнали его в угол, и Эдисон прижал его покрепче, пока я подсоединял проволочки к его ушам. И вот — хотите верьте, хотите нет,— стрелка прошла через всю шкалу, далеко за деление, отмеченное красным карандашом!

— Мистер Эдисон, сэр, — говорю я, — а что значит вон та красная черточка?

— Мой мальчик, — говорит Эдисон, — это значит, что прибор вышел из строя, потому что красная черточка — это я сам.

— Я так и знал, что прибор разбился! — сказал Баллард.

— Прибор был целехонек. Да, сэр. Эдисон проверил его — все точно, как в аптеке. Когда он сказал мне об этом, Спарки понял, что деваться ему некуда, струсил и выдал себя с головой.

— Это как же? — недоверчиво спросил Баллард.

— Понимаете, мы же были заперты накрепко — изнутри. На дверях было три запора: крючок с петлей, задвижка и обычный замок с ручкой. Так этот пес вскочил, сбросил крючок, отодвинул задвижку и уже вцепился зубами в ручку, когда Эдисон его схватил.

— Да вы что? — сказал Баллард.

— Так-так, — сказал Эдисон своему псу. — Лучший друг человека, а? Бессловесное животное, а?

Этот Спарки был настоящий конспиратор. Он принялся чесаться, выкусывать блох, рычать на крысиные норы — только бы не встретиться глазами с Эдисоном.

— Очень мило, а, Спарки? — сказал Эдисон. — Пускай другие лезут вон из кожи, добывают пищу, строят жилье, топят, убирают, а тебе только и дела, что валяться перед камином, гонять за сучками да лезть в драку с кобелями. Ни тебе закладных, ни политики, ни войны, ни работы, ни заботы. Стоит только помахать верным старым хвостом или руку лизнуть — и твоя жизнь обеспечена.

— Мистер Эдисон, — говорю, — вы что, хотите мне сказать, что собаки перехитрили людей?

— Перехитрили? Облапошили — и я об этом заявляю на весь мир! А я-то, чем я занимался целый год? Выкладывался, как раб, до последнего, лампочку изобретал, чтобы собакам было удобнее играть по вечерам!

— Послушайте, мистер Эдисон,— говорит Спарки,— а почему бы нам не договориться? Давайте сохраним это дело в тайне — ведь уже не одну сотню тысяч лет все идет хорошо, и все довольны. Зачем, как говорится, будить спящих псов? Вы обо всем забудете и уничтожите анализатор интеллекта, а я вам за это скажу, какую нить использовать в лампочке.

— Чушь собачья! — сказал Баллард, багровея.

— Даю вам честное слово джентльмена. Ведь этот пес и меня вознаградил за молчание: он подсказал мне биржевую операцию и обеспечил богатство и независимость на всю мою жизнь. Последние слова, которые произнес Спарки, были обращены к Тому Эдисону. «Попробуйте взять кусок обугленной хлопковой нити», — сказал он. Несколько минут спустя он был разорван на клочки стаей собак, которые собрались у дверей — подслушивали.

Незнакомец снял свои подвязки и протянул их собаке Балларда.

— Вот, сэр, небольшой сувенир в знак уважения к вашему предку, которого сгубила неумеренная болтливость. Всего хорошего.

Он сунул книгу под мышку и пошел прочь.

Перевела с английского М. КОВАЛЕВА

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

# ДЕФИЦИТНАЯ ПРОФЕССИЯ

**Игорь ЯРОСЛАВЦЕВ**

На столе у директора учреждения Калмыкова зазвонил звонок и замигала красная сигнальная лампа. Директор быстро вышел в приемную.

— Слушаю вас, Зинаида Николавна!

— Уже одиннадцать, Прокопий Спиридонович, я жду чай. И, пожалуйста, с лимоном.

— Извините, Зинаида Николавна! Заработался. Один момент! — И директор побежал в буфет за чаем.

— Мне у вас нравится, — прихлебывая чай, говорила секретарша. — Мебель хорошая, мягкая. В окна не дует. Только печатать много даете. Утомляюсь я, а мне покой нужен.

— Помилуйте, Зинаида Николавна! — заволновался директор. — Где же много? На той неделе пять писем напечатали да одну докладную записку. По две странички на день вышло. Еще чайку?

— Нет, спасибо, хороший чай, крепкий, и сахару много. Я, пожалуй, отдохну немного. — И она достала из стола маленькую подушечку.

Директор на цыпочках прошел в кабинет, переключил на себя телефон и вытер платком взмокший лоб. Он сидел и думал: «Что будет, если уйдет и эта машинистка? Придется закрывать контору»...

## ФРАЗЫ

● *Не горюй! И старость проходит...*

В. ХОЧИНСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

● *Не в деньгах счастье. Но что-то в них все же есть.*

● *Мы давно познали бы истину, если б разобрали, что глаголят младенцы.*

● *В науке, как и в спорте, важно участие, а не результат.*

● *Повысим серость серого вещества!*

Ратмир ТУМАНОВСКИЙ

● *Подумать только! Ведь надо было только подумать.*

Г. КОСТОВЕЦКИЙ, О. ПОПОВ
КИЕВ

Рис. В. СУХОМЛИНОВА

— Желаю вам счастья по всем четырем программам!
Рис. В. ПЕСКОВА

# РЕПЛИКА

*Серьезный толстый журнал никогда не позволит себе публикацию юмористического [illegible] романа. В крайнем случае [illegible] этому некогда [illegible] жанру [illegible] в уважающем себя толстом журнале две-три подборки страницы — и все дела.*

*Каково же было наше удивление, если не сказать — возмущение, когда мы узнали, что три толстых, солидных журнала в своих январских книжках напечатали сатирические романы, да еще с продолжением! В «Дружбе народов» идет произведение под сомнительным названием «Надгробие от Эльвиры», автор Л. Промет. В «Молодой гвардии» начали печатать роман более чем с нескромным названием «Беса», некоего Ю. Алексеева. И уж совсем непонятен широкому читателю журнал «Новый мир», выступивший с романом автомобилиста Л. Лиходеева. Роман так и называется — «Я и мой автомобиль».*

*Год только-только начался, а уже три ведущих журнала, словно сговорившись, обратились к жанру, который оставляет желать. И это не может не тревожить. Пусть об этом задумаются труженики названных журналов. Крепко задумаются! А мы им в этом деле поможем. Конечно, найдутся досужие умы, которые скажут: «Сатирические романы? В журналах? Это прелюбопытно. Видать, лед все же тронулся».*

# ФОТОАТЕЛЬЕ

**Администрация «Клуба ДС» уважает кошек и телевизор. А также собак. Поэтому ей особенно интересно было познакомиться с ответами на фотографию В. Смирнова («ЛГ», № 2, 1972).**

**Пожалуй, точнее всех ответил В. Бородыня из Киева: «Кошка смотрит передачу по телевидению». Ну что ж, просто, но со вкусом.**

**Майя Тюзин из Семипалатинска угадала подписи, которые прислали многие другие читатели: «Плоды просвещения», «Кот-пенсионер», «Что наша жизнь? — Игра!», «А судьи кто?».**

**Синхронно ответили Кисельниковы из Новороссийска, С. Александров из Краснодара, Э. Агабальянц из Киева, А. Аркин из Москвы, И. Жданова из Москвы и Онищенко из Киева: «Идет передача «В мире людей. Думают ли они?» Спасибо, товарищи телезрители.**

**«Мяса и зрелищ!» — Т. и Ю. Дмитовичи (Нальчик).**

**«Телевизионная» подпись: «Опять программу изменили: вместо «Глупого мышонка» этот дурацкий хоккей показывают!». М. Левин (Донецк).**

**На тему «Спорт» товарищи высказываются так: «Кошка Старшинова» — супруги Катасоновы (Москва). «Тревожные раздумья перед Саппоро» — В. Гиренко (Житомир). «Опять эти черненькие мышей не ловят» — В. Рахина (Москва).**

**А вот клиенты «Фотоателье» «рассуждают»: «Думаю, снимок можно назвать «Цивилизация развращает» или «Дурные примеры заразительны», но, возможно, я ошибаюсь и клевещу на очень хорошую кошку» — Н. Кошляк (Кзыл-Ординская обл.).**

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

**Павел ХМАРА**

## *Ода головастику, становящемуся лягушкой*

Хвала тебе, о головастик!
Я исполать тебе пою.
Пронес ты гордо сквозь
напасть
большую голову свою.
Тебя с охотой бы схватили
и разодрали в пух и прах
эскадры рыб, полки
рептилий
и эскадрильи злобных птах!
Но всё в твоем
ничтожном теле
так горячо
стремилось жить,
что не сумели, не сумели
тебя схватить и проглотить!
Ты был быстрее,
был мудрее,
чем головастая братва...
Ну так швырни же в мир
скорее
свое победное «ква-ква»!
Тебя из камня надо высечь,
на общий выставить обзор
за то, что ты — один
из тысяч —
прошел естественный
отбор
в толпе, где не пробиться
с пушкой,
где справа брат
и слева брат
стремится лично
стать лягушкой.
А всех других —
пускай едят.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Адрес редакции и издательства: [illegible] Москва [illegible] Цветной бульвар 30. Телефон для справок 295 00 00 доб. 6[illegible]

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—06013
Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30.
Зак. 69.
ИНДЕКС 50067